

НОВЫЙ МИР

9-10

МОСКВА

1941

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1941 г.

№ 9—10

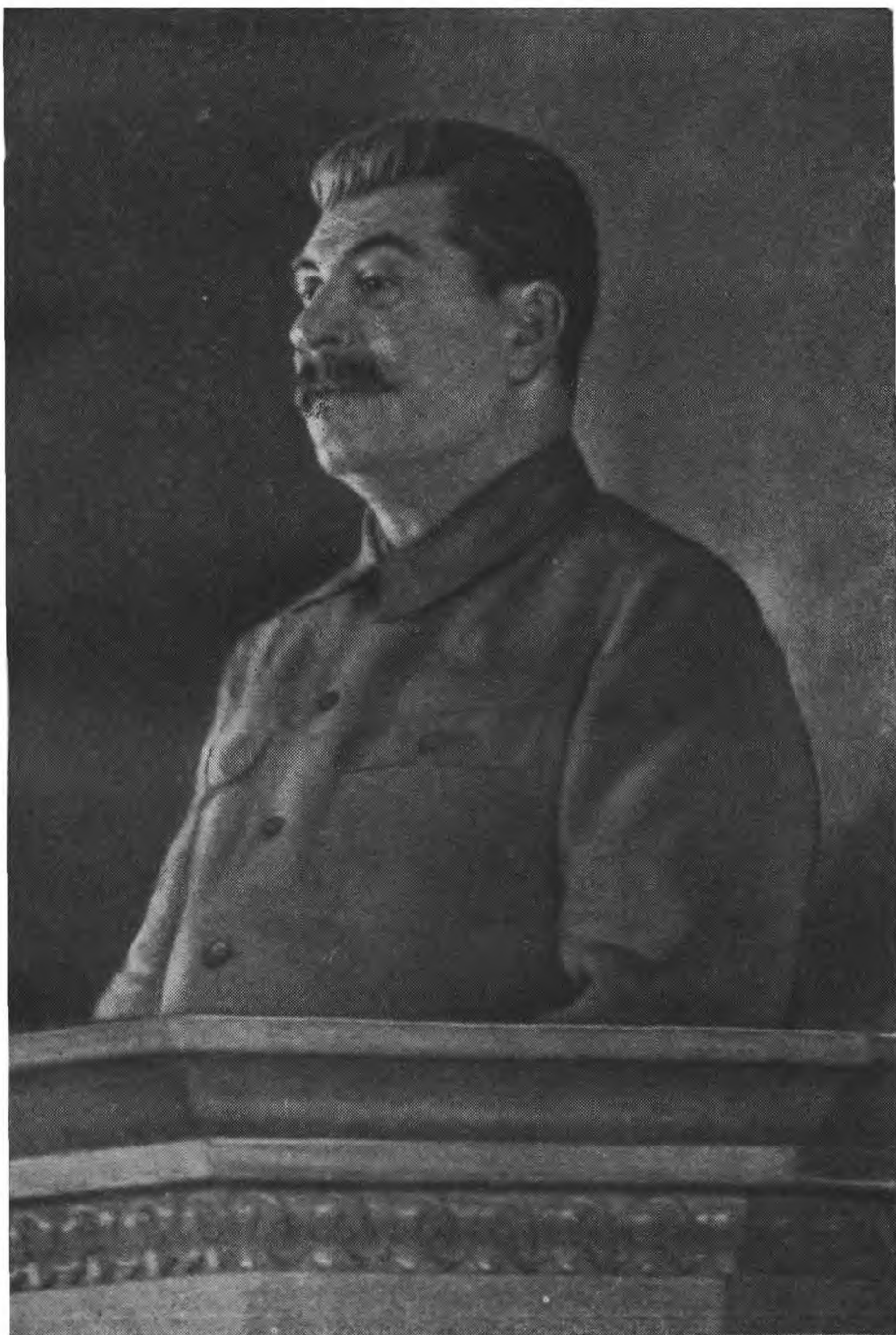
Год издания XVII

★ ★ ★

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
XXIV годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депута- тов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года	3
Речь Председателя Государственного Комитета Обороны и Народного Комиссара Обороны товарища И. В. Сталина на Красной площади в день XXIV годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции	14
★	
<i>И. Бачелис</i> — Большой день	17
<i>Н. Тихонов</i> — Ленинград слушает Сталина	22
<i>Николай Браун</i> — Слово ленинградца, стихи	27
<i>Леонид Соболев</i> — Ночь летнего солнцестояния, рассказ	31
<i>С. Олендер</i> — Дерево, стихи	42
<i>Л. Шершар</i> — Фронтовые записи	45
<i>Марк Лисянский</i> — Моя Москва, стихи	50
Москва, ноябрь — декабрь, 1941, фотоочерк М. Грачева, С. Гурарий, Р. Кармен и Т. Бунимовича	51
<i>Ю. Слезкин</i> — По тылам войны	68
<i>М. Щеголева</i> — Черные дни Ясной Поляны, из дневника	75
<i>В. Бредель</i> — Великое решение, рассказ	89
<i>Вл. Козин</i> — У озера, рассказ	96
<i>С. Сергеев-Ценский</i> — Матрос Чистозвонов, новелла	99
★	
<i>М. Калинин</i> — Отечественная война советского народа против немецких захватчиков	104
<i>А. Еголин</i> — Горький — великий патриот	127
Рассказы участников отечественной войны	135
<i>Вл. Ставский</i> — Все для родины	141
<i>А. Хамадан</i> — Люди Западного фронта	149
<i>И. Зильберфарб</i> — Германия Гитлера против Германии Гете	158
<i>И. Лазаревский</i> — Русские художники-баталисты прошлого	174
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я	
<i>М. Красноставский</i> — Голос народа	181
<i>И. Макаров</i> — Песни партизан	182
<i>А. Котов</i> — Записки русского офицера	183
<i>В. Александров</i> — В оккупированных странах	185
<i>Янина Броневская</i> — Путь шел через Нарвик	186
<i>И. Заревский</i> — М. Ю. Лермонтов в искусстве и литературе	188
<i>Л. Львов</i> — Порабощенная Румыния	189
<i>А. Кашин</i> — Книга о бдительности	190

★

Товарищ Сталин выступает с докладом на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 года.

XXIV годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции

Доклад Председателя Государственного Комитета Оборона товарища И. В. Сталина

на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года

Товарищи!

Прошло 24 года с тех пор, как победила у нас Октябрьская Социалистическая революция и установился в нашей стране советский строй. Мы стоим теперь на пороге следующего, 25-го года существования советского строя.

Обычно на торжественных заседаниях в годовщину Октябрьской революции подводятся итоги наших успехов в области мирного строительства за истекший год. Мы действительно имеем возможность подводить такие итоги, так как наши успехи в области мирного строительства растут не только из года в год, но и из месяца в месяц. Что это за успехи и насколько они велики, — это известно всем, как друзьям, так и врагам.

Но истекший год является не только годом мирного строительства. Он является вместе с тем годом войны с немецкими захватчиками, вероломно напавшими на нашу миролюбивую страну. Только в течение первых шести месяцев истекшего года довелось нам продолжать нашу мирную, строительную работу. Вторая половина года, более 4-х месяцев, проходит в обстановке ожесточенной войны с немецкими империалистами. Война стала таким образом поворотным пунктом в развитии нашей страны за истекший год. Война значительно сократила, а в некоторых областях прекратила вовсе нашу мирную строительную работу. Она заставила перестроить всю нашу работу на военный лад. Она превратила нашу страну в единый и всеобъемлющий тыл, обслуживающий фронт, обслуживающий нашу Красную Армию, наш Военно-Морской Флот.

Период мирного строительства кончился. Начался период освободительной войны с немецкими захватчиками.

Вполне уместно поэтому поставить вопрос об итогах войны за вторую половину истекшего года, собственно за четыре с лишним месяца второй половины года, и о тех задачах, которые мы ставим себе в этой освободительной войне.

ХОД ВОЙНЫ ЗА 4 МЕСЯЦА

Я уже говорил в одном из своих выступлений в начале войны, что война создала опасную угрозу для нашей страны, что над нашей страной нависла серьезная опасность, что нужно понять, осознать эту опасность и перестроить всю нашу работу на военный лад. Теперь в итоге 4-х месяцев войны я должен подчеркнуть, что эта опасность не только не ослабла, а наоборот еще более усилилась. Враг захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, ряд других областей, забрался в Донбасс, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице — Москве. Немецко-фашистские захватчики грабят нашу страну, разрушают созданные трудами рабочих, крестьян и интеллигенции города и села. Гитлеровские орды убивают и насиуют мирных жителей нашей страны, не щадя женщин, детей, стариков. Наши братья в захваченных немцами областях нашей страны стонут под игом немецких угнетателей.

Потоки вражеской крови пролили бойцы нашей армии и флота, защищая честь и свободу родины, мужественно отбивая атаки озверелого врага, давая образцы отваги и геройства. Но враг не останавливается перед жертвами, он ни на йоту не дорожит кровью своих солдат, он бросает на фронт все новые и новые отряды на смену выбывшим из строя и напрягает все силы, чтобы захватить Ленинград и Москву до наступления зимы, ибо он знает, что зима не сулит ему ничего хорошего.

За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4 с половиной миллионов человек.

Не может быть сомнения, что в результате 4-х месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, — оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме.

ПРОВАЛ «МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЫ»

Предпринимая нападение на нашу страну, немецко-фашистские захватчики считали, что они наверняка смогут «покончить» с Советским Союзом в полтора — два месяца и сумеют в течение этого короткого времени дойти до Урала. Нужно сказать, что немцы не скрывали этого плана «молниеносной» победы. Они, наоборот, всячески рекламировали его. Факты, однако, показали всю легкомысленность и беспочвенность «молниеносного» плана. Теперь этот сумасбродный план нужно считать окончательно провалившимся. **(Аплодисменты.)**

Чем объяснить, что «молниеносная война», удавшаяся в Западной Европе, не удалась и провалилась на Востоке?

На что рассчитывали немецко-фашистские стратеги, утверждая, что они в два месяца покончат с Советским Союзом и дойдут в этот короткий срок до Урала?

Они рассчитывали прежде всего на то, что серьезно надеялись создать всеобщую коалицию против СССР, вовлечь Великобританию и США в эту коалицию, предварительно запугав правящие круги этих стран призраком революции, и полностью изолировать таким образом нашу страну от других держав. Немцы знали, что их политика игры в противоречия между классами отдельных государств и между этими государствами и Советской страной уже дала свои результаты во Франции, правители которой, дав себя запугать призраком революции, с перепугу положили под ноги Гитлера свою родину, отказавшись от сопротивления. Немецко-фашистские стратеги думали, что то же самое произойдет с Великобританией и США. Небезызвестный Гесс для того, собственно, и был направлен в Англию немецкими фашистами, чтобы убедить английских политиков примкнуть к всеобщему походу против СССР. Но немцы жестоко просчитались. **(Аплодисменты.)** Великобритания и США, несмотря на старания Гесса, не только не присоединились к походу немецко-фашистских захватчиков против СССР, а наоборот, оказались в одном лагере с СССР против гитлеровской Германии. СССР не только не оказался изолированным, а наоборот, приобрел новых союзников в лице Великобритании, США и других стран, оккупированных немцами. Оказалось, что немецкая политика игры в противоречия и в запугивание призраком революции исчерпала себя и уже не годится для новой обстановки. И не только не годится, но еще чревата большими опасностями для немецких захватчиков, ибо она ведет в новых условиях войны к прямо противоположным результатам.

Немцы рассчитывали, во-вторых, на непрочность советского строя, непрочность советского тыла, полагая, что после первого же серьезного удара и первых неудач Красной Армии откроются конфликты между рабочими и крестьянами, начнется драчка между народами СССР, пойдут восстания и страна распадется на составные части, что должно облегчить продвижение немецких захватчиков вплоть до Урала. Но немцы и здесь жестоко просчитались. Неудачи Красной Армии не только не ослабили, а наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР. **(Аплодисменты.)** Более того, — они превратили семью народов СССР в единый, нерушимый лагерь, самоотверженно поддерживающий свою Красную Армию, свой Красный Флот. Никогда еще советский тыл не был так прочен, как теперь. **(Бурные аплодисменты.)** Вполне вероятно, что любое другое государство, имея такие потери территории, какие мы имеем теперь, не выдержало бы испытания и пришло бы в упадок. Если советский строй так легко выдержал испытание и еще больше укрепил свой тыл, то это значит, что советский строй является теперь наиболее прочным строем. **(Бурные аплодисменты.)**

Немецкие захватчики рассчитывали, наконец, на слабость Красной Армии и Красного Флота, полагая, что немецкой армии и немецкому флоту удастся с первого же удара опрокинуть и рассеять нашу армию и наш флот, открыв себе дорогу на беспрепятственное продвижение в глубь нашей страны. Но немцы и здесь жестоко просчитались, переоценив свои силы и недооценив нашу армию и наш флот. Конечно, наша армия и наш флот еще молоды, они воюют всего 4 месяца, они еще не успели стать вполне кадровыми, тогда как они имеют перед собой кадровый флот и кадровую армию немцев, ведущих войну уже 2 года. Но, во-первых, моральное состояние нашей армии выше, чем немецкой, ибо она защищает свою родину от чужеземных захватчиков и верит в правоту своего дела, тогда как немецкая армия ведет захватническую войну и грабит чужую страну, не имея возможности поверить хотя бы на минуту в правоту своего гнусного дела. Не может быть сомнения, что идея защиты своего отечества, во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей армии героев, цементирующих Красную Армию, тогда как идея захвата и ограбления чужой страны, во имя чего собственно и ведут войну немцы, должна породить и действительно порождает в немецкой армии профессиональных грабителей, лишенных каких-либо моральных устоев и разлагающих немецкую армию. Во-вторых, продвигаясь в глубь нашей страны, немецкая армия отдаляется от своего немецкого тыла, вынуждена орудовать во враждебной среде, вынуждена создавать новый тыл в чужой стране, разрушаемый к тому же нашими партизанами, что в корне дезорганизует снабжение немецкой армии, заставляет ее бояться своего тыла и убивает в ней веру в прочность своего положения, тогда как наша армия действует в своей родной среде, пользуется непрерывной поддержкой своего тыла, имеет обеспеченное снабжение людьми, боеприпасами, продовольствием и прочно верит в свой тыл. Вот почему наша армия оказалась сильнее, чем предполагали немцы, а немецкая армия слабее, чем можно было бы предположить, судя по хвастливым рекламам немецких захватчиков. Оборона Ленинграда и Москвы, где наши дивизии истребили недавно десятка три кадровых дивизий немцев, показывает, что в огне отечественной войны куются и уже выковались новые советские бойцы и командиры, летчики, артиллеристы, минометчики, танкисты, пехотинцы, моряки, которые завтра превратятся в грозу для немецкой армии. **(Бурные аплодисменты.)**

Нет сомнения, что все эти обстоятельства, взятые вместе, предопределили неизбежность провала «молниеносной войны» на востоке. —

ПРИЧИНЫ ВРЕМЕННЫХ НЕУДАЧ НАШЕЙ АРМИИ

Все это верно, конечно. Но верно также и то, что наряду с этими благоприятными условиями имеется еще ряд неблагоприятных для Красной Армии условий, в силу которых наша армия терпит временные

неудачи, вынуждена отступать, вынуждена сдавать врагу ряд областей нашей страны.

Что это за неблагоприятные условия? Где причины временных военных неудач Красной Армии?

Одна из причин неудач Красной Армии состоит в отсутствии второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск. Дело в том, что в настоящее время на европейском континенте не существует каких-либо армий Великобритании или Соединенных Штатов Америки, которые бы вели войну с немецко-фашистскими войсками, ввиду чего немцам не приходится дробить свои силы и вести войну на два фронта, на западе и на востоке. Ну, а это обстоятельство ведет к тому, что немцы, считая свой тыл на западе обеспеченным, имеют возможность двинуть все свои войска и войска своих союзников в Европе против нашей страны. Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи, против соединенных сил немцев, финнов, румын, итальянцев, венгерцев. Немцы кичатся своими временными успехами и расхваливают свою армию без меры, уверяя, что она всегда может одолеть Красную Армию в боях один на один. Но уверения немцев представляют пустое хвастовство, ибо непонятно, почему же в таком случае немцы прибегли к помощи финнов, румын, итальянцев, венгерцев против Красной Армии, воюющей исключительно своими силами, без военной помощи союзницы. Нет сомнения, что отсутствие второго фронта в Европе против немцев значительно облегчает положение немецкой армии. Но не может быть сомнения и в том, что появление второго фронта на континенте Европы, — а он безусловно должен появиться в ближайшее время (бурные аплодисменты), — существенно облегчит положение нашей армии в ущерб немецкой.

Другая причина временных неудач нашей армии состоит в недостатке у нас танков и отчасти авиации. В современной войне очень трудно бороться пехоте без танков и без достаточного авиационного прикрытия в воздухе. Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию, а наши славные летчики покрыли себя славой бесстрашных бойцов. (Аплодисменты.) Но самолетов у нас пока еще меньше, чем у немцев. Наши танки по качеству превосходят немецкие танки, а наши славные танкисты и артиллеристы не раз обращали в бегство хваленые немецкие войска с их многочисленными танками. (Аплодисменты.) Но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев. В этом секрет временных успехов немецкой армии. Нельзя сказать, что наша танковая промышленность работает плохо и подает нашему фронту мало танков. Нет, она работает очень хорошо и вырабатывает немало превосходных танков. Но немцы вырабатывают гораздо больше танков, ибо они имеют теперь в своем распоряжении не только свою танковую промышленность, но и промышленность Чехословакии, Бельгии, Голландии, Франции. Без этого обстоятельства Красная Армия давно разбила бы

немецкую армию, которая не идет в бой без танков и не выдерживает удара наших частей, если у нее нет превосходства в танках. (Аплодисменты.)

Существует только одно средство, необходимое для того, чтобы свести к нулю превосходство немцев в танках и тем коренным образом улучшить положение нашей армии. Оно, это средство, состоит не только в том, чтобы увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране, но также и в том, чтобы резко увеличить производство противотанковых самолетов, противотанковых ружей и орудий, противотанковых гранат и минометов, строить побольше противотанковых рвов и всякого рода других противотанковых препятствий.

В этом теперь задача.

Мы можем выполнить эту задачу и мы должны ее выполнить во что бы то ни стало!

КТО ТАКИЕ «НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТЫ»?

Немецких захватчиков, т.е. гитлеровцев, у нас обычно называют фашистами. Гитлеровцы, оказывается, считают это неправильным и упорно продолжают называть себя «национал-социалистами». Следовательно немцы хотят уверить нас, что партия гитлеровцев, партия немецких захватчиков, грабящая Европу и организовавшая злодейское нападение на наше социалистическое государство, является партией социалистической. Возможно ли это? Что может быть общего между социализмом и гитлеровскими озверелыми захватчиками, грабителями и угнетающими народы Европы?

Можно ли считать гитлеровцев националистами? Нет, нельзя. На самом деле гитлеровцы являются теперь не националистами, а империалистами. Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т. п. их можно было с известным основанием считать националистами. Но после того, как они захватили чужие территории и поработили европейские нации — чехов, словаков, поляков, норвежцев, датчан, голландцев, бельгийцев, Французов, сербов, греков, украинцев, белоруссов, прибалтов и т. д. и стали добиваться мирового господства, гитлеровская партия перестала быть националистической, ибо она с этого момента стала партией империалистической, захватнической, угнетательской.

Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира.

Можно ли считать гитлеровцев социалистами? Нет, нельзя. На самом деле гитлеровцы являются заклятыми врагами социализма, злейшими реакционерами и черносотенцами, лишившими рабочий класс и народы Европы элементарных демократических свобод. Чтобы прикрыть свою реакционно-черносотенную сущность, гитлеровцы ругают англо-

американский внутренний режим плутократическим режимом. Но в Англии и США имеются элементарные демократические свободы, существуют профсоюзы рабочих и служащих, существуют рабочие партии, существует парламент, а в Германии при гитлеровском режиме уничтожены все эти институты. Стоит только сопоставить эти два ряда фактов, чтобы понять реакционную сущность гитлеровского режима и всю фальшь болтовни немецких фашистов об англо-американском плутократическом режиме. По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы также охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирали их царский режим, что они также охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим.

Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов.

И если эти оголтелые империалисты и злейшие реакционеры все еще продолжают рядиться в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть флагом «национализма» и «социализма» свою разбойничью империалистическую сущность.

Вороны, рядящиеся в павлиньи перья... Но как бы вороны ни рядились в павлиньи перья, они не перестанут быть воронами.

«Надо любыми средствами, говорит Гитлер, добиваться того, чтобы мир был завоеван немцами. Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов. Нет никаких причин не сделать этого».

«Человек, говорит Гитлер, грешен от рождения, управлять им можно только с помощью силы. В обращении с ним позволительны любые методы. Когда этого требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать».

«Убивайте, говорит Геринг, каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несете ответственность за это, а я, поэтому убивайте!»

«Я освобождаю человека, говорит Гитлер, от унижающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека. У меня то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка».

В одном из приказов немецкого командования от 25 сентября 489 пехотному полку, взятом у убитого немецкого унтер-офицера, говорится:

«Я приказываю открыть огонь по каждому русскому как только он появится на расстоянии 600 метров. Русский должен знать, что он имеет против себя решительного врага, от которого он не может ждать никакого снисхождения».

В одном из обращений немецкого командования к солдатам, найденном у убитого лейтенанта Густава Цигеля, уроженца Франкфурта на Майне, говорится:

«У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки».

Вот вам программа и указания лидеров гитлеровской партии и гитлеровского командования, программа и указания людей, потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей.

И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..

Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов. (Бурные аплодисменты, возгласы «Правильно!», крики «Ура!».)

Никакой пощады немецким оккупантам!

Смерть немецким оккупантам! (Бурные аплодисменты.)

РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ И ИХ АРМИЙ НЕМИНУЕМ

Уже одно то, что в своей моральной деградации немецкие захватчики, потеряв человеческий облик, давно уже пали до уровня диких зверей, — уже одно это обстоятельство говорит за то, что они обрекли себя на неминуемую гибель.

Но неминуемая гибель гитлеровских захватчиков и их армий определяется не только моральными факторами.

Существуют еще три основных фактора, сила которых растет изо дня в день и которые должны привести в недалеком будущем к неизбежному разгрому гитлеровского разбойничьего империализма. (Аплодисменты.)

Это, во-первых, непрочность европейского тыла империалистической Германии, непрочность «нового порядка» в Европе. Немецкие захватчики поработили народы европейского континента от Франции до Советской Прибалтики, от Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Советской Белоруссии до Балкан и Советской Украины, лишили их элемен-

тарных демократических свобод, лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырье, превратили их в своих рабов, распяли на крест поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на этой основе мировое господство Германии. Это называется у них — «новый порядок в Европе». Но что это за «основа», что это за «новый порядок»? Только гитлеровские самовлюбленные дурачки не видят, что «новый порядок» в Европе и пресловутая «основа» этого порядка представляет вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический картонный домик. Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует как Наполеон и что он во всем походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва (смех, шумные аплодисменты), ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами. Только гитлеровские дурачки из Берлина не могут понять, что поработанные народы Европы будут бороться и будут восставать против гитлеровской тирании. Кто может сомневаться в том, что СССР, Великобритания и США окажут полную поддержку народам Европы в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании? (Аплодисменты.)

Это, во-вторых, непрочность германского тыла гитлеровских захватчиков. Пока гитлеровцы занимались собиранием Германии, разбитой на куски в силу Версальского договора, они могли иметь поддержку германского народа, воодушевленного идеалом восстановления Германии. Но после того, как эта задача была разрешена, а гитлеровцы стали на путь империализма, на путь захвата чужих земель и покорения чужих народов, превратив народы Европы и народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии, — в германском народе произошел глубокий перелом против продолжения войны, за ликвидацию войны. Два года с лишним кровопролитной войны, конца которой еще не видно; миллионы человеческих жертв; голод; обнищание; эпидемии; кругом враждебная против немцев атмосфера; глупая политика Гитлера, превратившая народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии, — все это не могло не повернуть германский народ против ненужной и разорительной войны. Только гитлеровские дурачки не могут понять, что не только европейский тыл, но и германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов.

Это, наконец, коалиция СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки против немецко-фашистских империалистов. Это факт, что Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз объединились в единый лагерь, поставивший себе целью разгром гитлеровских империалистов и их захватнических армий. Современная

война есть война моторов. Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов. Если соединить моторное производство США, Великобритании и СССР, то мы получим преобладание в моторах по сравнению с Германией, по крайней мере, втрое. В этом одна из основ неминуемой гибели гитлеровского разбойничьего империализма.

Недавняя конференция трех держав в Москве при участии представителя Великобритании г. Бивербрука и представителя США г. Гарримана постановила систематически помогать нашей стране танками и авиацией. Как известно, мы уже начали получать на основании этого постановления танки и самолеты. Еще раньше Великобритания обеспечила снабжение нашей страны такими дефицитными материалами, как алюминий, свинец, олово, никель, каучук. Если добавить к этому тот факт, что на днях Соединенные Штаты Америки решили предоставить Советскому Союзу заем в сумме 1 миллиарда долларов, — то можно сказать с уверенностью, что коалиция Соединенных Штатов Америки, Великобритании и СССР есть реальное дело (**бурные аплодисменты**), которое растет и будет расти во благо нашему общему освободительному делу.

Таковы факторы, определяющие неминуемую гибель немецко-фашистского империализма.

НАШИ ЗАДАЧИ

Ленин различал два рода войн, войны захватнические и значив несправедливые и войны освободительные, справедливые.

Немцы ведут теперь войну захватническую, несправедливую, рассчитанную на захват чужой территории и покорение чужих народов. Поэтому все честные люди должны подняться против немецких захватчиков, как против врагов.

В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение поработанных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании. Поэтому все честные люди должны поддерживать армии СССР, Великобритании и других союзников, как армии освободительные.

У нас нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов, все равно, идет ли речь о народах и территориях Европы, или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана. Наша первая цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига.

У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим поработанным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гит-

леровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!

Ис, чтобы осуществить эти цели, нужно сокрушить военную мощь немецких захватчиков, нужно истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу родину для ее порабощения. **(Бурные, продолжительные аплодисменты.)**

Но для этого необходимо, чтобы наша армия и наш флот имели деятельную и активную поддержку со стороны всей нашей страны, чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины, работали на предприятиях, не покладая рук, и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, винтовок, боеприпасов, чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях, не покладая рук, и давали бы фронту и стране все больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности, чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей родины, за разгром немецких армий. **(Бурные аплодисменты.)**

В этом теперь задача.

Мы можем и мы должны выполнить эту задачу.

Только выполнив эту задачу и разгромив немецких захватчиков, мы можем добиться длительного и справедливого мира.

За полный разгром немецких захватчиков! **(Бурные аплодисменты.)**

За освобождение всех угнетенных народов, стонущих под игом гитлеровской тирании! **(Бурные аплодисменты.)**

Да здравствует нерушимая дружба народов Советского Союза! **(Бурные аплодисменты.)**

Да здравствуют наша Красная Армия и наш Красный Флот! **(Бурные аплодисменты.)**

Да здравствует наша славная родина! **(Бурные аплодисменты.)**

Наше дело правое, — победа будет за нами! **(Бурные аплодисменты. Все встают. Возгласы: «Великому Сталину ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!». Бурная, долго не смолкающая овация, пение «Интернационала».)**

Речь Председателя Государственного Комитета Обороны и Народного Комиссара Обороны товарища И. В. Сталина

*на Красной площади в день XXIV годовщины Великой
Октябрьской Социалистической Революции*

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-ой годовщиной Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные успехи, наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна, — вся наша страна, — организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, — мы ее только начали создавать, — не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств заседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный

лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами единый фронт против немецких захватчиков. Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании. Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов. Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Браг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентки. Не так страшен чорт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хвалены немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суво-

рова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!

Большой день

И. БАЧЕЛИС

★

Много значительных дат и эпизодов оставит отечественная война в памяти советского народа. Запомнятся дни больших сражений, героических ударов Красной Армии по немецко-фашистским войскам, перейдут в историю числа и месяцы, когда были освобождены от захватчиков наши города; в школьных учебниках появятся хронологические таблицы, завершающиеся датой окончательного разгрома гитлеровской Германии, и склонятся над ними вихрастые детские головы — поколение, для которого в этой войне был спасен мир. Мы не знаем еще всех больших дат, какие войдут впоследствии в историю: история лишь делается сейчас, история пишется красноармейскими штыками. Знакомый, родной почерк, прямой и напористый, — дети будут узнавать в нем руку своих отцов...

Но среди всех событий войны, прошедших и предстоящих, есть одно, запомнившееся по-особому. Память сохраняет его бережно и благоговейно, как лучшую частицу пережитого, как светлую страницу собственной жизни. Кто был участником октябрьского праздника в Москве 1941 года, кто присутствовал на заседании Московского Совета вечером 6 ноября и на Красной площади утром 7 ноября, кто слышал два выступления товарища Сталина, разделенные праздничной ночью, — тот пережил, несомненно, один

из самых больших дней, какие только выпадают человеку на долю.

★

Это были, быть может, самые тяжелые дни войны. На фронтах Красная Армия с огромными усилиями сдерживала остервенелый натиск фашистских полчищ. Немцы рвались к Москве. Столица находилась под угрозой вражеского удара. Было объявлено осадное положение. Из Москвы была эвакуирована в глубь страны часть правительственных учреждений. На улицах, в пригородах, у застав появились баррикады, противотанковые заграждения, подготовленные для артиллерии гнезда. Москва готовилась к обороне. Женщины, проходя мимо, косились на ряды мешков с песком, железные крестовины, наглухо зашитые переулки, и вздыхали. Мужчины хмурились. Как ни велика была уверенность в том, что Москва выстоит, к Москве враг не будет подпущен, — смотреть на посеревший, оцетинившийся город было тяжело. Ранние осенние сумерки быстро заволакивали улицы. В темноте, осторожно выбрасывая короткий снопок лучей, гудели машины. Лениво поднималась холодная луна, узкий серп озарял небо, и к небу поднимался оценивающий, прощупывающий взгляд москвича: прилетят или не прилетят?

В пять часов дня завыл сигнал воздушной тревоги. Сирены ревели на разные голоса пронзительно и долго. Издалека уже слышался грохот зениток.

Еще накануне жители столицы не знали, как пройдет их праздник. Конечно, парада на Красной площади не будет. О демонстрации и говорить нечего. Нельзя же сосредоточить массы людей, создать готовую мишень для бомбежки. Это так понятно. Ну и, вероятно, традиционного торжественного заседания Московского Совета тоже не будет. Целесообразно ли в такой обстановке собрать в Большом театре цвет столицы? Логика убеждала: можно отказаться от этого. Но было что-то, что не хотело согласиться с логикой.

В насторожившейся, прикрывшей витрины досками и фанерой, затемненной, израненной бомбами Москве жили люди. Они ходили в театры. Они пели за глухими шторами. Они работали на заводах так, как еще никогда не работали. Жизнь не хотела сгибать головы. Наоборот, москвичи гордо поднимали головы. Они отстаивали свою жизнь, ее порядок, ее традиции. Ради этого они построили укрепления и готовы были биться за каждый дсм. Ради этого они готовы были поступиться многим в своей личной жизни. Но ради этого хотелось, очень хотелось, чтобы наперекор врагу праздник был праздником, чтобы была сохранена даже внешняя его традиция. Логика убеждала: не обязательно торжественные собрания, можно обойтись и без парада. С доводами, подсказанными каждому его разумом, готовы были согласиться, но соглашаться было нестерпимо обидно. Была своя особая гордость в Москве осадного положения.

И пока за зашторенными окнами шел у каждого такой маленький диалог с самим собой, более двух тысяч москвичей бережно клали в карман квадратик лимонно-желтого картона:

«Московский Совет депутатов трудящихся и Московский Комитет ВКП(б) приглашают Вас на торжественное заседание Московского Совета совместно с партийными, общественными

организациями, стахановцами, ударниками и советской интеллигенцией, посвященное празднованию 24-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Начало в 7 часов вечера 6 ноября 1941 года.»

Место заседания не было указано. Оно называлось устно тем, кому вручались билеты. На этот раз заседание происходило не в Большом театре. Кто-то сумел ответить чувствам москвичей и подготовить торжественное собрание в достаточно безопасном месте. Единственный довод логики был побит еще более логичным и последовательным выводом. Москвичи догадывались, кому они обязаны таким простым и радостным решением. Они торжествовали. Было что-то детское в их радости. У людей, которые наутро раскрыли газеты с отчетом о собрании, расплывалась улыбка удовлетворения.

— Оно состоялось, традиционное заседание Моссовета. Несмотря ни на что!

Их ждала еще большая радость.

В пять часов прозвучал сигнал воздушной тревоги. Москвичи с беспокойством смотрели — не на небо: на часы. Без двадцати семь был дан отбой — зенитчики не пропустили в этот день ни одного фашистского самолета к столице. Тридцать четыре немецких самолета были сбиты под Москвой. Это был праздник воздушных защитников Москвы, дело их чести. Ни один вражеский самолет не проник в московское небо. Участники заседания со всех сторон съезжались и сходились к темным подъездам, ручной фонарик милиционера на мгновение освещал билет, дверь открывалась, и за сумеречным вестибюлем начиналось сверканье огней, праздничный оживленный гомон. На площадке у гардеробов, сбрасывая верхнее платье, приветствуя знакомых, наскоро здороваясь и перебрасываясь парой реплик, неизменно задавали вопрос:

— Кто же сегодня докладчик?

Высказывались догадки, назывались имена. В самом деле, кто сегодня, в самую суровую и трудную минуту жизни страны, скажет о том, что состав-

ляет итог и содержание этого переломного, решающего судьбу народа, года?

— Кто бы ни говорил — скажет Партия.

И, улыбаясь, расходились.

Узкие лестницы вели в большой, просторный зал. Сверкающие люстры, мрамор колонн, расписные плафоны, множество цветов, мягкие, глушащие шаг, дорожки, строгие ряды кресел, наполняющиеся гостями. В боковых крыльях, где устроены фойе и буфеты, оживленные группы депутатов Совета. Мелькают знакомые лица наркомов, видных хозяйственников, руководителей крупнейшей предприятий столицы, известных стахановцев, советских, партийных деятелей, генералов Красной Армии. Все как обычно, как будто. Но особая какая-то приподнятость, ощущаемая физически, необыкновенная настроенность людей, высокая и согласная, передающаяся, как электрический ток, от проводника к проводнику, от человека к человеку, наполняет зал. Нет, это не только торжественность, присущая всякому нашему высокому собранию, — это больше, значительнее, красноречивей. Так чувствуют себя люди в очень важные, решительные часы своей жизни. Все собрано тогда в человеческой душе, и излучает она такую же напряженную энергию и уверенную силу. Здесь находится цвет Москвы, лучшие, достойнейшие люди столицы. Опасность, грозящая городу, лежит на их плечах. Вся тяжесть работы, упорной и непрерывной, испытывают они. Где следы этого испытания? Улыбающиеся лица, помолодевшие от возбуждения, легкая походка, веселая, дружеская шутка, распрямляющая суровые складки лба, и искорка ожидания в глазах, то-и-дело устремляющихся в глубину зала, где, утопая в цветах, под знаменами стоят пока еще пустой стол президиума и трибуна.

Ровно в 7 часов в президиуме собрания появляется товарищ Сталин вместе со своими ближайшими соратниками, членами ЦК ВКП(б), народными комиссарами, руководителями Красной Армии и обороны Москвы. Минута встречи с вождем всегда непередаваема.

То, что мы обозначаем «бурными рукоплесканиями», «шквалом приветствий» не способно рассказать о чувствах, которые взрываются в эту минуту в человеческой душе. Бушующие под сводами овалы, непрерывно возобновляющееся «ура», приветственные возгласы, несущиеся из разных концов зала, — все это внешние звуки, подобные грохоту водопада и пенным сверкающим брызгам, под которыми несетя стремительный и мощный поток, увлекающий все за собой. Уже несколько минут длится овация, все стоят, некоторые вскакивают на стулья, чтобы лучше разглядеть; рядом со мной стоят руководитель крупнейшей отрасли хозяйства страны и известный профессор, — переглянувшись и помогая друг другу, они взбираются на спинки кресел — так уже стоят многие, и чинный, строгий зал кажется увитым гроздьями людей. Тысячи глаз прикикли к знакомому, родному лицу. Они глядят восторженно, любовно, с той внимательной строгой заботливостью, с какой глядят на отца взрослые дети в ладной и дружной семье. Как он?

За время войны Сталин выступал по радио, во всех концах страны слышали его голос; он созывал совещания и говорил перед сравнительно узким кругом лиц. Сейчас здесь — первая широкая встреча с вождем за четыре месяца войны. И вопрос: как он? — для каждого очень серьезный, важный, необходимый вопрос. Стране приходится трудно, нелегко каждому человеку в ней: война, тяжелая война, в которой мы должны победить. Каждый принимает на себя груз новых, дополнительных забот и дел. И сколько бы ни пришлось на долю каждого, советский человек знает — его тяжесть облегчена вот этим родным человеком, товарищем, спокойно пересекающим сейчас слева направо президиум. Наибольший груз он взял на себя. Он взял его на себя за нас, прибавил себе частицу трудностей от каждого из нас, сделал легче мою, вашу работу. Председатель Государственного Комитета Обороны, глава Советского Правительства, Нарком Обороны, Верховный Главнокомандую-

щий, руководитель партии, народный вождь. Все взоры обращены к нему с гордостью, благодарностью и внутренней заботой: как он? не осунулся ли, не согнулся ли под своей ношей? И вдруг сквозь шум приветствий прорывается звонкий, удивленно-радостный возглас какого-то гостя:

— Да он помолодел!

Возгласом этим как будто отвечено на тысячи вопросов. Новый вал приветствий несется туда, где стоит спокойный, бодрый, приветливый человек в знакомой военной одежде и, подняв руки, приветствует собравшихся.

★

Мы слушаем Сталина. Вот кто сегодня докладчик.

Много раз слышали мы все этот голос на собраниях народных. Радио разносило его во все концы советской земли, приносило к каждому дому и к каждому сердцу. Мы научились различать все особенности, все его интонации — это спокойное, неторопливое течение речи, мягкое и тихое произношение слов, точно выточенных из сверхтвердого сплава человеческой мысли. Никогда мы не слышали из его уст неточного, невзвешенного слова. Речь Сталина всегда была неприкрытой правдой. В ней нельзя пропустить ни единого слова. Это — воплощенная мысль, мощная и отточенная, проникающая в глубину событий, вскрывающая их ход, видящая и предвидящая течение жизни.

Мы слушаем доклад Сталина. Доклад, открывающий такие грандиозные масштабы, доклад, взвешивающий мировые силы. Самые простые, скупые, бесхитростные слова передают великий пафос мысли и волю, ясное предвидение победы. Слушая речь Сталина, кажется, что понимаешь в ней все до последнего слова, до последней глубины. Но проходит неделя, месяц, и видишь, что из этой речи возникли, выросли дела и события, неугадываемые тобой, смысл и ключ которых уже был рассказан в докладе. Проходит время, и открываются в докладе все новые и но-

вые стороны, и ищешь в нем разгадку новых явлений: здесь все уже было сказано...

Строгий, классический анализ созданного войной положения звучит с трибуны. Вскрывается ход войны, прова «блиц-крига», причины временных неудач нашей армии. Научная точность и объективность марксистской мысли, ленинская последовательность и беспощадность, большевистская страсть и воля составляют алмазное острие сталинской речи. Неумолимая логика строит мысли в тот железный порядок, который давно отмечен мировой печатью, как неотразимая сила сталинской убедительности. И когда Сталин обнажает природу гитлеризма, факторы, ведущие германский разбойничий империализм к неминуемому разгрому, когда он указывает трещины, которые разрастутся в зияющие пропасти и проглотят гитлеровских авантюристов, — перед тобой встает ясно видимый основной ход войны, ее определяющее течение и ее неизбежный результат. Как бы ни был сложен водоворот военных событий, какие бы запутанные формы ни принимали созданные войной отношения, — их ведущая линия, их фарватер измерен и указан в сталинском докладе с точностью морской лодии. И много, много раз нам придется возвращаться к его тугим и сжатым формулам, чтобы в ходе военных действий политических, дипломатических и стратегических поворотов ясно видеть движущие силы и направление будущих событий.

Политическая и военная стратегия борющихся сил обрисована в докладе с такой ослепительной зоркостью и глубиной, с такой мудростью предвидения, которая сама служит оружием борьбы и вооружает миллионы бойцов против гитлеризма. Здесь в зерне заключены все широкие стратегические планы, определены цели войны, дан ключ и указан путь к победе.

И когда полные сурового, беспощадного гнева звучат сталинские слова об истребительной войне, о задаче сокрушения военной мощи немецких захватчиков и полного истребления всех д-

единого немецких оккупантов — эти слова несутся по проводам, по океанским кабелям, и следующий день приносит, как эхо, пароль и лозунг освободительной войны народов:

— Смерть немецким оккупантам!

А здесь, в зале, рождается в одном углу, подхватывается в другом, сливается, ширится, нарастает — все громче и громче, мощнее, торжественней — гимн нашей борьбы:

— Это есть наш последний и решительный бой...

Наутро газеты писали: «Решительный бой еще впереди, он предстоит советскому народу. Один из важнейших его этапов — битва за Москву». Тогда битва за Москву вступала в решающую фазу. Через короткое время Гитлер повел второе генеральное наступление на столицу. Поражение, которое нанесла ему Красная Армия под Москвой, определило начало поворота в ходе военных операций, начало разгрома гитлеровских полчищ. Теперь, в свете начавшегося нового этапа войны, по-новому видишь многое. В Москве еще сохранилось осадное положение, на заставах московских дорог еще стоят баррикады и укрепления, — но совсем по-иному уже смотрят на них москвичи. И они вспоминают день, когда под занесенным над столицей фашистским мечом они уже видели попятный ход замерзающих гитлеровских орд, день 6 ноября, день сталинского доклада. Теперь, может быть, уже стало видно, что здесь, в этом необычном зале, на этой трибуне, здесь, в докладе Сталина, был начат поворот войны, начат разгром вражеских армий...

★

А утром 7 ноября на Красной площади начался традиционный праздничный парад Красной Армии. Он состоялся — желанный, чаемый москвичами, наперекор угрозе, как высокая насмешка над усилиями врага помешать празднику, как напоминание о неисчерпаемых силах народа.

И снова мы слушаем Сталина. Он поднимается на трибуну Ленинского мавзолея, сопровождаемый соратниками и учениками, и в просторе притихшей, затаившей дыхание площади несутся простые, правдивые, самые важные, самые нужные слова. Сталин обращается с праздничным приветствием к народу. Усиленная рупорами, на весь мир звучит сталинская речь, и звуки ее не тают, а как бы отвердевают в морозном воздухе, остаются вырубленными в тверди.

В самые трудные дни войны, в тяжкий момент исторических испытаний, страна слушала слово вождя, полное твердости, бодрости, уверенности, величайшего подъема сил. Эта твердость и уверенность вливалась в людей ошутимая физически, казалось — легче становится дышать, любые невзгоды не так уж трудны, и силы хватит на все, силы все одолеть.

Две исторических встречи с вождем в эти праздничные дни запомнились каждому на всю жизнь. Они войдут в историю страны и в судьбу каждого отдельного человека, как день, когда советский народ, еще терзаемый войной, еще глядящий в лицо невзгодам, ощутил и взвесил на своих ладонях грядущую победу.

Ленинград слушает Сталина

Н. ТИХОНОВ

★

Над землей стлался вечер. Если бы это был мирный вечер, то тысячи огней зажглись бы в ноябрьской мгле и в тихих полях дружески встречались бы пешеходы, спешившие к праздничному очагу, домой. Но это был вечер войны. Поля гудели канонадой, и ни одного огня не было в городе, старом могучем городе над широкой Невой. В полях не было мирных пешеходов. Крутились вражеские разведчики, и мрак прорезали зарницы пушечных выстрелов. Высоко в черном небе прерывисто звенели черные самолеты, искавшие куда бы сбросить бомбы, летали звери, выучившиеся убивать с неба детей и женщин, рушить мирные дома.

Снег, взметаемый ветром, заносил сиротливо торчавшие трубы развалин, пепелища, трупы людей, убитых немецкими палачами. Уныние дикой степи лежало там, где еще недавно кипела жизнь, радостная и богатая. Выли одичавшие псы над руинами. И надо всем висела непроходимая тьма.

Но этот вечер, его величие, его жертвенность, его победу не могли убить ни выстрелы немцев, ни их тупое и бессмысленное зверство. Несмотря ни на что, это был вечер великого народного праздника — вечер Октябрьской революции.

Он шел над громадными черными глыбами разрушенного Днепроостроя, над затихшей Украиной, полоненной

Белоруссией, задавленной Латвией, он опустился над древними новгородскими просторами, он был над Ленинградом, превратившимся в боевую кузницу, в крепость, где ковали оружие, ковали месть врагам народа.

И вдруг настороженную тишину зловещих пространств прорезал ясный, уверенный, знакомый всему советскому народу, родной голос. Все бросились к репродукторам. Ленинградцы затаили дыхание. Они жадно ловили каждое слово. Говорил Сталин!

Он говорил на торжественном собрании в Москве, говорил всему советскому народу, всему миру. Он говорил о войне, о наших задачах, о наших испытаниях. Каждое слово было скреплено могучей волей, мудростью вождя, великой уверенностью.

Ленинград слушал. Он слушал, не смотря на то, что в этот час над городом вились немецкие самолеты, он слушал под грохот зениток и глухие удары бомб. Он слушал в домах и в бомбоубежищах, на заводах и в институтах. Он слушал на фортах и на кораблях, в окопах и в землянках.

«Летучая мышь» горела в блиндаже, и бойцы, столпившись, положив руки на плечи друг другу, теснясь, забыв о тесноте, слушали с таким вниманием, что ничто не могло отвлечь их от этого неторопливого, взволнованного голоса. Они пришли сюда, на передовые,

сыны огромной страны, все разные и все близкие, все друзья и боевые братья. Казах стоял рядом с грузином, и украинец рядом с карелом, они защищали общий город, общую родину, одну семью. Они знали, что за ними лежит Ленинград, что впереди, в ста метрах, злобный, смертельный враг каждого из них. В их сердцах вздымалась теплая волна любви к родине, и ненависть к врагу заставляла сжиматься их кулаки. Их глаза горели. Они понимали до глубины души, что эта занесенная снегом землянка, эти винтовки и автоматы, стоявшие в углу, эти ручные гранаты у пояса — сегодняшняя жизнь, что другой нет, что от их твердости и храбрости зависит будущее не только их, но и их детей, будущее великого города, который они охраняли и поклялись не отдавать врагу. Надо было, чтобы кто-то самый любимый, самый родной сказал им в этот вечер о самом главном, о том, что происходит и о том, что будет. И вот об этом говорил Сталин. Это незабываемо! Этот вечер стал таким же решительным, как тот, что был двадцать четыре года назад, когда другой гений говорил народу о том, что народ победит врагов и добудет мирную и счастливую жизнь, сравнивает грузина и казаха, русского и украинца. Каждый вспомнил родных, и грустью сжалось сердце — сколько мирных, честных, хороших людей убили враги, сколько людей в тревоге ждут там, за линией фронта, под игом ненавистных пришельцев, своего освобождения, сколько еще прольется крови свирепыми палачами-фашистами. Речь Сталина вдохновляла, делала сердца безжалостными, руки железными. Пусть враг осатанел от злобы. Его черной кровью зальют они этот ранний снег, будут бить врага наповал, насмерть.

...Летчики вошли в свой блиндаж, огромные, в тяжелых одеждах, покрытых снегом, в тяжелых сапогах, они вернулись с налета на вражеские аэродромы, они вынимали планшеты и готовились разобрать операцию. Но вдруг в репродукторе зазвучали приветствия далекой Москвы. Сталин вышел на

трибуну. Летчики прервали разбор. Их острые глаза стали еще острее, они замерли, как вкопанные, стояли и сидели, боясь пропустить слово. Вместе с москвичами, вместе со всем советским народом они аплодировали Сталину, они чувствовали, как исчезла их усталость после трудного ночного полета, снова хотелось броситься к машинам и мчаться в серую муть облаков, в темные глубины ночи, сжигать врага, таранить его, уничтожать, ломая проклятые машины со свастикой.

Их называют сталинскими соколами. И они оправдывают каждый день это прозвище. Враг не умеет летать так, как они. В чем же дело? «Самолетов у нас пока еще меньше, чем у немцев...», говорил Сталин. Но у нас будут самолеты, говорил он дальше. И это реальность. Мы сами выстроим их, мы получим их от нашего союзника — Великобритании, от нашего друга — Соединенных Штатов. Они уже в пути, иные уже здесь. Летчики представили себе небо, покрытое крыльями наших эскадрилий, восторг прошел по испытанным в боях сердцам воздушных бойцов. Немцы узнают всю силу нашего натиска, всю мощь наших ударов.

...Тяжелое сало плавало около серых громад боевых кораблей. затемненных, неподвижных, освещаемых только огнем вспышек от могучих залпов, от которых сотрясались стальные корпуса.

Балтийские моряки! Это они в одних тельняшках, с гранатами шли на немцев. Это они заставили немцев прозвать их «черными дьяволами». Это они осыпали немецкие полки такими страшными волнами стали, что сметали их без остатка, это они бросались в ледяную воду с быстроходных катеров и атаковывали врага на берегу, это они топили вражеские транспорты, неделями кочуя в темных просторах ледяного моря, среди мин и подводных скал, это они били немецкие самолеты, десятками топя их в бурной балтийской волне.

Сейчас на фортах и батареях, в окопах, на сторожевых постах, на кораблях, в теплых кают-компаниях слушали они речь Сталина. Она с предельной ясно-

стью ставила перед ними задачи, исторические, важнейшие, грозные. Надо бить врага еще сильнее, еще жесточе, еще крепче. Есть! Бить крепче! Надо еще больше, не щадя жизни, приближать конечную победу. Есть! Даем победу!

Ничто не могло смутить этих храбрцов. В черную хлябь ночи ушли сторожевые катера, и каждый моряк помнит слова Сталина, каждый знает, что Сталин, обращаясь ко всему народу, обращался к каждому воину, к каждому моряку. Еще громче звенели залпы огромных орудий, еще зорче смотрели часовые. И там, на далеких скалах Ханко, где уже четыре месяца билась морьяки вместе с братьями красноармейцами, и там отзывались сталинские слова, и в гудении на ветру приморских сосен, в шорохе снега на гранитных скалах жили они, переполняя души горячим чувством ненависти и мести врагу.

Истребить врага, похоронить его в сугробах нашей зимы, в холоде и мраке нашей поруганной земли! «Но для этого надо... чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины, работали на предприятиях, не покладая рук, и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, пушек, минометов, винтовок», — так говорил Сталин. Слова эти звучали над пустынными ленинградскими улицами, только патрули следили за небом, где полыхали разрывы зениток. Падали бомбы, оглушая пространство. Улицы были мертвы, безжизненны, но весь город слушал слова, ловил их жадно, повторял про себя. Могучие заводы работали день и ночь. Люди забыли сон и опасность. Снаряды рвались в цехах, зажигательные бомбы падали, освещая мрак сотнями белых, зеленых, синих огней — их тушили и продолжали работать. Все помнили девятнадцатый год, когда под выстрелами создавались бронепоезда, площадки для орудий, делались пушки, чинились бронемашинны. Теперь все было страшнее, враг грознее и разъяреннее. Он грозит рабством и смертью, голодом и

унижением. Никогда! Рабочий Ленинград — плоть от плоти великого рабочего класса, он не уступит, он не сдаст, его не запугаешь. Каждый снаряд — смерть врагу, каждый танк — смерть врагу, каждый миномет — поражение врага!

И вдруг среди непрерывной, трудной, яростной работы — радость, весть о том, что говорит Сталин. Надо быть в Ленинграде в этот черный, ноябрьский вечер, в осажденном городе, где живут со стиснутыми зубами, с ленинградским упорством, неповторимым героизмом, чтобы понять, как в цехах заводов, работающих на оборону, слушали слова, правдивые и величественные, как родная земля, которую мы защищаем.

Все, кто не был занят работой, бросились к репродукторам. На фабричных дворах, обжигаемые холодным ветром, под гул стрельбы, стояли люди молча, прижавшись друг к другу. Эта речь волновала и обнадеживала, говорила о больших лишениях, большой работе, большой дисциплине. Она говорила о нашей конечной победе. О том, что силы врага будут разгромлены. Не так страшен чорт, как его малюют. Уж ленинградцы-то знают это по собственному опыту. Враг остановлен ими, враг отказался от битвы, он хочет задушить город голодом. Он хочет сломить волю ленинградцев, запугать их перспективой медленной смерти их близких, их детей.

Больше оружия! — говорил Сталин. Больше работы для фронта. И смены уходили к станкам творить победу, творить чудеса.

Один сказал за всех, молодой коммунист выступил перед товарищами: «Нас было четверо братьев. Двое в Красной Армии, а мы вдвоем обслуживали один станок. После того, как в бою пал смертью храбрых один из братьев, на станке я стал работать один — мой брат-сменщик ушел заменить погибшего. Я тружусь за двоих. В ответ на призыв родного Сталина я обещаю работать еще лучше. Пусть мой станок будет оружием победы над врагом.

И в маленьких мастерских и в гигантских цехах — всюду слушали люди, им казалось, что Сталин встал среди них и просто рассказал о самом главном. И они увидели простор нашей борьбы, который не кончается на рубежах нашей земли. Они увидели, как в снегах Норвегии идут партизаны по следу немцев, как в Югославии кипит бой у маленьких горных городков, как в Чехословакии клянутся патриоты отомстить за казненных, как в Голландии и в Бельгии падают под откос поезда, как во Франции пули настигают немецких офицеров на темных улицах, как в Греции жгут склады и в Польше убивают немцев на всех дорогах. Всюду сжатые кулаки и проклятья. Всюду союзники наши и враги фашистов. Всюду слушают слова Сталина и передают из уст в уста.

Они увидели верфи и заводы Англии, ее новые армии, готовые образовать тот второй фронт, о котором сказал Сталин, что он несомненно возникнет в самое ближайшее время. Они увидели американские пушки и самолеты, моторы и танки, на пути в Советский Союз, толпы на митингах, где люди приветствуют Советскую Россию, как свою надежду и любовь.

Нет, в осажденном, ночном, северном городе, под грохот разрывающихся бомб, они не были одинокими. Единство советской трудовой семьи освещало ночь осады.

Суровый, седой, ученый академик слушал, уносясь взором в свою далекую юность, и молодец душой. Его спрашивали: не уедет ли он из города, чтобы помочь в местах, более спокойных для работы. Он гордо ответил, что он избран в депутаты в Верховный Совет ленинградцами и он не оставит их в труднейшее время их жизни. Нет, он здесь на боевом посту. Он снова молод, он может быть полезен и в самой горячке битвы. Он знает, что такое опасность, что такое вдохновение он тоже знает. Родина в беде. Он помогает там, где всего нужнее. Всего нужнее на фронте. Значит, он на фронте, раз Ленинград стал фронтом.

Ленинград лежит под снегом величавый, как раненый лев, ударяющий врагов тяжелой лапой. Его никто не мог покорить, его никто не мог запугать. На его классических колоннах царяпины стальных ударов осколков бомб и снарядов, в его улицах темнота, хмуро рисуются развалины домов, зияют выбитые окна, разбитые стены стоят, как укрепления, готовые к бою.

Он укрыл свои сокровища, он спрятал свои драгоценные скульптуры, он воздвиг баррикады, он пробил пулеметные гнезда в домах, он пасмурен, как твердо решивший великую задачу боец.

В великолепном Эрмитаже недавно справляли юбилей великого азербайджанского писателя-человеколюбца Низами. В большом зале читали ученые про жизнь и деяния этого несравненного мастера и звучали стихи, написанные восемьсот лет назад. Низами воскрес и принес в наш вооруженный лагерь свою дружескую песнь победы неумирающего, здорового, прекрасного человечества, чтобы торжествовать над тьмой и разрушением.

В солнечном Баку откликнулось это торжество, и по всему Союзу узнали, что в Ленинграде жив могучий дух торжествующего творчества. Люди в зале были в военной форме, и докладчик приехал с фронта. Фронт почтил Низами, как и Низами почитал героев. Это была переключка времен, самая естественная и непобедимая.

Хранитель Эрмитажа, академик, яростный ученый, армянин по рождению, вспомнил в своей речи, что его родина Армения на протяжении тысячелетней истории вынесла много страданий, и они не убили в ее сыновьях могучей жажды свободы. И великий русский народ видел много ужасов на своем длинном пути, и он восторжествует, как все те народы, что соединили свой путь с его путем. Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Земля Ленинграда, священные места русской свободы — над ней звучали обещанием слова великого вождя, и немые своды арок, как эхо, передавали их над гладью широкой реки, так что сто-

ящие на вахте, постовые на мостах и люди на крышах слышали их, освещенные светом прожекторов.

В бомбоубежищах люди слушали эту речь, вливавшую новые силы в их сердца. В погребах, глубоко под домами, стоя у репродукторов, запоминали они на всю жизнь этот необыкновенный вечер и эти необыкновенные слова. Люди понимали, что они стали свидетелями и участниками самого святого, самого грозного события — защиты своей родины против угнетателей и разбойников. Защитить родной город, родную землю — вот что стояло перед ними, что призывало их к крайнему мужеству, требовало силы для испытаний и лишений. Холодные, мрачные бомбоубежища согревала вера этих людей, непоколебимая надежда на избавление, на победу, добытую своими руками.

Цель борьбы вставала в холоде осенней ночи, как единственная цель жизни. Отныне нет другого желания, как бой, другого стремления, как месть!

«Но чтобы осуществить эти цели, нужно сокрушить военную мощь немецких захватчиков, нужно истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу родину для ее порабощения...», говорил Сталин из далекой и близкой Москвы, гул битвы на подступах к которой шел по сердцам ленинградцев.

Да, эту речь слушали во всех концах страны, во всех странах мира. Но в Ленинграде ее слушали так особо, как слушают особо миллионы людей,

впервые в истории человечества составляющие гарнизон удивительной, необычайной, небывалой крепости.

Ленинград, это целая страна с неповторимым населением, с особым складом героического характера, с упрямством и силами титана.

...Падал снег. Темень был попрежнему город. Речь кончилась. Сталин под шум народной овации покидал трибуну. И весь Ленинград аплодировал ему, видя его через пространства этой исторической ночи войны, переживая все им сказанное с новой силой.

Наутро был народный праздник. Не шли по проспекту 25 Октября демонстрации, но праздник был. Толпы народа теснились на улицах. Шли трамваи, переполненные пассажирами. На домах висели красные флаги. В честь праздника на фронте наносили врагу удары. Орудия гремели праздничным салютом с боевой пристрелкой. И все чувствовали, что двадцать пятый Октябрь будет народной победой. Путь к ней лежит через горы лишений и бедствий, но ленинградский народ пройдет через все, чтобы купить победу, пожертвует самым дорогим, чтобы добыть победу всему человечеству, вместе со всеми советскими людьми сядет за стол всенародного европейского праздника победы, как равный, достойный прославления боец.

В этом порукой слова Сталина, сказанные в черный осенний вечер, прорезавшие его лучами нашей великой надежды.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ НОЧЬ

Ложится ночь на крыши Ленинграда.
В провалах туч давно померк закат.
Вдали гремит орудий канонада.
Дрожит от вспышек ночь. Враги не
спят.

И город весь, до края погруженный
В крошечный мрак, не спит, гудит,
живет,

Как будто лагерь, сплошь
вооруженный,
Как будто он сигнала к бою ждет.

И зорко с крыш следят сторожевые:
Над головой — тяжелый полог туч,
Вдали — орудий вспышки искровые,
Внизу — трамваев тусклый синий луч.

Едва заметной черной вереницей
По мостовой, гремя, пройдет отряд, —
Туда, на фронт, за этот город биться,
За близкий сердцу, кровный
Ленинград.

Замрут шаги, все глуше ночь. Но
где-то,
Зарокотав, под тучами, во мгле,
Крадется враг. И вдруг — сигнал
ракеты:
Лазутчик вражий бродит по земле!

Сирены вой. Тревога! Звонким хором
Зенитки бьют. Скользят прожектора.

Ты гибель нес, кровавый, жадный
враг, —
Ты сгинешь сам — пришла твоя пора!

Тебе и ночью никуда не скрыться,
Тебя настигнут наши ястребки,
Ты упадешь подбитой, хищной
птицей —
На камни, в поле, в топь, на дно
реки!

И каждый дом, готовый к обороне,
Отбросив дрему, словно часовой,
Стоит в строю и чести не уронит,
Давно привыкнув к жизни
фронтной.

Врага удары отражая дружно,
Едва рассвет — народ идет опять —
Ковать для фронта новое оружие,
Победу всенародную ковать.

Идет народ — и видит город славы,
Огромный город, весь — как дом
родной:

Течет Нева, тиха и величава,
Шумят сады, отражены Невой.

И улицы, летящие, как стрелы,
Каналов блеск, раздолье площадей...
Нет, не коснется недруг очумелый
Твоих святынь, живой судьбы твоей!

Все вынесем: ночей бессонных стужу,
И непроглядный мрак и едкий дым,
Но мы из рук не выпустим оружия
И город наш врагу не отдадим.

★

РОДИНА

Родина, страна моя, Россия!
Ясный свет! Дыхание мое!
Над тобою — тучи грозовые,
Грудь твою терзает воронье!

Жадными кровавыми когтями
Землю рвет и черным клювом бьет,
Кружится над древними полями,
Лезет, оголтелое, вперед.

Трупами дороги устлая,
Вот оно ползет, в огне, в дыму,
Задыхаясь, кровью истекая,
Подползает к сердцу твоему.

К твоему горячему, родному,
Черный клюв над сердцем зачесен.
Только ворону не быть живому —
Будет сам он в клочья разнесен!

Вся страна единым гневом дышит.
 Даль в снегу. Чуть брезжит зимний
 день.

Не о мести ли взывают крыши
 Разоренных черных деревень?

Не огнем ли мести запылали
 Те мосты, что партизаны жгут?
 Даже дети в гнев старше стали.
 Матери с оружием идут.

Эта месть пускает под откосы
 Вражьи танки, вражьи поезда.
 Вот идут балтийские матросы
 В бой, непоколебимы, как всегда.

И не зря их ненавистью черной
 Ненавидит недруг искони:

Ленинград.

Не впервые след его тлетворный
 Выжигают начисто они.

Ленинград! Твоя земля под нами,
 Навсегда священная земля!
 Лениным здесь поднятое знамя
 Реет и над башнями Кремля.

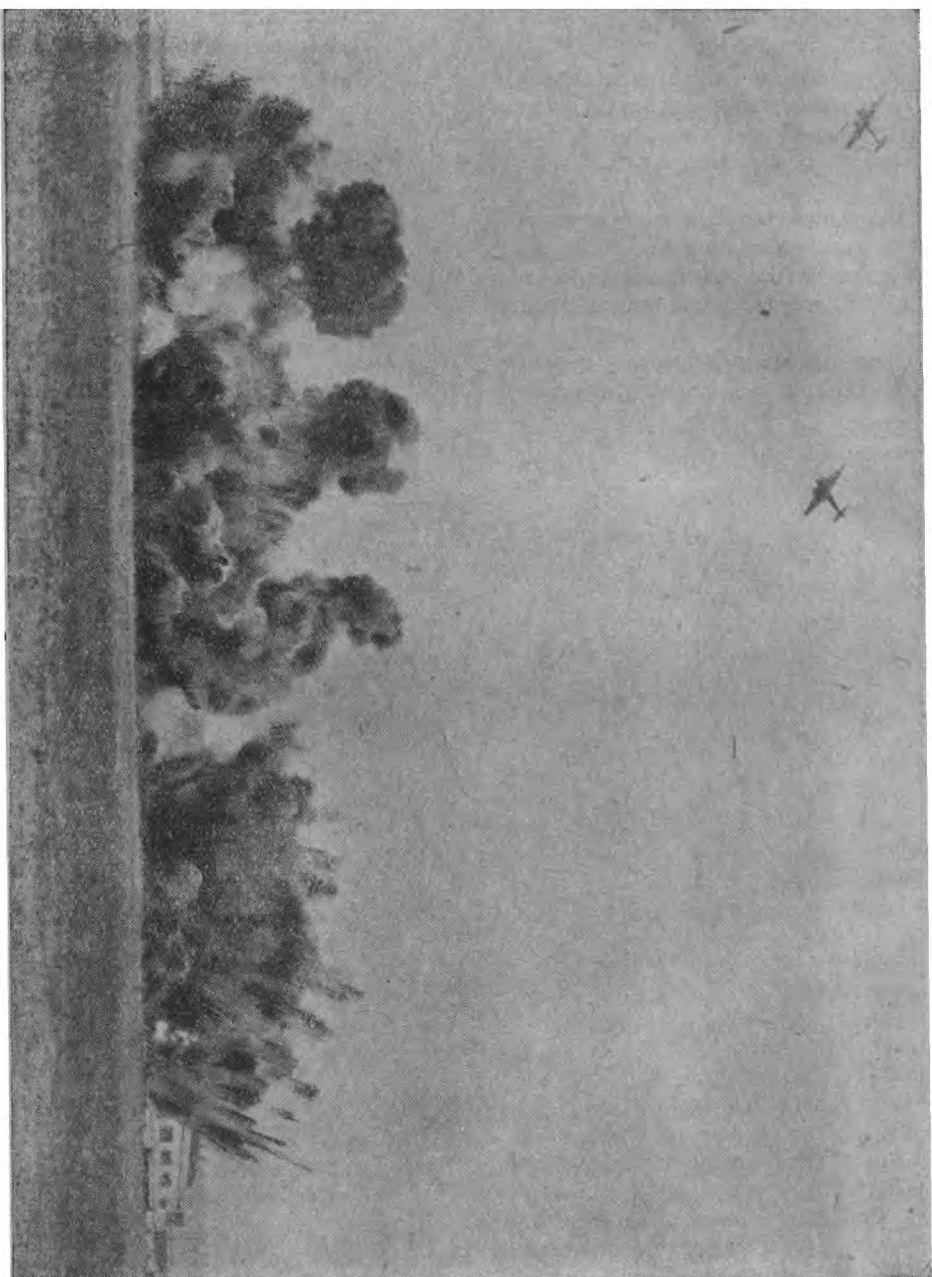
Мы — одно. Мы насмерть будем
 драться

За Москву, за Родину свою,
 Не дадим над нею надругаться
 Никакому злему воронью!

Обломаем клюв его несытый,
 Вырвем когти жадные его,
 Чтоб над ним, поверженным,

разбитым
 Нашей правды встало торжество!

Юго-Западный фронт. Советские бомбардировщики бомбят передний край обороны противника.
Фото Д. Вальтерманца.

Ночь летнего солнцестояния

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

Пора было спуститься поужинать, но командир тральщика старший лейтенант Новиков оставался на мостике, вглядываясь в дымчатый горизонт балтийской белой ночи.

Высокий светлый купол неба, где мягко смешивались нежные тона, легко и невесомо опирался на гладкую штилевую воду. Она светилась розовыми отблесками, — солнце, зайдя, пробиралось под самым горизонтом, готовое вновь подняться, и просторное бледное зарево стояло над морем, охватив всю северную часть неба, и только на юге сгушалась над берегом неясная фиолетовая дымка. Наступала самая короткая ночь в году, ночь на двадцать второе июня.

Но для тральщика это была просто третья ночь беспокойного дозора. Тральщик крейсеровал в Финском заливе, обязанный все видеть и все замечать. Здесь проходила невидимая на воде линия границы, и все, что было к югу от нее, было запрещено для чужих кораблей, самолетов, шлюпок и пловцов. Вода к северу от нее была «ничьей водой». Эта «ничья вода» была древней дорогой торговли и культуры, но она же была не менее древней дорогой войны. Поэтому и там надо было следить, не собирается ли кто-либо свернуть к советским берегам: морская дорога вела из Европы, в Европе полыхала война, а всякий большой пожар разбрасывает опасные искры.

Дозор выпал беспокойный. Две ночи подряд тральщик наблюдал необычное оживление в западной части Финского залива. Один за другим шли там на юг большие транспорты. Высоко поднятые над водой, их борта показывали, что они идут пустыми, оставив где-то свой груз, но торопливость, с которой они уходили, была подозрительной. Тральщик нагонял их, проходил вплотную — и на каждом из них был виден на корме наспех замазанный порт приписки — Штетин, Гамбург, а сверху немецких — грубо намалеванные финские названия кораблей. С мостиков смотрели беспокойные лица немецких капитанов, а над ними, под гафелем, торопливо поднимался финский флаг. Странный маскарад...

Все это заставляло насторожиться. Поэтому к ночи тральщик снова повернул на запад, поближе к «большой дороге», и старший лейтенант, рассматривая с мостика горизонт, интересовался все не красками белой ночи, а силуэтами встречных кораблей.

Очевидно, он что-то увидел, потому что, не отрывая глаз от бинокля, нащупал ручки машинного телеграфа и передвинул их на «самый полный». Тральщик в ответ задрожал всем своим небольшим, но ладно сбитым телом, и под форштевнем, шипя, встал высокий пенный бурун.

— Право на борт, — сказал лейтенант, не повышая голоса. На мостике

все было рядом, — компас, рулевой, штурманский столик с картами, и только два сигнальщика, сидящие на разnojках у рогатых стереотруб, были далеко друг от друга: они были на самых краях мостика, раскинувшегося над палубой от борта до борта, — два широко расставленных глаза корабля, охватывающих весь горизонт. Старший лейтенант наклонился над компасом, взял по нему направление на далекий транспорт и проложил этот пеленг на карте. Он наметил точку встречи и назвал рулевому новый курс.

На мостик поднялся заместитель командира старший политрук Костин, — резкое увеличение хода вызвало его на мостик, оторвав от позднего вечернего чая (который вернее было бы назвать ночным). Он тоже поднял бинокль к глазам и всмотрелся.

— Непонятный курс, — сказал он потом. — Идет прямо в берег... Куда это он, целится? В бухту?

Он обернулся к командиру, но увидел, что тот, шевеля губами, шагнул от компаса к штурманскому столику, замолчал. Не следует задавать вопросов человеку, который несет в голове пеленги: бормоча цифры, тот посмотрит на вас отсутствующим взглядом, пытаясь удержать в голове четвертушки градусов, потом отчаянно махнет рукой и скажет: «Ну вот... забыл...» — и вам будет неприятно. Поэтому старший политрук дождался, пока цифры не превратились в тонкие линии на карте, и тогда наклонился над маленьким кружком — местом тральщика в море. Командир провел на западе еще одну линию — курс замеченного транспорта. Она уперлась в восточный проход мимо банки с длинным названием «Эбатрудс-матала».

— Вот куда он идет, понятно, — сказал командир и выразительно взглянул на политрука.

Проход был в «ничьей воде». Он лежал далеко в стороне от большой дороги в Балтику, и транспорту, если он не терпел бедствия, решительно нечего было тут делать. Но проход этот, узкий и длинный, был кратчайшим путем из прибрежной советской бухты в Финский

залив, — второй выход из нее вел далеко на запад, в Балтику. Старший политрук понимающе кивнул головой и посмотрел на счетчик оборотов (стрелки их дрожали у предельной цифры). Потом опять поднял бинокль.

— Пустой, — сказал он, вглядываясь, — наверное, опять из этих, перекрашенный... Продали они их финнам, что ли? И какого чорта ему итти этим проходом, это же ему много дальше. — Он посмотрел на карту. — «Матала» — банка, а «Эбатрудс»? Знакомое что-то слово означает, какую-то пакость... Забыл...

Старший политрук учился говорить по-эстонски и тренировался на всем: на вывесках, на встречных лайбах, на газетах и названиях маяков. Он пошептал это слово, как бы подкидывая его на язык и беря на вкус, и неожиданно закончил:

— Надо догнать, командир. Ряженый. От него всего жди.

— Догоним, — ответил старший лейтенант. Он вновь взял пеленг на далекий силуэт и подправил курс.

Тральщик полным ходом шел к точке встречи. Легкий ветер, рожденный скоростью, шевелил на мостике ленточки на фуражках сигнальщиков. Один из них, не отрываясь, смотрел на транспорт, второй, с левой трубой, медленно обводил своей рогатой трубой горизонт. На мостике молчали, выжидая сближения с транспортом. Потом старший политрук огорченно вздохнул:

— Нет, не вспомнить, — сказал он и достал потрепанный карманный словарь. Он полистал его — на мостике было совершенно светло — и радостно закончил: — Говорил я, что пакость! «Вероломство», вот что! Банка Вероломная, или Предательская, как хочешь.

— Никак не хочу, — сердито ответил командир, и оба опять замолчали, вглядываясь в транспорт. В бинокль он уже был виден с подробностями — большой и высокий. Гребной винт, взбивая пену, крутился близко от поверхности воды, как это бывает у незагруженного корабля. Транспорт упорно шел к проходу. Через час он мог быть там.

— Слева на траверзе три подводных лодки, восемьдесят кабельтовых, — вдруг громко сказал сигнальщик на левом крыле.

Командир и политрук одновременно повернулись и вскинули бинокли. Много правее розового зарева, низко на воде, виднелись три узких, высоких рубки. Лодки, очевидно, были в позиционном положении. Но сигнальщик торопливо поправился:

— Финские катера, товарищ старший лейтенант, — и добавил, оправдываясь: — Рубки очень похожие, а палуба низкая... Три шюцкоровских катера, уйд.

Старший лейтенант пригнулся к компасу и потом быстро перешел к карте. Он прикинул на ней место катеров и задумался, постукивая карандашом по ладони. Политрук молчал: не надо мешать командиру принимать решение. Но, молча стоя рядом с командиром, он тоже оценивал обстановку и думал, как бы он поступил на его месте.

Обстановка была сложной: слева — военные катера чужой страны шли на юг к невидимой линии границы, справа — торговый транспорт, перекрашенный и под чужим флагом, шел к важному проходу в «ничьей воде». Тральщик мог повернуть только вправо или влево, проследить одновременно действия подозрительных гостей он не мог. Давать радио о помощи было бесполезно, даже самолет запоздал бы к месту происшествия. Оставалось решать — куда важнее идти: к катерам или к транспорту?

Но катера были военные — и катера явно шли в наши территориальные воды. Следовательно, нужно было гнаться именно за ними, а не за торговым кораблем в нейтральных водах. Додумав, Костин выжидательно посмотрел на командира. Очевидно, и тот пришел к такому же решению, потому что скомандовал:

— Лево на борт, обратный курс... Держать на катера! Видите их?

— Вижу, товарищ старший лейтенант, — ответил рулевой, пригибаясь к штурвалу, как будто это помогало ему рассмотреть катера. Они были очень

далеко, за дистанцией залпа, и для простого глаза казались низкими черточками на воде.

Тральщик, кренясь, круто покатился влево, а командир, смотря в бинокль, стал с той же скоростью поворачиваться вправо, не выпуская из глаз транспорт. Даже когда тральщик закончил поворот и пошел на катера, командир продолжал стоять к ним спиной.

— Не нравится мне эта транспортюга, — сказал он негромко, и в голосе его Костин уловил тревожные нотки. — Уж больно кстати катера подгадали, что-то вроде совместных действий... Как они там — не поворачивают еще?

— Идут к границе, далеко еще, — ответил Костин. — Думаешь, старый трюк откальывают?

— Обязательно, — сказал старший лейтенант. — Вот увидишь, сейчас повернут — и начнется петрушка... Плюнуть бы на них и жать полным ходом к транспорту, да, чорт его, как угадаешь?..

Трюк, о котором говорил Костин, был, действительно, уже устаревшим. Недели три назад сторожевой корабль так же ходил в дозоре и так же заметил два шюцкоровских катера, идущие вдалеке к нашим берегам. Сторожевик пошел на сближение, и катера тотчас повернули вдоль линии границы. Но едва сторожевик, убедившись в этом, попробовал вернуться к своему району, катера опять пошли на юг, к нашим водам, вынуждая его гнаться за ними. Так, не переходя запретной линии, а только угрожая этим, катера оттянули сторожевик далеко на восток, — а на западе, меж тем, проскочила к берегу шлюпка... Правда, привезенного ею гостя немедленно же словили пограничники, но задачу свою катера выполнили.

Обстановка и в этом случае была похожей: транспорт зачем-то пробирался в проход у Эбатрудус-матала, и катера явно отвлекали внимание дозорного тральщика. Некоторое время они шли еще прежним курсом к границе, потом, убедившись, что они обнаружены и что тральщик повернул на них, катера легли курсом ост и пошли вдоль границы.

— Так, все нормально, — сказал старший лейтенант, когда сигнальщик доложил об этом повороте. — Что ж, проверим... Лево на борт, обратный курс!

Тральщик снова повернулся к транспорту. Тот уже был близко от прохода, и чтобы тральщику застать его там, нужно было решиться теперь же прекратить преследование катеров и идти прямо к банке Эбатрудус. Старший лейтенант прикинул циркулем расстояние до прохода и поднял голову.

— Эбатрудус, Эбатрудус... — сказал он, в раздумьи покачивая в пальцах циркуль. — Так, говоришь — «вероломная»?

— Или «предательская», как хочешь, — повторил Костин.

— Это что в лоб, что по лбу... Название подходящее... Только, что ему там делать? Шпионов на таких бандурах возить — дело мертвое... Хотя, впрочем, из-за борта на резиновой шлюпке спустить — и здравствуйте...

— А чорт его знает, — медленно сказал Костин. — Ему и затопиться недолго. Потом скажет, — извините, что так вышло, ах-ах, авария, нам самим неприятно, сплошные убытки, — а дело сделано...

Война польхала в Европе, а Европа была совсем близко. Перекрашенный корабль под чужим флагом мог выкинуть любую пакость. А проход был узок, и транспорт, затонувший в нем как бы случайно, мог надолго задержать для советских военных кораблей удобный стратегический выход. Догадка Костина была близка к правде, и за транспортом надо было глядеть в оба...

— Товарищ старший лейтенант, катера повернули на зюйд, — снова доложил сигнальщик.

Все разыгрывалось, как по нотам: теперь тральщик вынуждался вновь идти к катерам, — те снова повернут на восток вдоль границы, — и все начнется сначала... А тем временем перекрашенный транспорт выполнит ту диверсию, для которой, как твердо был убежден старший лейтенант, он и шел в проход.

Уверенность в том, что транспорт имеет особую тайную цель, была так

сильна, что старший лейтенант твердо решил идти к угрожаемому проходу, не обращая больше внимания на демонстративное поведение катеров. Он сказал об этом Костину, добавив, что катера вряд ли рискнут на глазах у советского дозорного корабля войти в наши воды. Надо тотчас дать радио в штаб с извещением о появлении катеров возле границы, а самим следить за транспортом.

Радио дали, и тральщик продолжал идти к проходу у банки Эбатрудус. Маневрирование, к которому вынудили его катера, несколько изменило положение: теперь точка встречи с транспортом могла быть у самого прохода, а не перед ним. Но все же старший лейтенант надеялся, что, видя возле себя советский военный корабль, транспорт не осмелится ни затопиться, ни спустить шлюпку с диверсантом, ни принять на борт возвращающегося шпиона.

Однако, и решив бросить катера, командир то-и-дело оглядывался на них. Они упорно продолжали идти на юг, но все еще не дошли до запретной линии границы. Наконец, проложив очередной пеленг, старший лейтенант сказал:

— Дальше им некуда. Через три минуты повернут.

Но прошло и три минуты, и пять, — а катера все еще продолжали идти курсом зюйд. Старший лейтенант тревожно наклонился над компасом: они были уже на милю южнее границы, и не заметить этого на катерах, конечно, не могли. Но они продолжали идти в кильватер головному, не уменьшая хода, и курс их нагло и открыто — на глазах у дозорного корабля — вел в советской воде к советским берегам.

По всем инструкциям дозорной службы тральщик был теперь обязан преследовать катера. Но ясно было, что катера и транспорт действуют совместно, решая одну задачу. Откровенный и наглый переход границы должен был заставить тральщик все-таки кинуться за ними, бросив транспорт в проходе у банки Эбатрудус. Что он мог там сделать — было еще непонятно, но оба — и командир и политрук — были убеж-

Северный фронт. Полуостров Рыбачий. На заснеженных гранитных склонах, разделяющих залив у выхода в Баренцovo море, заделали советские разведчики.

Фото Г. Зельма.

дены, что все дело сводилось к нему. Надо было быть возле него, чтобы помешать ему сделать то неизвестное, но опасное, что угадывалось, прощупывалось, чувствовалось в его настойчивом и странном стремлении к проходу.

Транспорт был уже хорошо виден. И тогда под гафелем его взвился большой флаг.

— Товарищ старший лейтенант, транспорт поднял германский торговый флаг, — тотчас доложил сигнальщик с правого борта, и командир поднял бинокль.

Это был флаг государства, связанного с Советским Союзом пактом о ненападении, договорами и соглашениями. Торговый корабль этого дружественного государства шел в нейтральной воде, там, где он имел право ходить, как ему угодно. Он шел пустой, без груза, осматривать на нем было нечего, и задержать его для осмотра или предложить ему переменить «в ничьей воде» курс — означало бы вызвать дипломатический конфликт. Отчетливо видный в ровном рассеянном свете белой ночи, флаг дружественной державы, поднятый на транспорте, резко менял обстановку. Оставалось одно: повернуть к военным кораблям, нарушившим границу.

Но старший лейтенант медлил.

Он продолжал смотреть на флаг, не опускал бинокля, и глаз его не было видно, — руки открывали только нижнюю часть лица. Губы командира дважды выразительно сжались, потом раскрылись, как будто он хотел что-то сказать, но вновь сомкнулись, и на щеке выскочил желвак: командир плотно стиснул челюсть. Потом он опустил бинокль и повернул лицо к своему заместителю, — и тот поразился перемене, которая произошла в командире за эту минуту.

— Война, — сказал старший лейтенант негромко, не то вопросительно, не то утверждающе.

Над Европой полыхал пожар войны, ветер истории качнул языки пламени к Финскому заливу, сухой и грозный его жар вмиг иссушил живое, почти мальчишеское лицо старшего лейтенан-

та. Он стянул молодую кожу глубокой складкой у бровей, отнял у глаз их влажный юношеский блеск, сухими сделал полные губы. В такие минуты военные люди, как бы молоды они ни были, сразу становятся взрослыми.

Это веселое простое лицо молодого советского человека, привычное лицо командира и друга, было новым и незнакомым. Новой была эта складка на лбу, крепко сжатые челюсти, странная бледность розовых щек — или так играла на них белая ночь? — незнакомым был серьезный, какой-то слишком взрослый взгляд веселого и жизнерадостного командира, которого больше хотелось называть Колей, чем товарищем Новиковым или, как полагается по службе, «товарищ старший лейтенант». И сразу тихая белая ночь, нежные краски воды и неба, последняя ночь привычного, надоевшего дозора, далекая база с друзьями, с семьей, театром и обычной воскресной поездкой за город, — все исчезло, стерлось, заволокло горячим и тревожным дыханием войны.

Транспорт надо было остановить или заставить отвернуть от прохода. Но он имел право не подчиниться сигналу. Тогда следовало дать по нему предупредительный выстрел. Этот выстрел мог быть первым из миллионов других — Отсалютовать флагом! — скомандовал старший лейтенант. — Лево на борт!

Он наклонился над картой и резким движением проложил курс на северозапад.

— Не уйдут, — сказал он Костину. — Мы ихотрежем.

А транспорт, продолжая держать под гафелем флаг, уходил к банке Эбатрудус. Старший лейтенант проводил его долгим выразительным взглядом и потом надавил кнопку. Резкий звонок боевой тревоги прозвучал в тишине белой ночи. Тральщик увеличил ход орудия на нем зашевелились.

Спокойно плыла над морем белая тихая ночь. Это была самая короткая ночь в году, ночь летнего солнцестояния. В эту ночь черные тяжелые бомбовозы уже несли по легкому, высокому

и светлому небу большие бомбы, чтобы скинуть их на города советской страны, мирно отдыхающие под воскресенье. В эту ночь фашистские танки уже шли к границе в военный поход на Советский Союз. В эту ночь фашизм рвал договоры и пакты, совершал никого уже не изумляющее новое предательство. В эту ночь — самую короткую ночь в году — история человечества вступала в новый период, который потом будут называть периодом восстановления прав человека на земном шаре, загаженном и залпанном страшной, мрачной силой фашизма.

Катера заметили поворот советского тральщика. Они тотчас повернули на север и полным ходом стали уходить из территориальных вод, стараясь как можно скорее очутиться на «ничьей воде», где советский дозорный корабль уже не сможет их обстреливать.

На мостике тральщика была боевая тишина. Ровно гудели вентиляторы, низко рычало в дымовой трубе горячее бесцветное дыхание топок. И только один голос звучал в этой тишине, — дальномерщик каждые полминуты называл расстояние до катеров. Оно медленно, но неуклонно уменьшалось, но было еще слишком далеким для верного залпа. Носовое орудие, задрав до самого мостика ствол, повиливало им в стороны, как бы нюхая в воздухе след уходящих катеров.

Это была погоня, — напряжение всех механизмов, молчаливое выжидание залпа, умный и точный выигрыш на каждом градусе курса. Катера не могли полностью использовать свое превосходство в скорости: не рассчитав маневра, они слишком далеко спустились за линию границы, справа им мешали теперь сстрокви, и оставалось только уходить под углом к курсу тральщика. А это означало, что раньше, чем они выйдут на «ничью воду», они сблизятся с тральщиком на дистанцию его артиллерийского залпа.

Видимо, на катерах поняли всю опасность этого сближения, потому что под кормой головного вырос белый бурун, и остальные стали заметно отставать. Потом и у них за кормой показалась пыш-

ная пена, — катера дали предельный ход. Его не могло надолго хватить, и весь вопрос был теперь в том, успеют ли они выскочить за невидимую роковую линию или до этого сблизятся с тральщиком.

Старший лейтенант, казалось, совсем забыл о транспорте. Теперь им владело одно стремление — догнать и атаковать катера, пока они находятся еще в наших водах. Он дважды до отказа передвинул ручки машинного телеграфа, и, очевидно, этот сигнал, требующий от людей и механизмов невозможного, был понят: тральщик дал ход, которого он до сих пор не знал. Дистанция снова начала уменьшаться.

Но все же она уменьшалась слишком медленно. Катера все ближе подходили к заветной грани. Через пять-десять минут они будут на нейтральной воде, — и пограничный конфликт опять перерастет в дипломатический. Не пойманный — не вор: уничтоженные в советских водах катера считались бы бандитами, уничтоженные в «ничьей воде» — они были бы военными кораблями, на которых напал первым советский военный корабль.

Старший лейтенант быстро перешел к карте, хотя она вся была у него в голове. Он наклонился над столом, но сбоку ему протянул листок шифровальщик.

— Товарищ старший лейтенант, экстренное радио по флоту..

— Старшему политруку дайте, — сказал он нетерпеливо. Сейчас ему было не до телеграммы, даже если в ней сообщалось о выходе, вылете к катерам самолетов: они уже были у «ничьей воды»... Нужно было немедленно выдумать что-то, что помогло бы их поймать. Он всматривался в карту, требуя от нее ответа, хотя отлично знал, что другого маневрирования не придумаешь. Если бы граница была хоть на две-три мили севернее!.. Тогда катера были бы вынуждены сами еще отклонить курс в сторону тральщика, — острова прижали бы их на запад, — и они вошли бы в сферу его действительного огня. Но граница была там, где она была, и ничего нельзя было сделать...

— Уйдут, — сказал старший лейтенант сквозь зубы и с отчаянием повернулся к Костину. Он хотел сказать ему, что попался на удочку, медля возле транспорта, что катера успели сделать свое дело у берегов и теперь безнаказанно уходят, но старший политрук молча протянул ему бланк радиограммы. Командир прочел его, поднял на него глаза, снова прочел бланк, потом бережно сложил его вчетверо и спрятал в боковой карман кителя.

— Товарищ старший политрук, — сказал он официально, — объявите на мостике и по боевым постам. Первая задача — катера.

Солнце уже встало над морем, и вся таинственная невнятность белой ночи исчезла. Трезвая и ясная бежала за бортами вода, ясно и прозрачно было голубое небо. Блестела на мостике краска, и ярко трепетали на быстром ходу флюгарки. Начинался день, — первый день войны, и в мыслях, во всем существе была та же ясность, трезвость и прозрачность.

Все стало на свое место: враг есть враг, и никакие дипломатические сложности, никакие условные линии границ, которых не видно на море, не стесняли более действий тральщика. Радиограмма была короткой. В ней сообщалось о нападении гитлеровской Германии на наши города и приказывалось атаковать противника при встрече.

Огромное спокойствие овладело командиром. Как будто лопнул где-то внутри давний, старый нарыв, мучивший и беспокоивший, стеснявший движения и мысль. Ему показалось, что эта белая невнятная ночь, транспорт, катера, неизвестность, что делать и за кем гнаться, — были давным-давно, несколько лет назад. Он даже удивился, как это мог он так мучиться и колебаться. Теперь он неторопливо подошел к мостiku, удобно пристроился к нему и стал ожидать терпеливо и спокойно, когда катера сделают свой вынужденный островами поворот и сами приблизятся к его курсу. Впереди было много воды, ясность и победа.

Так его и застал старший политрук, когда вернулся на мостик. Он сообщил,

что краснофлотцы приняли сообщение именно так, как он и ожидал: спокойно, серьезно, почти не удивляясь, не разменивая ненависть к врагу на крики и угрозы. Краснофлотцы просили передать командиру, что к бою с врагом родины, революции и человечества они готовы.

— Про катера сказал? — спросил старший лейтенант.

— Про катера я не говорил, — негромко сказал Костин и наклонился к нему. — Ты малость погорячился, Николай Иванович. Ничего с ними не изменилось: Финляндия пока с нами не воюет. Она, может, только наших снарядов и ждет, чтобы поднять крик на весь мир.

Он сказал это мягко и осторожно. Так говорят другу о неожиданно постигшей его беде, так опытный врач сообщает больному о перемене к худшему. Он слишком хорошо знал своего командира (и просто Колло Новикова), чтобы не понимать, каким ударом будет для него это соображение.

Старший лейтенант продолжал стоять у компаса в той же спокойной позе. Только карандаш в его руках, с которым он отошел сюда от карты, — карандаш, проложивший беспощадный, отрезающий катерам выходы курс, — внезапно хрустнул. Ровный голос дальнометрищика продолжал отсчитывать дистанцию. Она была близка к дистанции огня, еще пять минут — и можно было открыть огонь. Тральщик, дрожа, мчался вперед, носовое орудие попрежнему нюхало след врага, но весь план боя рухнул.

Старший лейтенант поднял руку и выбросил обломки карандаша за борт. Потом он повернул пеленгатор на катера и прильнул к нему глазом. Сбоку Костин увидел этот пристальный, немигающий взгляд — и снова поразился: второй раз за эти немногие часы веселый молодой командир повзрослел еще на несколько лет.

— Ясно. Право на борт, трал к постановке изготовить, — скомандовал старший лейтенант и поднял голову от пеленгатора. Он посмотрел на Костина, и где-то в глубине глаз тот на миг уви-

дел прежний взгляд Коли Новикова — горячего, неукротимого парня, выдумщика и упряма, человека смелых, но слишком быстрых поступков.

— Эх, и прижал бы я их к островкам, и раскатал бы, как миленьких, — протянул он, покачивая сжатым кулаком. — Ведь что обидно, Кузьмич: на них те же немцы сидят, это как факт, все же теперь ясно... Да, я понимаю, — остановил он Костина, — я все понимаю... Предлагаю перейти к очередным делам. Пойдем, посмотрим, что там эта гадюка наделала...

Он дал телеграфом уменьшение хода и повел Костина к карте.

Через полтора часа тральщик с заведенными фор-тралами подходил к проходу у банки Эбатрудус. Здесь не было никого — транспорт «дружественной державы» давно ушел в Балтику западным дальним проходом, и нагнать его не было возможности.

Был совершенный штиль, зеленая вода лежала ровно и гладко, и рябь не затуманивала ее прозрачной глубины. В ней отчетливо были видны красные буйки фор-трала, — они плыли под водой, как плотные, упитанные дельфины, изредка резвясь и вскидываясь к поверхности, но тотчас увлекаемые на нужную глубину оттяжками и рулями. Прочные тросы, проведенные к ним с форштевня, защищали тральщик от встречи с миной. Раздвигая перед собой воду, водоросли и минрепы, тральщик осторожно вышел в проход.

И в самом узком месте прохода из правого трала всплыла подсеченная мина.

Освобожденная от удерживавшего ее на глубине минрепа, перебитого тралом, она с легким всплеском выскочила из воды и осталась на поверхности, — первая мина новой большой войны. Финский залив, вдоволь наглотавшийся мин за семь лет первой германской войны и гражданской, вновь почувствовал их надоедливый металлический вкус, — и, может быть, поэтому так охотно и просто он выплюнул эту первую мину, едва трос, державший ее в зеленой глубине, встретился с советским очистительным тралом. Она медленно кружи-

лась на неподвижной воде, показывая свои длинные рожки, — обнаженные нервы, не терпящие никакого прикосновения, — огромная черная, круглая смерть.

Ее уничтожили, как гадюку, меткой пулеметной очередью. Зашипев, как гадюка, она медленно погрузилась и пошла на дно, выпустив темный дым из мерзкого своего существа. Пули, не вызывая взрыва, продырявили ее корпус, — командир решил утопить ее без шума, чтобы не привлекать внимания.

Но вторая подняла этот нежелательный шум: правый трал неудачно задел ее рожок, и столб воды, дыма и металла встал рядом с тральщиком. Страшное сотрясение всего корпуса выбило из зажимов рубильники, в кочегарке и в машине потух свет. Рулевой повернул голову к старшему лейтенанту и, стараясь не повышать голоса, доложил, что рулевое управление вышло из строя, и потом отряхнулся от воды, упавшей с неба на мостик прохладным, свежим душем. Через минуту на мостике зазвонил телефон, и из машины сообщили, что все нормально и что рубильник теперь зажат намертво, все должно работать — и руль, и приборы, и свет.

Тогда новый столб воды встал с левого борта, новый звуковой удар потряс людей, — и второй красный, упитанный дельфин всплыл рядом с бортом. Тральщик остался без фор-тралов.

Старший лейтенант застопорил машину. Было неизвестно, на какую глубину поставил мины транспорт. Предательское ограждение, выставленное торговым кораблем без объявления войны, несомненно, было рассчитано и на мелко сидящий тральщик, гнавшийся за транспортом. Поэтому продвижение вперед без фор-трала было опасным. Заводить новые буйки здесь, на ограждении, было бессмысленно: трал начинал работать при определенной скорости хода, а развивать эту скорость на минах было нельзя. Уйти задним ходом тоже не получалось: струя винтов сама подтащила бы к корпусу тральщика покачивающиеся под водой мины.

Старший лейтенант в раздумьи смотрел в воду. Спокойная и недвижная,

она была прозрачна. Он поднял голову и взглянул на Костина:

— Я думаю, проползем, если с умом взяться? Не ночевать же тут.

— Попробуем, — ответил Костин, поглядывая в воду. — Все равно, до самой смерти ничего особенного не будет.

Командир наклонился с мостика и объявил краснофлотцам, что надо делать.

Приготовились к худшему, — доставили спасательные средства, вывалили за борт шлюпки. На баке, по бортам, на корме стали наблюдатели. Дали воде совершенно успокоиться и восстановить свою прозрачность. И тогда старший лейтенант дал малый ход — несколько оборотов винтов — и тотчас застопорил машины.

Медленно, как бы ошупью, тральщик пошел вперед. Напряженная строгая тишина стояла на мостике, на палубе, в машине, в кочегарке. И в этой тишине раздался первый возглас наблюдателя:

— Мина слева, в пяти метрах, тянет под корабль!

Новиков и Костин перегнулись с левого крыла мостика. Мина, и точно, была видна. Она стояла на небольшой глубине, дожидаясь прохода тральщика. И, как ни медленно и ни осторожно он шел, увлекаемая им масса воды заставила мину дрогнуть на ее минрепе, качнуться и двинуться к борту тральщика. Неторопливо поворачиваясь и как бы целясь своими рогами в борт, она подходила ближе.

По этим рогам был нужен удар определенной силы, — иначе мины рвались бы сами от удара волны, от наскочившей на них сдуру крупной рыбы. И на этом был построен весь расчет старшего лейтенанта: пройти медленно, по инерции, может быть, и касаясь мин и их рогов, но касаясь осторожно, без удара.

И тральщик медленно шел вперед, и еще медленнее текло время. Страшной эстафетой — страшной в ее деловитости и спокойствии — шла вдоль бортов к корме переключка наблюдателей:

— Мина слева, в трех метрах. Уходит под корабль.

— Мина у борта, плохо видно.

— Ушла под корабль у машинного отделения.

Томительно и грозно наступила большая пауза. Мина шла под дном корабля. Она шла медленно, вероятно, поворачиваясь и царапая днище рогами. Возможно, что колпаки не сомнутся. Но возможно и другое. Сделай больше ничего нельзя, надо ждать.

И на тральщике ждали. Краснофлотцы смотрели вниз, — те, кто стоял на палубе — в воду, те, кто был внутри корабля — на железный настил. И только двое, подняв головы, смотрели на небо: это были два сигнальщика, искавшие в голубой, яркой высоте черную точку, — старший лейтенант был убежден, что вот-вот должен появиться фашистский самолет, транспорт наверняка сообщил по радио о тральщике.

О мине под днищем никаких сведений больше не поступало. Зато с бака опять раздался спокойный голос:

— Товарищ старший лейтенант, вторая. Справа, в шести метрах.

— Докладывайте, как проходит, — сказал старший лейтенант, всматриваясь сам. С мостика она еще не была видна.

— На месте стоит, товарищ старший лейтенант. То-есть мы стоим, хода нет.

— Так, — сказал старший лейтенант и повернулся к Костину. — Интересно, где первая? Может быть, уж под винтами... Рискнуть, что ли?

— На Волге шестами отпихиваются, а тут глубоко, — ответил тот. — Хочешь, не хочешь, а крутануть винтами придется. Давай, благословясь.

Старший лейтенант передвинул ручки телеграфа, поймав себя на том, что старается сделать это осторожно, как будто от этого зависела сила удара винтов. В машине старшина-машинист переглянулся с инженером, и оба озяты невольно посмотрели себе под ноги. Потом старшина приоткрыл стопорный клапан, и винты дали несколько оборотов. Стрелка телеграфа опять прыгнула на «стоп», и пар перекрыли.

Тральщик получил чуть заметный ход. Потом сразу раздалось два одновременных возгласа:

— Вышла из-под днища на правом борту, всплывает!

— Справа мина проходит хорошо!
А с бака вперебивку раздался тонкий
тенорок боцмана:

— Товарищ старший лейтенант, тре-
тья слева, в трех метрах, тянет под ко-
рабль!

— Спички у тебя есть, Николай Ива-
нович? — вдруг спросил Костин. Стар-
ший лейтенант покосился на него неодоб-
рительно: никогда не курил, а тут...
Он достал спички и нехотя протянул
ему. Старший политрук аккуратно вынул
две спички и положил их на стекло ком-
паса.

— Две прошло, — пояснил он. — За-
путаешься с ними, так вернее бу-
дет.

Командир засмеялся, и Костин уви-
дел, что перед ним прежний Новиков —
жизнерадостный, веселый, молодой. Гла-
за его блестели прежним озорным бле-
ском, и тяжелая непривычная складка
на лбу разошлась.

— А ведь вылезем, Кузьмич! Смотри,
как ладно идет!

— Ты сплюнь, — посоветовал ему Ко-
стин. — Не кажи гоп, коли не перепрыг-
нул... Неужто всю коробку на кэмпас
выложу? О четвертой докладывают.

Но коробки хватило. Через двадцать
три минуты тральщик очутился на чи-
стой воде, и Костин бережно собрал со-
стекла двенадцать спичек.

Тральщик весело развернулся на чи-
стой воде, завел тралы и начал освобож-
ждать от мин важный для флота
проход у банки «Эбатрудус». Солнце
поднималось к зениту, наступал пол-
день первого дня войны и первого за-
последние три месяца дня, который был
короче предыдущего. Солнце повернуло-
на осень. Впереди были холодные дни,
дожди, сырость, мрак, зима, ожидаю-
щие фашистские полчища, впереди был
бесславный конец начатой ими в этот
день гибельной войны.

Северный фронт. Не один раз вставало над запорошенной тундрой Заполярья зимнее солнце, пока отряд майора Каленикова, направленный в глубь расположения противника, огибал с тыла линию фронта. Одетые в маскхалаты, почти сливаясь с кустами замёрзшего вереска и синеватым снегом, советские бойцы шли через тундру, взбирались на обледенелые гранитные скалы, чтобы завершить свой героический рейд разгромом врага. Фото Г. Зельма.

Дерево

С. ОЛЕНДЕР

★

Ты стало голым, дерево живое.
Осенний иней серебрит кору,
И небо, постаревшее, чужое,
Дрожит, как блеклый парус на ветру.

Что это? Старость? Или знак недуга?
Минует осень, и зима пройдет,
И снова зеленеющего друга
Апрель голубоглазый обоймет.

Не так ли ты, страна моя родная,
Роняющая жизни сыновей,
Как дерево, воспрянешь, выпрямляя
Всю мощь своих негнущихся ветвей.

Юг, 1941 год. Уход от врага.

Фото С. Гурарий.

Ленинградская область, 1941 год. Последний взгляд на родной дом, зажженный воздушными пиратами Гитлера.

Фото В. Тарасевича.

Фронтальные записи

ЛЕОНИД ШЕРШЕР

★

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Когда наступит день воспоминаний, я вспомню, вероятно, прежде всего, низкое облачное небо, широкую прифронтовую дорогу, день накануне праздника, людей, которых я встретил и с которыми говорил.

Я много видел телег и машин, двигавшихся по прифронтовой дороге на восток. Я много встречал людей, дом которых был в огне. Они шли по неизвестной им дороге, в погоне за своей землей, которую хотели у них отнять, и которую у многих отняли уже на время.

Лучшие кони ушли на войну, да и их хозяева, молодые и ладные, ночуют где-нибудь в окопе, под воющим ветром, ходят в атаки, отступают, когда надо, и копят силы для того, чтобы наступать.

Поэтому на дорогах только старые люди сопровождают телеги, в которые впряжены старые кони. Двигаются они медленно, горько их расставание со своим домом, горек каждый километр, все более и более отдаляющий их от него.

К ночи телеги останавливаются где-нибудь в деревне. И украинцы входят в подмосковные избы, садятся вокруг столов и мало говорят. Да их и мало спрашивают. Горько говорить о беде. Горько думать, что за окном и звезды другие, и земля другая. Горько, не смотря на то, что встречают тебя, как

родного, сочувствуют твоей беде и переживают ее, как свою собственную.

Я видел старика, который вез маленький ветхий сундучок. Ночью все оставляли свои вещи на телегах. Никто не уносил их с собой, никто не боялся, что их украдут. А старик прятал свой сундучок каждый вечер. Он тащил его с собой в каждую избу, где ему давали приют.

— Чего ты, дедушка, — аль боишься, что украдут? — спросил его парень в валенках, с шелковым кашне вокруг шеи.

Старик ничего не ответил. Он подложил себе под голову сундучок и улегся рядом со мной. Я слышал, как он ворочался, как собирал в кармане щепотку самосада, — он хотел курить и поэтому не спал.

— Ты не спишь? — спросил он неожиданно и очень тихо, боясь, видимо, меня разбудить и вместе с тем страстно желая этого.

— Нет, я не сплю.

Он помолчал несколько минут, потом нагнулся ко мне так близко, что задел меня колючими усами.

— Ты вот, наверное, подумал, что я жадный старик — таскаю свой сундучок, а в нем добра-то копейки на три. Все там осталось... — и я догадался во тьме, что он показал на запад. — Не это я берегу, товарищ командир. Хочешь знать, что я берегу, что мне на род доверил?

Он приподнялся, опершись на локоть, достал из-под головы сундучок, долго рылся в нем молча и, наконец, прошептал все так же таинственно:

— Зажги-ка на минутку фонарик, товарищ командир.

Я зажег фонарик. Слабый луч осветил большую красную книгу, и я успел различить на ней золотые буквы: «Акт на право вечного пользования земель».

— Вот что я берегу. Везу его с собой Полтавы. Ничего я не успел взять с собой, дом свой спалил, а это дал мне наш председатель. Он сам пошел в партизаны.

Он долго укладывал сундучок на место и долго не спал после этого. Я ничего не мог ему сказать. Нужно ли было утешать и успокаивать его? Это был хозяин земли, вечный ее хозяин, который ушел только на время.

★

КУЛЮДА

— Вы хорошо сказали: «благородное сердце». Как много таких простых ребят, у которых благородное, горячее сердце. Если дружит такой — то уж до самого гроба, если ссорится — то уж до драки, если любит — скажет прямо в глаза, а если ненавидит — прибьет.

Я расскажу вам об одном таком парне. Его звали Кулюда, Федя Кулюда, он был стрелком на тяжелом бомбардировщике лейтенанта Морозова. Им поручили бомбить железнодорожный мост. По дороге на них напало девять «мессершмиттов». А вы представляете себе девять истребителей, атакующих вас со всех сторон, направляющих в вас огненные нити пуль?

Девять самолетов напали на один, а в это время на этом одном продолжалась обычная работа. Штурман, а он по совместительству и бомбометатель, делал свои расчеты, стремясь не ошибиться, а потом нажал рычаг и сбросил бомбы, одну за другой, направляя их в железные пролеты моста.

Истребителям было видно, как падали бомбы, похожие на тяжелые груши. Неприятельские летчики остервенели, они осаждали машину со всех сторон, открывая бешеный огонь. Одна из пуль попала в бензобак бомбардировщика: через несколько минут поднялся дымок над правым мотором.

— Прыгать с самолета! — приказал Морозов, потому что ничего другого делать не оставалось. Первым прыгнул

штурман, за ним должен был прыгать стрелок-радист Маринов. Он уже приготовился к прыжку, как вдруг выяснилось, что турельный люк в полу нельзя открыть: осколок снаряда заклинил его. Маринов навалился всей своей тяжестью, проломил дверь, прыгнул, но лямки парашюта зацепились, и он повис. Огонь уже касался его. Самолет горел, и красные языки бросались с плоскости на плоскость.

Кулюда должен был быстрее покинуть самолет — некогда было мешкать.

Но он остался в машине. Он стал на колени и медленно, не спеша, стал распутывать лямки парашюта своего товарища. Он сознательно не спешил, потому что знал, что если будет делать это медленнее, неторопливее, то кончит и лучше и быстрее.

И он распутал лямки — Маринов полетел вниз, и Кулюда заметил белый купол парашюта, раскрывшийся возле самой земли.

А сам Кулюда прыгнуть уже не успел. Самолет догорал. Он был уже очень низко, и вместе с ним сгорел Кулюда, Федя Кулюда.

У него в Краснодаре осталась невеста. Она прислала ему варежки, которые связала сама, и четыре носовых платка с вышивкой «Ф. К.». Но Федя Кулюда их уже не успел получить. Я не знаю адреса этой краснодарской девушки. Я бы ей написал, как Кулюда погиб.

★

НОЧЬЮ В ШТАБЕ

Для тех, кто бывал в штабе действующей части, знаком этот едкий запах дыма, подслеповатый огонь, наскооро сколоченные столы, сосредоточенные лица людей и короткие разговоры, без лишнего фраз.

Но бывают в штабе и часы затишья, когда там почти никого нет, когда люди спят (а вы знаете, что значит спать на войне?), когда только оперативный дежурный, которого сокращенно называют «о. д.», сидит на своем месте возле телефона, когда жужжит чайник на плитке и стучит машинка под руками девушки в синей пилотке. В такие часы в штабе доделывают не самые спешные дела. Сегодняшний бой уже отгремел, а завтрашний еще только начался.

Вот сидит передо мной Лиза Вострикова, маленькая машинистка штаба. Она кажется прозрачной, так светлы ее волосы, так бледно ее усталое лицо. Она пишет на своей машинке какие-то письма. Я приглядываюсь к одному из листов и читаю: «Уважаемая...» и дальше имя и отчество.

Потом проходит примерно с полчаса, я опять смотрю, что она пишет, и опять вижу: «Уважаемая...», только с другим именем и отчеством.

И только в эту минуту я понимаю все. Я видел, как погибали люди, падая под пулями, я видел, как они сгорали с самолетом, не успев долететь до зем-

ли, но только в тихой комнатке штаба в ночь между сегодняшним и завтрашним боем я острее, чем во все предыдущие дни, почувствовал, что люди умирают.

Лиза Вострикова сама недавно получила письмо, которое начиналось словами: «Уважаемая Елизавета Михайловна...» Его писала какая-нибудь другая машинистка в пилотке в часы затишья между боями.

— Вот, если хотите, прочитайте, как пишут такие письма, — сказала Лиза, протягивая мне листок.

Я прочел. Это было простое, бесхитрое, написанное искренне, письмо.

— Вы ведь не выдадите меня? — спросила Лиза, косясь на «о. д.». — Я иногда нарушаю все законы. Вот эти письма подписывают командир и комиссар. Они пишут их тепло, но ведь они мужчины, солдаты. А я женщина. Я иногда на обороте от себя приписываю. Ну, просто несколько слов. Может быть, в них и ничего нет такого, но, по моему, женщине, которая их прочтет, станет чуть-чуть легче. Этого нельзя делать, правда? Дайте спичку!

В углу зашевелился «о. д.», зазвонил телефон, кончилась короткая фронтовая ночь, начинался фронтовой день, длинный и тяжелый. Лиза вынула из машинки последний ночной листок и вставила новый, готовясь к деловому дню.

★

РАЗГОВОРНАЯ ПРАКТИКА

На долю стрелка-радиста падает много обязанностей. Он должен следить за воздухом и ловить в эфире свою станцию. Кроме того, ему приходится разбрасывать листовки, когда самолет, перелетев линию фронта, летит над землей, захваченной врагом.

Стрелки стремятся всегда взять с собой побольше листовок. Они тащат в машину огромные пачки, пытаются уложить их потеснее друг к другу, чтобы использовать каждый сантиметр непропорного своего помещения.

Листовки печатаются на немецком языке, и перед вылетом стрелкам рассказывают, что они везут и что будут разбрасывать фашистским солдатам.

Борис Ветров — стрелок с тяжелого самолета — в первый же раз, как увидел листовки, дал себе слово, что научится их читать и сможет понимать незнакомый язык. Он взял себе несколько листовок, нашел такой же русский текст в газете и по вечерам переписывал в тетрадку русские слова слева, а направо, как он сам говорил,

он «срисовывал» слова по-немецки. Некоторые термины он брал из маленького словарика, который ему дал инженер части.

Учил он их в столовой, в общежитии, а иногда и в самом самолете, если техники чуть задерживали вылет. Он сидел тогда, одетый в меховой комбинезон, и неловкими руками, стянутыми толстыми перчатками, держал тетрадку, выискивая в ней нужное слово.

Ребята его по временам экзаменовали. Возьмут листовку и начнут спрашивать, что значит то слово, что значит это. Он иногда отвечал невпопад, иногда долго думал, мучительно морща лоб, но в большинстве случаев отвечал правильно.

— У меня нет разговорной практики, — жаловался он, — а то бы я этот язык хорошо изучил!

И вот представился раз случай Борису Ветрову поговорить по-немецки, поучить, так сказать, разговорную практику.

Ребята сидели у машин, в готовности номер два. Нужно было скоро выходить на задание, но тут неожиданно появились немецкие бомбардировщики, им навстречу поднялись наши истребители, и в небе завязался бой. А через несколько минут один немецкий само-

лет загорелся, летчик выпрыгнул из парашюте, красноармейцы поймали его где-то в рощице и повели в штаб, мимо наших ребят, мимо Бориса Ветрова.

— Вот тебе, как нарочно, — сказал штурман Колечко, — вот тебе, Ветров, практика. Пойди-ка и объясни ему по-немецки все, что мы о нем думаем.

Красноармейцы с пленным немцем уже прошли, но Борис Ветров успел догнать их, тяжело ступая в унтах по огромным калошам, почти таких, как которые выставляют на витринах.

— Слушай, ты! — крикнул Ветров, обращаясь к немцу. Тот, не ожидая окрика, нервно вздрогнул и обернулся. — Слушай, ты, — медленно повторил Борис, спокойно вспоминая слова по-немецки. — Сволочь ты последний! Если бы не государственное это было дело, я бы тебя пристрелил, как свиную баку.

После этого он постоял немного и пошел обратно.

— Ну, как, поговорил? — спросил ребята, когда Ветров вернулся к своей машине.

— Поговорил, — с сердцем ответил он.

В это время уже прогнали самолет со свастикой, небо было свободно, можно было идти на старт.

★

ПРИКАЗ МАЙОРА РОЩИНА

Майору Рошину некогда было думать об этом. Майор Рошин командовал псковом, почти не покидавшим поля боя. Ему некогда было думать о том, где его семья. Город, в котором они жили, заняли немцы, люди, встречавшиеся по пути, рассказывали о том, что фашисты, вступив в город, вывели на площадь людей и расстреляли каждого десятого.

Майору Рошину некогда было думать об этом, но все же, иногда, очень редко, он вспоминал. Он сидел в землянке и работал до поздней ночи. Перед ним лежала карта с нанесенными по данным разведки сведениями о про-

тивнике. Утром нужно было начинать наступление.

Однажды, задумавшись, он выводил на бумаге замысловатые линии и фигуры. Так легче было сосредоточиться. И вдруг он с удивлением заметил, что написал на листочке «Валя». Так звали его дочь.

Вечером, перед наступлением, выданы были свободные часы. Все побрилось сразу похорошело, и настроение у всех сразу стало лучше.

Заговорило радио в землянке. Перед ними давали письма на фронт. Майор обходил в это время подразделение. Он вошел в землянку, когда диктор читал

« — ...Мою мать убили. На площади, напротив нашего дома. Она кричала: «Изверги, за что?!», а потом перестала. Мне удалось убежать. Я сейчас в Москве. Отец! Крепись в эту минуту. Я понимаю, как тебе тяжело, ты должен мстить. И за меня, и за себя, за каждого из нас, за каждое сердце, растоптанное фашистским сапогом. Твоя дочь Валя.»

Майор стоял возле двери, положив одну руку в карман, другой застегивая пуговицу кожаного пальто.

— Кому передавали это письмо? Майору Рошину? — спросил он тихо.

В землянке никто не проронил ни звука. Все стояли молча, боясь нарушить тишину. За дверью послышались тяжелые шаги человека в армейских

сапогах. Он шел в землянку, не зная, что в ней происходит. Это был адъютант командира, он нес приказ о завтрашнем наступлении на подпись майору.

Адъютант приоткрыл дверь и вошел. Молодой лейтенант, стоявший возле самой двери, поднял руку и прошептал:

— Подожди...

Майор Рошин резко повернулся и спокойно посмотрел на лейтенанта.

— Давайте бумагу, — сказал он адъютанту. Он взял бумагу и сел за стол.

Командиры один за другим выходили из землянки. Майор дважды перечел знакомый текст и поставил под ним свою подпись.

Утром началось наступление.

Западный фронт. Враг отступает. Бросая города и села, немецко-фашистские вандалы поджигают дома мирных жителей.

Фото П. Трошкина.

Моя Москва

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

★

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

Но всегда я привык гордиться
И везде повторял слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.

У комбайнов, станков и орудий,
В нескончаемой лютой борьбе
О тебе беспокоятся люди,
Пишут письма друзьям о тебе.

Никогда врагу не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Москва, ноябрь—декабрь, 1941

Фотоочерк М. ГРАЧЕВА, С. ГУРАРИЙ, Р. КАРМЕН и Т. БУНИМОВИЧА

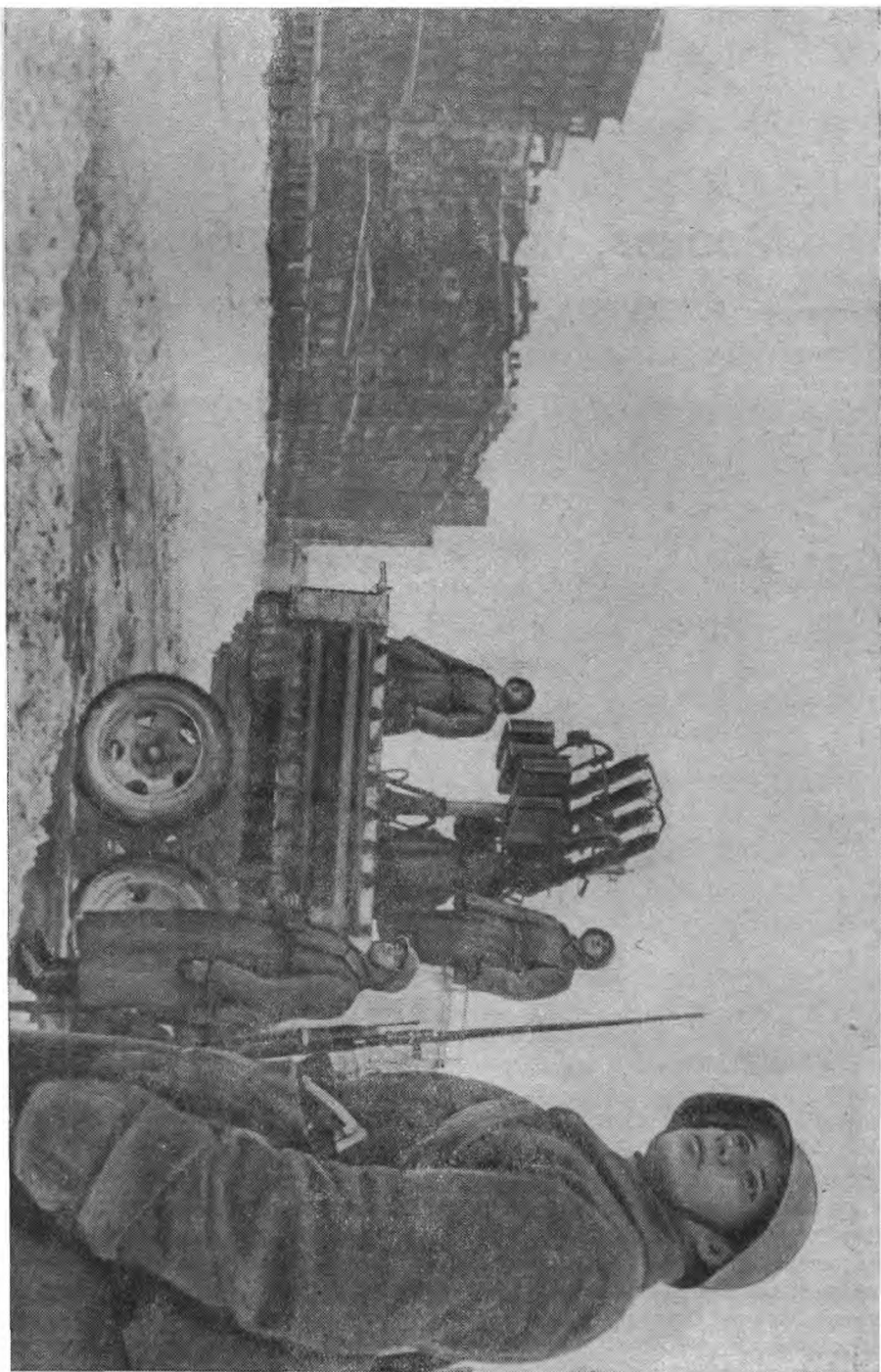

Оборонительный рубеж.

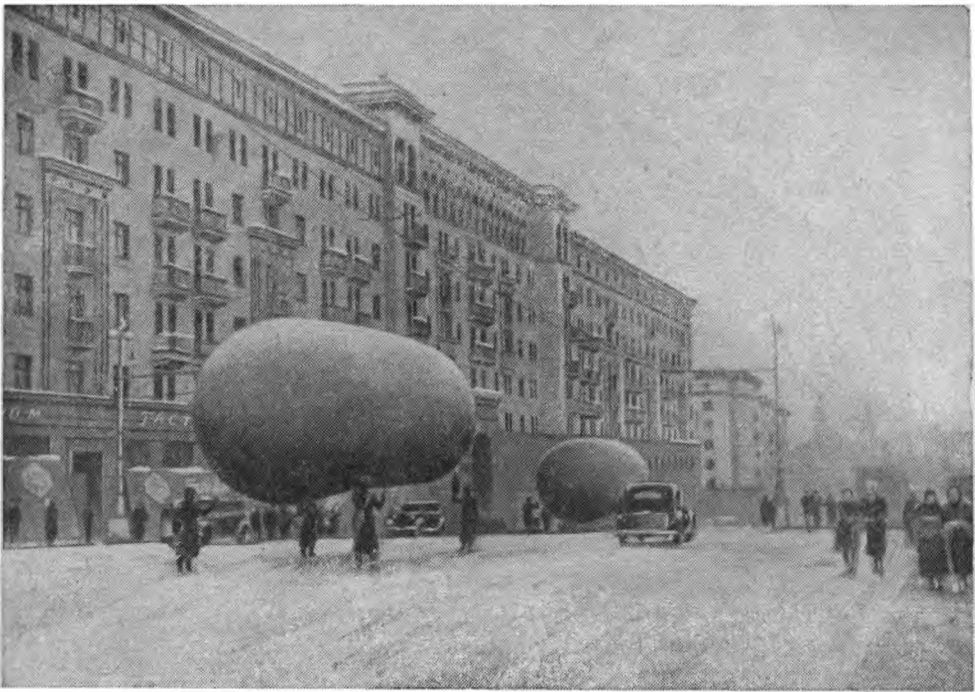
Посуровел, изменился наш город. Мы знали Москву, полную мира и обжитого тепла. На наших глазах, в течение нескольких месяцев, изменилось ее, привычное для всех нас, лицо, и мы увидели Москву, готовую к боям и испытаниям.

Осыпанные пестрыми пятнами камуфляжа, пронесаясь во все концы города — к выходам на автострады и шос-

се — фронтные машины. Фронт близок, он дышит на подступах к городу, и бывшие московские заставы обращены к нему своими баррикадами, как форпосты. Прославленный мирными делами, город Москва стал городом войны. Привычны эти фронтные машины, привычны стальные шлемы на фронтах, привычно, что все в городе подчинено смыслу и движению войны и

Московские зенитчики охраняют город.

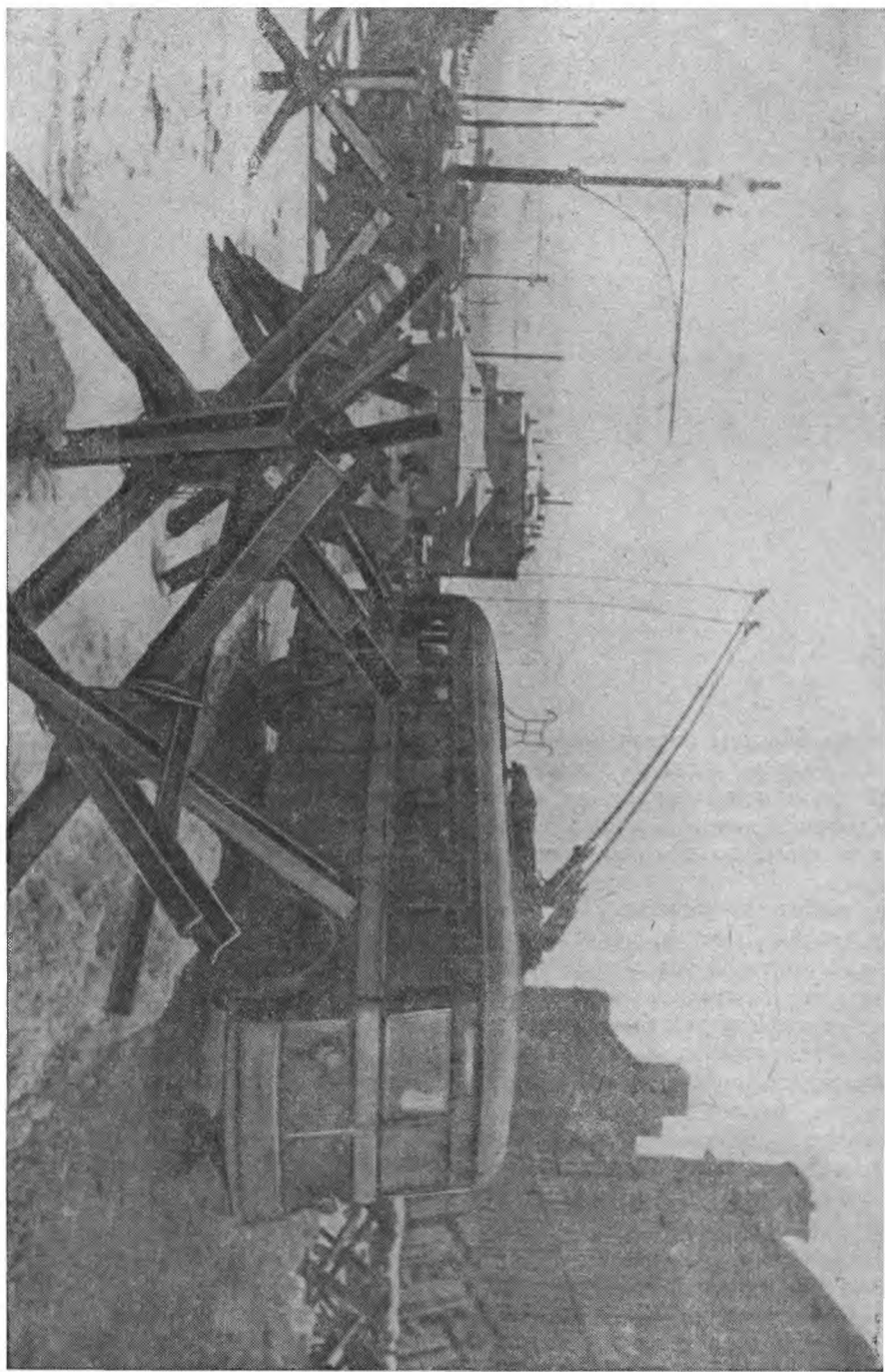
На улице Горького.

что сердце Москвы бьется ныне не так, как оно билось десятилетиями. Полуночный звон кремлевских часов означал — доброй ночи. Сегодня так же бьют эти часы, но это значит — будьте бдительны.

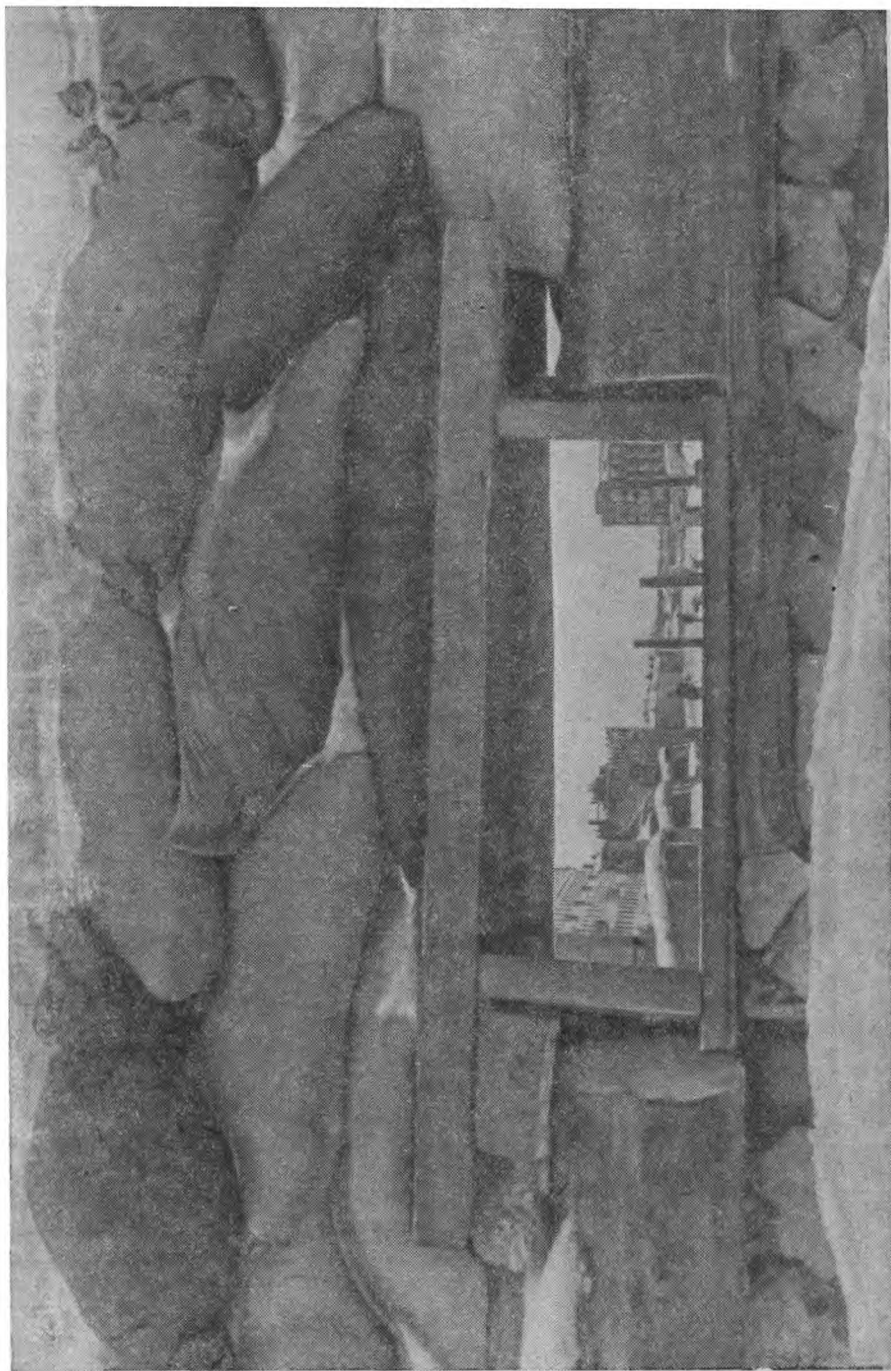
Враг любит темные ночи. Не так давно мирная, теплая Москва, отпустившая к полуночи зрителей из своих театров, неторопливо коротала ночь, постепенно пустели ее кафе и рестораны, и последний пешеход встречал уже утренние запахи булочных, шум подметальных машин, гудки ранних поездов на вокзалах. Сейчас фронтовой город стоит на страже страны. Чем темнее ночь, тем настороженнее его улицы. Первый уловленный рокот мотора неприятельского самолета, и небо оживает от выстрелов зенитных орудий. Просыпаясь, московский житель говорит: «Это наши стреляют», распознавая звуки пушек своего района. Широкие улицы, которые недавно мы застраивали новыми домами, сейчас стали учебными плацами. По ним маршируют рабочие батальоны,

идут подкрепления на фронт и медленно движутся орудия с чехлами на дулах.

Посуровел, изменился наш город. Цвет военных шинелей сменил пестроту московской толпы. Город насторожен, город слушает. Высоко в небе, над облаками, как тире телеграфной передачи, висят аэростаты. Мешки с песком по-брустверному высятся, загораживая зеркальные витрины магазинов. Некогда славилась Москва своим добродушием и мягкотелостью. Это было давно, когда российскую империю представлял чиновный, подтянутый Петербург. Наше время изменило облик этих двух великих городов. История каждого из них — история нашей страны, история любого из нас. В песне о революции есть два братских имени — Ленинград и Москва. Ленинград начал запевку, Москва подхватила ее. Ленинград первый в этой войне испытал тяжесть осады, теперь пришла очередь Москвы. С достоинством и уверенностью оба города приняли вызов,

У Московских застав.

Баррикада.

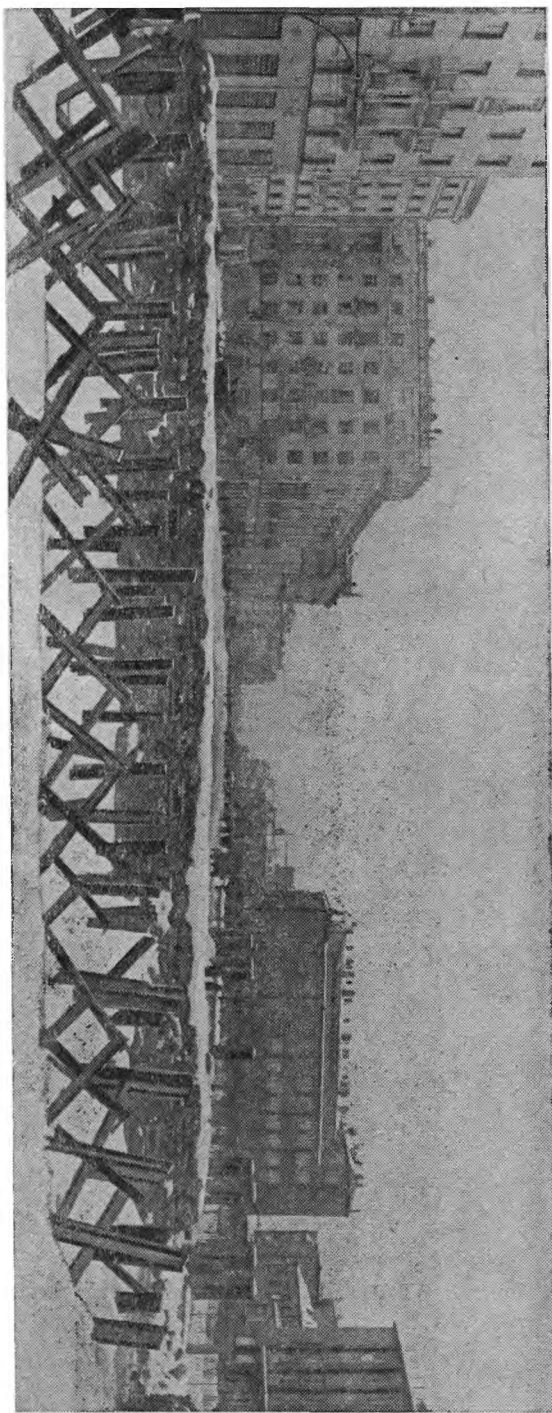
и героическая оборона Ленинграда войдет так же в историю, как входит ныне в историю оборона Москвы.

Рабочие районы Москвы первыми вышли на борьбу за величие и независимость своего города. Отсюда, из этих районов, десятки тысяч людей потянулись строить укрепления вокруг города, отсюда военным шагом вышли потомственные слесари, металлисты, текстильщики, как выходят защищать родные города Донбасса горняки, как защищают Тулу оружейники... За несколько недель на московских заводах, которые были заняты мирными делами: изготовлением кранов, труб, станков, — стали изготовлять вооружение. Предметы мирного обихода сменились снарядами и ручными гранатами.

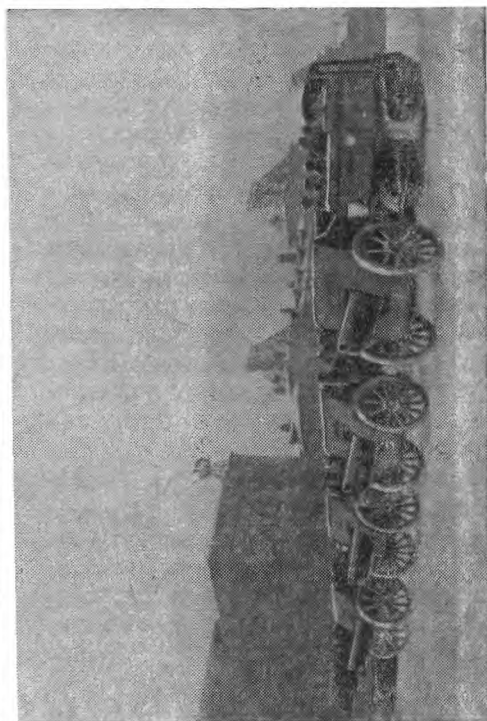
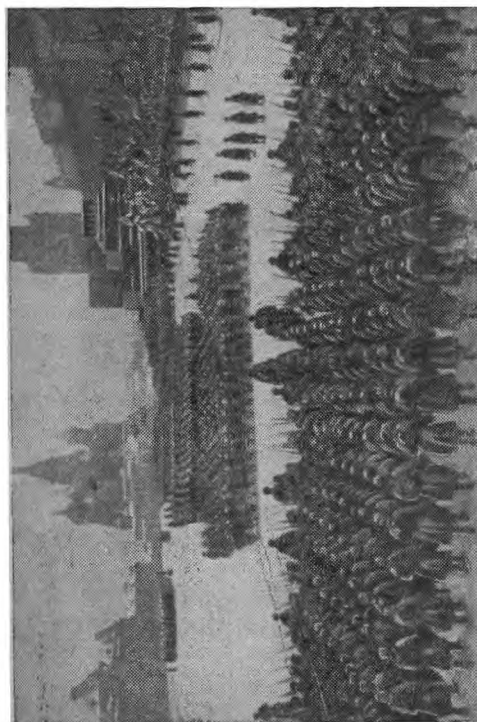
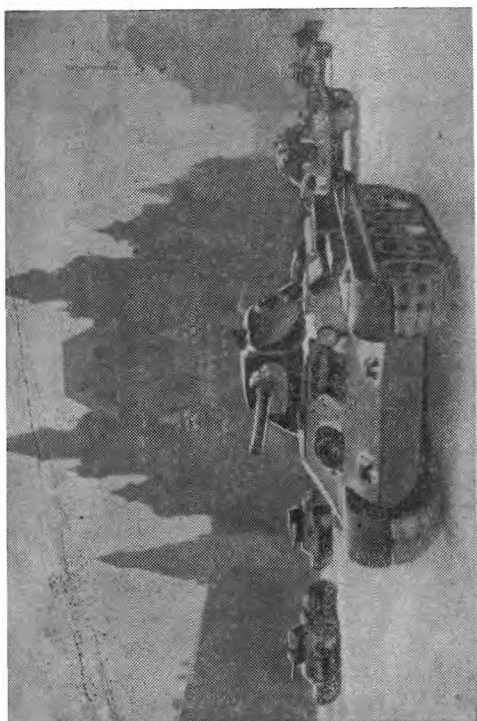
Цехи московских заводов пережили сложную жизнь. Они были призваны выпускать предметы мирного времени — оборудование, которое было необходимо для заводов и фабрик. Наступила война, и война вторглась в эти недавно мирные цехи. Заводы стали работать на оборону. Понадобились новые темпы, новые сроки. Время уплотнилось: то, на что раньше требовались целые месяцы, теперь должно быть выполнено в часы.

В длинном сумрачном цехе завода полыхают плавильные печи. В два часа дня было получено задание выпускать новый вид вооружения. К четырем часам дня синьки с чертежами выходят уже из-под рук чертежников, к шести часам — делаются первые опыты по выпуску частей и деталей. Через сутки нужно было регулярно выпускать партии важного для обороны Москвы вооружения.

Заводы богаты именами своих славных людей. Эти люди стоят у станков, как на боевом посту, ибо эти станки — часть их жизни и часть их мужественной биографии. Обычно на освоение нового производства уходит полтора-два месяца. Теперь на это требуются одни только сутки. Если станки завода не приспособлены для производства новой детали, то можно схитрить, можно сделать ее несколько иначе, проще, экономичнее и скорее. И десять процессов производства упрощаются до двух-трех

Противотанковые заграждения.

7 ноября 1941 года на Красной площади, как обычно, состоялся военный парад.

процессов. Это — творчество, рожденное из практического знания всех технологических процессов, из четвертьвекового опыта.

Только из веры в свое дело, в его правоту, в ясную цель, которая лежит перед тобой, рождается эта воля к труду, эта способность видоизменять свой труд, если этого требуют обстоятельства времени, эта категорическая прямота рабочей души.

Москва в опасности — и нет предела изобретательству. Москва в опасности — и нет ограниченных часов рабочего времени, можно работать сутки напролет. Москва испытует своих сынов: — Сумеете? Сможете? — и они отвечают: — Сможем. Сумеем.

Сейчас же за воротами цехов широко открывается московский пейзаж. Трубы заводов, железнодорожные ветки, подъездные пути, материальные склады, трудовой район великого промышленного города. Сумерки уже смягчают графически-четкий рисунок этого пейзажа, зажигаются зеленые и красные огни semaфоров, наступает вечер Москвы. Но яростно дышит плавильная печь, склонены лица токарей над их станками, и старый штамповщик проходит с деталькой в руке через длинный, похожий на вокзал цех завода. Эту детальку нужно изготовить, и она будет изготовлена. Ее нужно изготовить именно к завтрашнему дню и она будет изготовлена именно к завтрашнему дню. Поручкой этому честь старых московских заводов, которые на исторической переключке опять стоят в самых первых рядах и перековыывают плуг на меч, когда это понадобилось для страны, для ее защиты, для ее сбережения.

Мирные дымы заводских труб, входившие в московский пейзаж, стали ныне, как боевые знамена. Предзимний ветерок строгают стылую воду в Москва-реке. Город подсушен морозцем, и первый снежок заметал только на-днях его улицы. Город борьбы носит древнее имя — Москва.

Некогда строился ее Кремль с рвами, подъемными мостами и бойницами в стенах, чтобы отражать нашествие не-

приятельских орд. Ныне этой старой истории суждено сомкнуться с новой историей. Опять к стенам московского Кремля ползут орды. Они обрушивали свои бомбы на Вестминстерское аббатство, на Британский музей, на Акрополь в Афинах, ибо их история началась вчера и кончится завтра.

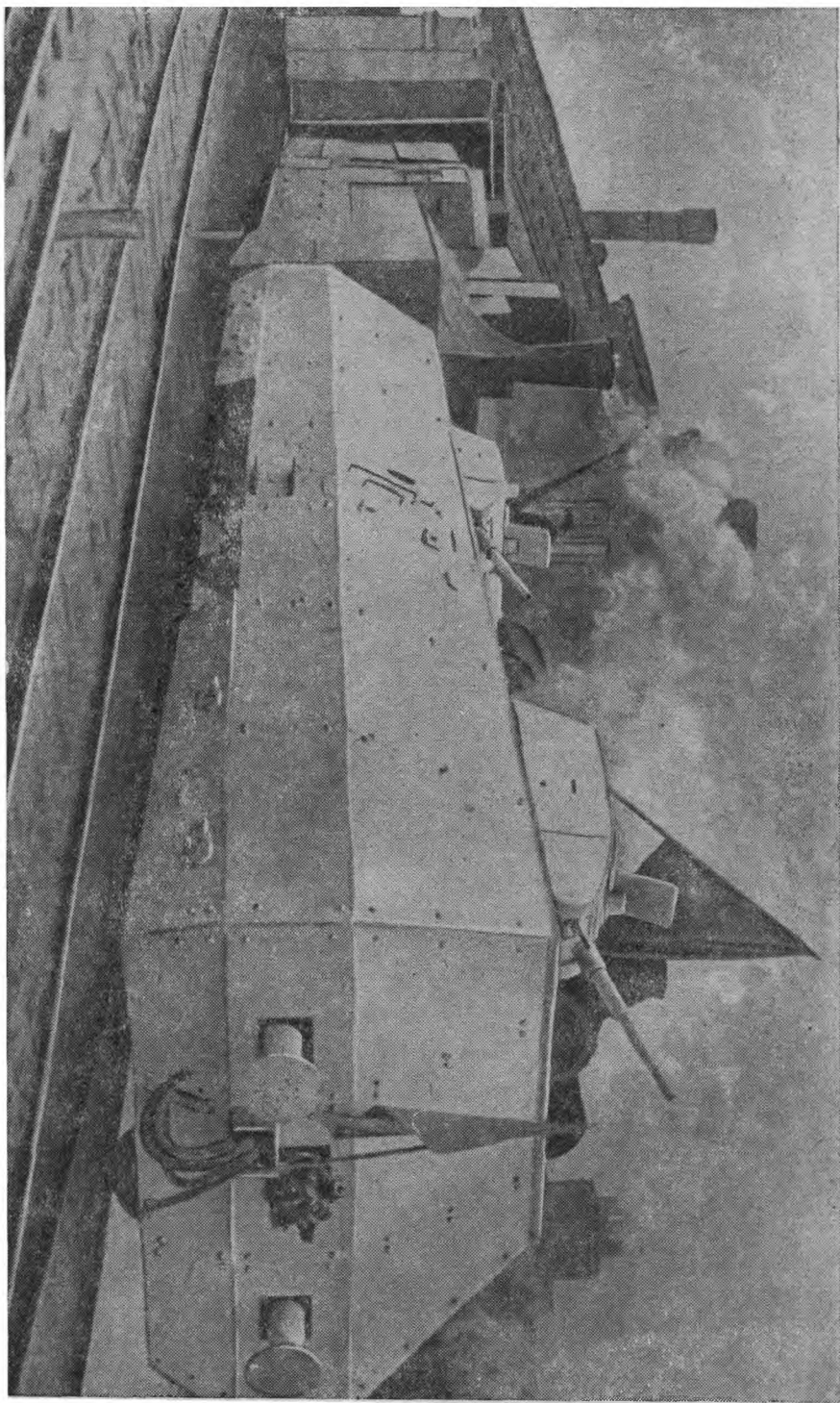
Всего в нескольких десятках километров от Москвы происходит сейчас битва, описанию которой будут посвящены самые потрясающие страницы нашей истории. На подмосковных полях пишется сейчас одна из самых героических страниц истории русского народа. Но Москва величественна, насторожена и спокойна. Она участвует в войне — ее Подмосковье изранено, и в зимней ночной тишине далеко на подмосковном шоссе можно услышать гул артиллерийской канонады.

Война топчет места, где протекают задумчивые, в бочажках, подмосковные реки Протва и Истра, война у порога наших домов. Но Москва уверенно смотрит в снеговые поля, которые начинаются сейчас же за бывшими ее заставами. Она уже давно готовится здесь к борьбе и сопротивлению. Блиндажи, противотанковые рвы, подготовленные позиции, снесенные для артиллерийского прострела лески — военный пейзаж этого некогда тишайшего Подмосковья. Серый привязной аэроплан с наблюдателем, почти не отличимый по цвету от ноябрьского неба, висит в высоте. Идут колонны машин. Навстречу им с фронта движутся другие машины с пустыми ящиками из-под снарядов. Все гуще, все больше этих автомашин, выкрашенных в белый цвет зимы, этих орудий с чехлами на дулах, этого нашего молодого, крепкого, в меховых дымчатых шапках воинства. Это не обычная длинная война, когда не знаешь, зачем тебя пригнали сюда, на чужую землю. Это война на московской земле за Москву, и в этой войне можно только победить или умереть. Это знает каждый здесь, на подступах к Москве, это знает каждый в Москве. Уверенность порождает мужество. Москва уверена в своей защите, и это делает город спокойным за свою судьбу.

Предприятия столицы переключились на выполнение заказов для фронта. Ремонт самолетов на одном из заводов.

Бронепоезд, построенный московскими железнодорожниками

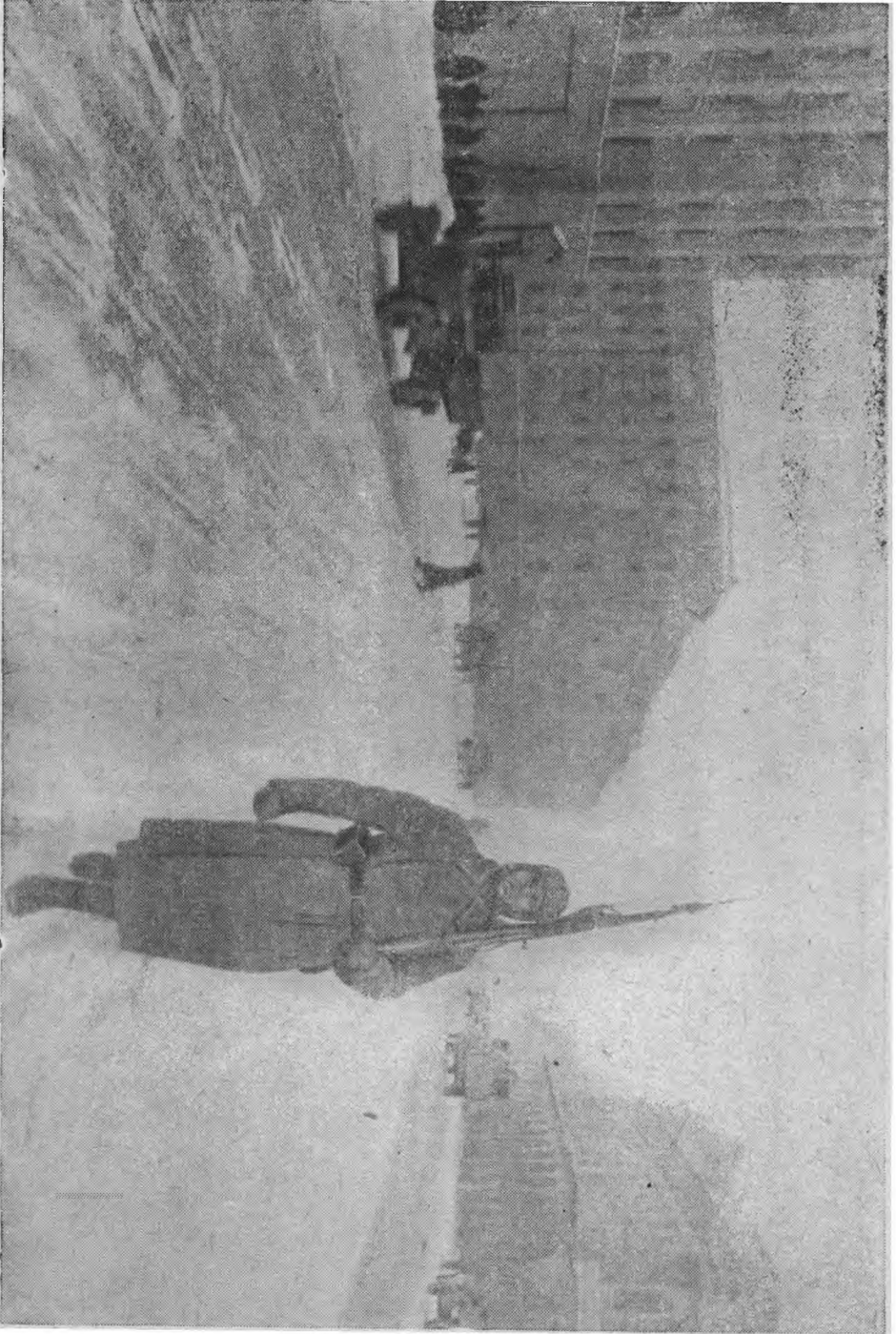

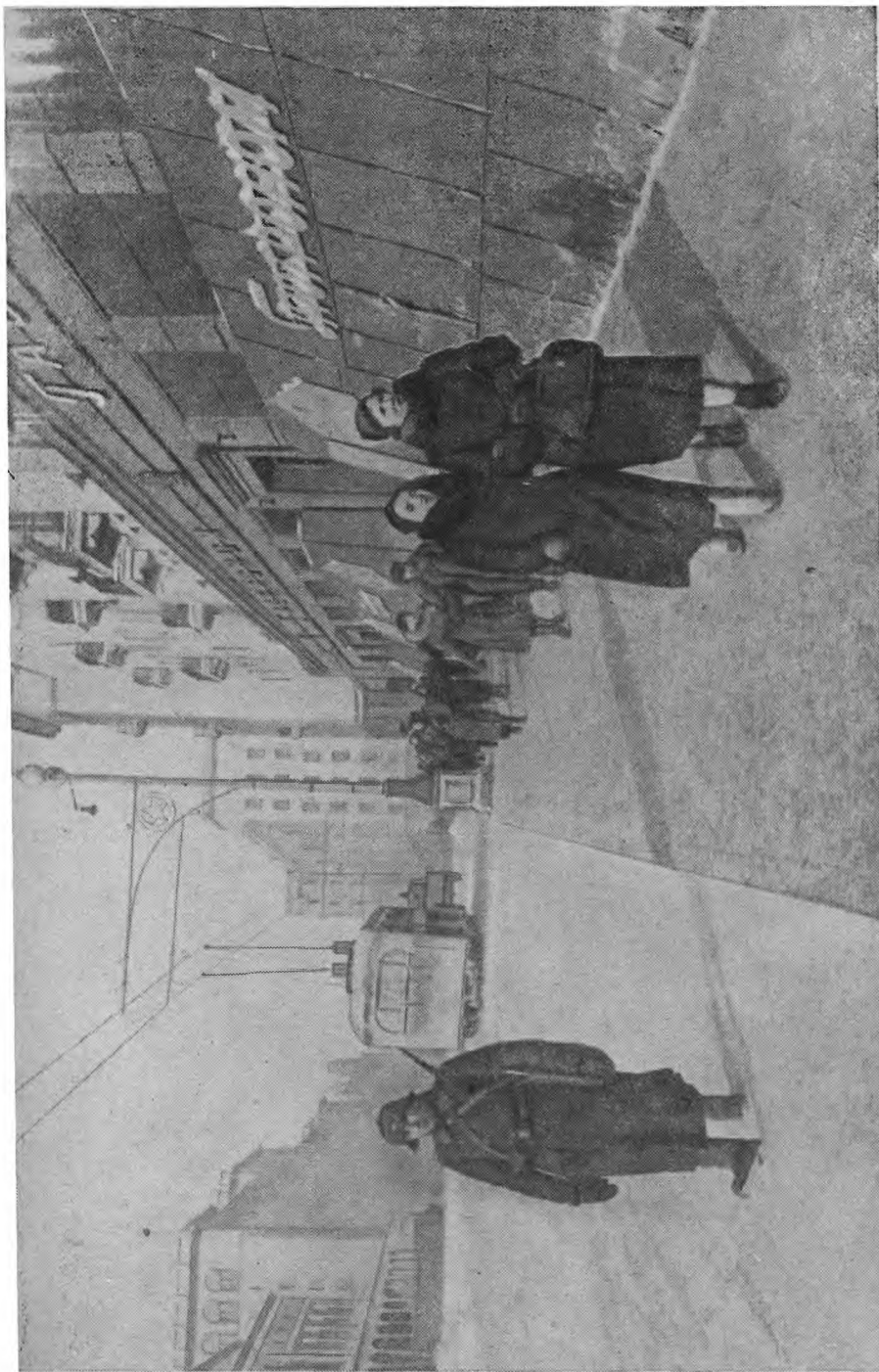
Отремонтированные и вновь построенные танки уходят на фронт.

В цехах многих заводов освоено производство снарядов.

Командантский патруль.

Москва стала фронтовым городом.

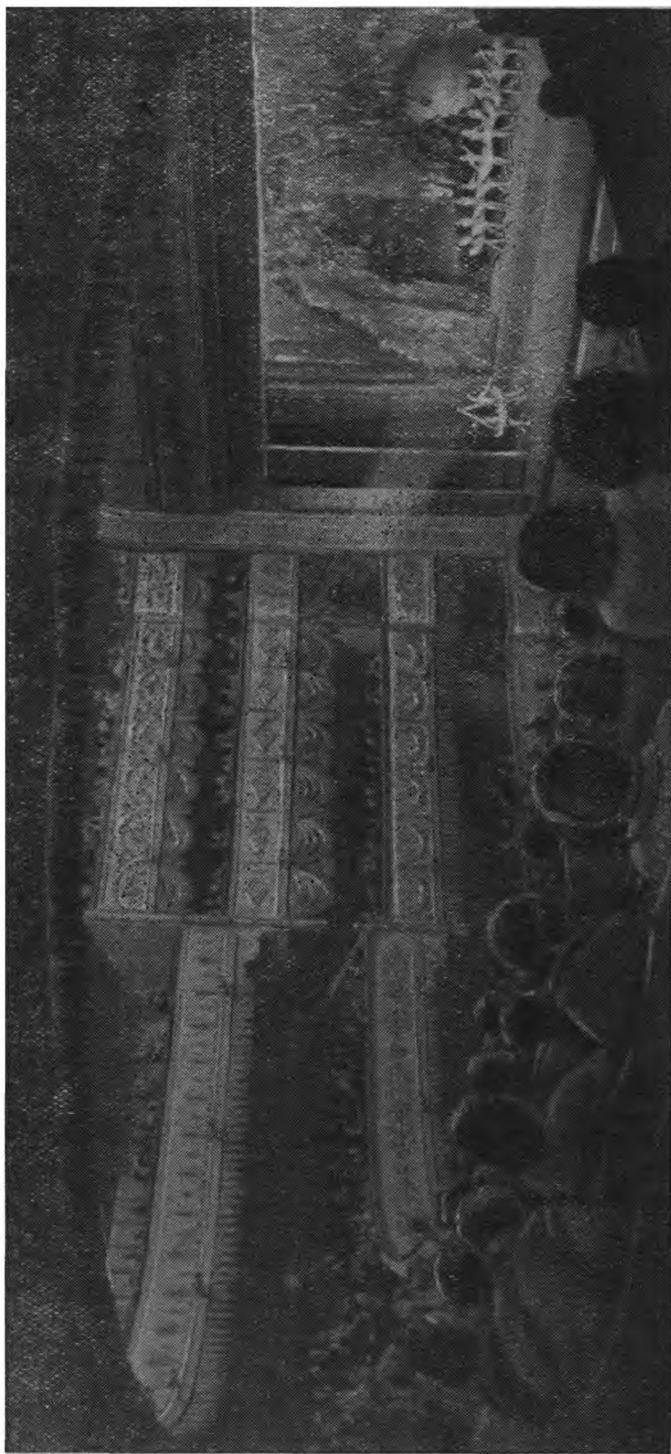

На улицах Москвы появилось много книжных прилавков.

У театральных афиш.

7 декабря 1941 года в филиале Большого театра москвичи смотрели балет «Конек-Горбунок».

На Московском капище.

Под стальным шлемом, насупившись, Москва встречает врага. Ее дома превращаются в крепости. Ее мирное Подмосковье оцетинилось противотанковыми рвами и укреплениями. С крыш ее домов зенитные орудия бьют в ноябрьское небо. На ее улицах растут баррикады. Но город живет обычной трудовой своей жизнью. В его магазинах покупают книги. У его кино и газетных киосков очереди, на его заборах и стенах афиши о вечерах и концертах. Врагу больше всего было нужно замешательство в городе. Для него страшно спокойствие. Москва спокойно смотрит навстречу своему будущему. Спокойствие означает мужество. Мужество возникает из уверенности. Народ, уверенный в правоте своего дела, не может не быть мужественным. Старые, знакомые места Подмосковья — Малый Ярославль, Волсколамск, Можайск, Нара, Калинин, — как посланцы Москвы, выносят сегодня на себе тяжесть войны. Они выражают волю Москвы к сопротивлению. В Москве могилы наших отцов —

мы защищаем свой дом. В Москве родились наши дети — мы защищаем их будущее. В Москве мы росли — это история наших жизней. Москва не может быть побеждена, — Москва может только победить!

Свежий холодок близкой зимы сделал звонкими московские улицы. Еще недавно лыжами школьников, коньками детворы встречалось это преддверие зимы, и первый снег молодил старый город. Они еще зазвонят, коньки наших детей, еще, взрывая снег, понесутся лыжники по полям Подмосковья, еще зажжется свет на наших улицах, еще наполнятся веселым шумом наши школы, еще не один праздник отпразднуем мы в нашем городе.

На рубеже своей новой истории стоит старый город со звонким и прекрасным именем — Москва. Его борьба — это борьба за будущее, его мужество — это призыв: на нашей земле хозяин — великий советский народ, как во главе родных городов — был и останется — великий город Москва.

По тылам войны

Ю. СЛЕЗКИН

★

«— Вы беженцы? — спросил
— Не беженцы, а временно
ступившие, — ответили мне
достоинством.»

Из разговора

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Стада, стада — коров, овец, коз, тянутся к нашему городку из прифронтной полосы... Тысячи голов скота, изнуренного долгой дорогой, едва передвигают ноги, отстают, падают, тогда их укладывают на телеги, везут дальше...

Над тихой рекой, куда ни кинь взглядом — кочевья, под телегами — пастухи, доярки, больные овцы, освежаванные туши, шкуры.

С запада холодный ветер, с запада дыхание войны, кровавая вечерняя заря... А по ночам, в тумане, линия пылающих костров — люди жгут хворост, пытаются согреться, стиснув зубы, смотрят в огонь. Враг согнал их с родимых мест, спалил их хаты, ограбил, надругался над стариками, оставшимися дома.

— Мы идем месяц и четыре дня, — говорит мне доярка. Ей лет сорок пять, у нее черные острые глаза, видевшие смерть, голос ее звучит резко, она кипит негодованьем. — Мы должны доставить колхозный скот до места, чтобы он пришел весь, как один, без урону, а наш скот ходить далеко не привычный, у него ноги слабые, он идет тихо, а если на него сверху пулеметом — это как? Это как назвать, я вас спрашиваю? Овцы, они, известно, от страха в кучу собьются, дрожат, а их с неба свинцом хлещет подлец этот!

— Зачем он это делает? Самому жрать и другим жизни не дать...

— Мы уходили из деревни, фронт от нас в пятидесяти километрах, — оглулись: деревня наша горит, подожгли сволочи, бомбами... Горит деревня, а суже тут — картечью. Мы полегли в канавам, коровы по лесу разбрелись, овец почти что всех скосил... Какие овцы были! Одна к одной, сама ходила. Вы подумайте только... Я, ведь, все понимаю — наше горе, конечно, разве поставишь рядом с материнским горем когда сына убьют, или дочь изнасиловали, — сравнения нет. Только, ведь у самой слабой девчонки — голос есть чтобы злодея проклясть, силы достанут плюнуть ему в его проклятую рожицу ногтями глаза выцарапать, а ведь этих-то бессловесных овец и того нет — стоят, дрожат, падают... Ведь это же живое наше дело губят! Мы же их ранили, выпаивали, гордость в них сводили, мы же от них не пользу себе добыть хотели, а восхищение жизни все людям, а он их пулеметом! Будь он проклят навеки! Будь он проклят!

Она повернулась к закату, лицо осветили осенние лучи, в глазах горела крутая, немеркнущая ненависть, худой женский кулак сжался крепко, она потрясла им в сторону — туда, где стоял враг. И только сейчас я увидел

что женщина эта невелика ростом, очень худа и замечательно крепка духом.

Я записал подлинные ее слова, я долго думал над ее фразой: «Мы же от

них не пользу себе добыть хотели, а восхищение жизни всем людям», и мне казалось, что более прекрасных слов еще никто не говорил и что в них-то и заключена наша победа.

★

РАССКАЗ ВТОРОЙ

По главной улице нашего городка, по которой бывало проходили всего лишь два раза в день автобусы, везущие почту и пассажиров от одного областного города к другому, — нынче непрерывной чередой идут, едут, скапливаются в плотные заторы гурты скота, косяки лошадей, грузовики с военным снаряжением, подводы с колхозным урожаем для Заготзерна, вереницы телег с беженцами. У телег этих непривычный для местного жителя вид — в Белоруссии их называют балагулами: над каждой такой телегой с высокими бортами сооружено некое подобие шалаша из фанеры или лозняковой плетенки. И вот сейчас под этим шалашом ютится семья беженцев — старухи, старики, матери с грудными ребятами. Правит лошадью в большинстве какой-нибудь мальчонка-подросток, черный от дорожной пыли и устал. У открытого края шалаша, обращенного к лошади, обычно звенит, брякает подвешенное ведро, тюки с домашним скарбом перевязаны веревками и расплзаются при каждом толчке, лошадь тяжело поводит боками, и в такт звяку ведра хлюпает ее селезенка...

Местные жители собираются вокруг этих телег, разглядывают приезжих, с пугливым и сочувствующим любопытством слушают их трагическую повесть. Долгие недели едут беженцы из разоренных, поруганных врагом мест. И недаром так хмуро сосредоточены лица слушателей. Они хорошо понимают, чего стоит своими собственными руками разорить родное гнездо...

— Это все равно, что вырвать из груди сердце и бросить его на дорогу собакам, — говорит старуха-слушательница с лопатой на плече. Резким дви-

жением она сбрасывает с плеча лопату и ударяет ею о землю.

Все эти беженцы ушли добровольно. Никто их не эвакуировал. Они ушли, потому что не хотели оставаться с фашистами. Их мужья, братья, сыновья, внуки, бездетные сестры разбрелись по лесам — партизанить.

— Злодеям ничего не достанется в наших домах, — говорит старик, почесывая реденькую сивую бороденку. — А много было, только разве увезешь все на таком коняге — куда там!

Молчание. Долгое, сосредоточенное. Слушатели видят перед собою свой собственный дом, свое хозяйство, трудовое колхозное добро. Они переводят глаза на тяжело дышащего, с запавшими боками, конягу. Нет, на этом не увезешь. Пот прошибает при одной мысли, что надо из всего нажитого выбрать и увезти только эти четыре-пять узлов, а остальное? Что с остальным?

Этот вопрос на всех лицах. И на всех лицах тяжкая, но неколебимая уверенность в ответе.

— А что же, — как бы даже извиняясь и еще ожесточеннее теребя свою бороденку, говорит старик, — пришло такое дело, что своими руками поломали, потопили... пожгли... Ему что ли оставлять?

Теперь старик не смотрит на слушателей, он начинает старательно и суетливо возиться со шлеей, залезает почему-то под брюхо коняге, щупает и растирает впалые бока.

Молчание еще более долгое, напряженное. Никто не шевелится, не изменяет выражение лица, глаза внимательно следят за тем, что делает старик, а губы сжаты плотно — и у старухи с лопатой, и у женщины с ребенком на руках, и у парнишки на облучке, и у

Один из многочисленных документов фашистских зверств. Трупы мирных жителей Волоколамска, расстрелянных с самолетов воздушными пиратами.

Фото П. Трошкина.

двух колхозников, только-что сдавших в Заготзерно артельный хлеб. Все знают, что значит собственными руками поломать, потопить, сжечь плоды своих трудов... Это труднее, чем самому нарочно стрезать себе руку. Но так надо было сделать, если ты уважаешь свой труд. Объяснить это никто не сумел бы, но все так думали.

Наконец один из колхозников, ехавших на базар, сказал, не глядя на ста-

рика, ни на кого не глядя и вовсе не желая кого-нибудь утешить, потому что голос его звучал поделовому просто и уверенно:

— Вот управимся — наживем.

И, тяжело ступая, пошел к своей подводе.

Старик высунул голову из-под брюха коняги и долго смотрел вслед ушедшему белесыми, влажными глазами. Люди медленно расходились по своим делам.

★

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

В таком вот фургоне, балагале, телеге с лубяным верхом я увидел женщину, кормящую ребенка. Она сидела на узле с вещами, поджав ноги, у края лубяной будки, вожжи лежали у ее колен, лошадь, завернув в сторону оглобли, щипала пыльные стебли сорняка у обочины улицы.

Ребенок, завернутый в теплый платок, блаженно сосал грудь, лица его я не видел, — только его розовые губы и нежную, с голубоватыми жилками, напруженную грудь матери. Резкая черта загара под шеей особенно подчеркивала белизну и нежность груди и ту трогательную, материнскую беззастенчивость, с какой эта молодая мать в центре города, на виду у всех кормила своего ребенка.

Шея и лицо женщины не только были темны от загара, но попросту грязны и покрыты той сетью мелких трещинок-морщинок, какие обычно покрывают долго невымытое, обветренное и исколотое пылью тело человека, многие дни проведенного в пути. Но, несмотря на эту грязь, на эти морщинки, а, может быть, именно благодаря им, лицо женщины показалось мне так прекрасно, что я невольно залюбовался им. На голове ее не было платка, густые каштановые волосы вились у высокого лба, волной прикрывали уши и падали на затылок тяжелым, плотно скатанным узлом. Глаза смотрели куда-то вперед себя, без видимой цели, — они были очень глубоки и черны, такую сияющую черноту глаз примечал я только

у киевлянок, — она кажется светлой, как светел бывает ночной Днепр.

Если бы она заплакала, если бы хоть на одно мгновение слезы поползли по ее худым щекам, если бы губы разомкнулись безвольно и задрожал бы голос, я многое из того, что она рассказала, приписал бы женской слабости, понятному страху перед надвинувшимися на нее событиями. Но губы женщины не оставляла жесткая, горькая складка, какая появляется только у человека, преодолевшего страх!

И телега с лубяной будкой, и лошадь, и вещи, нагруженные в телегу, и даже узел, на котором сидит женщина, — не принадлежат ей и не вывезены ею из своего села, из колхоза. У нее ничего не осталось.

Шестьдесят два километра она шла пешком, скрываясь в ярах и кустарниках, питалась сунищей и сырыми грибами, пока не добрела до красноармейской части. Красноармейцы довели ее до одной из маленьких прифронтовых станций. Там ее подобрал обоз беженцев. И вот она с добрыми людьми едет дальше, в глубь страны, будет работать в каком-нибудь далеком от родных мест колхозе. Муж ее красноармеец, она получает пособие.

Но то, что осталось позади, не изгладится, не сотрется, не уйдет из памяти...

И каждый раз память подсказывает ей новые подробности...

Их колхоз над Днепром небольшой, но крепкий и дружный колхоз, и она

сама тоже из небольшой, но дружной семьи, и она была очень веселой девушкой, и работала не хуже других, а кто даже говорит, что лучше многих, и пела песни, и гуляла с девчатами и парубками в лунные ночи по-над Днепром, и каталась в лодке, и любила очень кино, и любила водить парней за нос, и, может, оттого, что она была такая веселая и озорная, с нею и стряслось лихо.

Но только все-таки нет, — не с нею одной случилось лихо, и не в том дело, что теперь она в одном платье, с ребенком на руках осталась в мире и болеет душою за мужа, а в том, что простить себе не может, как она не знала человека, с которым прожила бок-о-бок столько лет...

— Кто же этот человек? — спросил я.

— А то ж моя свекровь, мать моего мужа, Федосья Ивановна...

Она не любила Федосью Ивановну и тогда, когда только познакомилась с ее сыном, с Мишей, и когда вышла за него замуж. Она не любила Федосью Ивановну и уверена была, что Федосья Ивановна тоже ее не любит, потому что противится ее браку с сыном и подсмеивается над ее неумением вести хозяйство, и хвалится, что ей никогда не догнать свою свекровь в работе... У Федосьи Ивановны был очень острый язык, она не лезла в карман за словом, чтобы ответить человеку, и за это ее многие не любили и считали гордой. А когда за ударную работу Федосью Ивановну премировали новой хатой, просторной, в две комнаты с кухней, — тогда совсем от ее гордости не стало житья. Она постлала половичок в сенях, и сама смотрела, чтобы каждый, кто входит, вытирал ноги об этот половичок, и вставала до свету, чтобы смести пыль с каждой вещи, а все вещи были дареные от колхозников, и говорила всем, что надо заслужить такой подарок и не всякий может заслужить, и еще больше загоняла на работе всех девчат в своем звене, чтобы они оправдали себя перед обществом и не срамили бы ее — своего бригадира.

Она всем не давала покою, даже

председателю выговаривала, что то не так, а это надо вот так!.. Прямо, беда была с нею! И сколько раз моя рассказчица жаловалась на свекровь мужу и говорила, что старуха заедает молодую жизнь, не дает свободно вздохнуть. Муж, конечно, не хотел обидеть жену и не смел перечить матери, или он лучше других видел, что это за человек Федосья Ивановна!

— Уж когда к кому-нибудь несправедливы, то уж до конца несправедливы, — выдохнула от всего сердца рассказчица.

Ребенок заснул, мать отняла его от груди и медленно стала баюкать, глаза ее все так же были светлы и глядели в неясную даль перед собою.

— Он у меня родился этой весной, в мае месяце, — раскачиваясь, продолжала женщина, — а двадцать второго июня муж ушел на фронт...

Она бежала следом за мужем и плакала, потому что она любила мужа и ей страшно было остаться одной с ребенком, а свекровь взяла ее за плечо и увела к себе, и сказала, что она не смеет разрывать сердце мужу, когда он идет на такое святое дело, а у самой глаза были сухие и гневные, так что даже страшно было на них взглянуть. И тут вся обида и горе подкатили к сердцу, и молодая женщина стала кричать в лицо свекрови, что у нее нет и никогда не было сердца, а только одна гордость, и что она никого не жалеет и всех загоняла на работе, а теперь не пожалела родного сына, и что пусть она не думает, что если ее премировали, так она всех лучше! И пусть не радуется на свой дом и не дрожит над ним, потому что когда люди идут на смерть, то тогда наплевать на самый красивый дом, пусть он пропадет пропадом!

Она сама не помнит, каких еще злых слов не высказала свекрови, а та все молчала и только когда услышала про дом, то сразу как крикнет: «Замолчи, пустая голова! Замолчи! Какое ты слово посмела сказать, чтобы дом этот пропал пропадом! Да он же народом воздвигнут! Дурья твоя голова! А ты плевать на него вздумала! Не видеть бы тебя мои глаза, после этого! Толь-

ко потому, что ты молодая мать и жена бойца, не гоню я тебя отсюда вон! Но, богом прошу, не говори больше ни слова! Не хочу я слышать в такую строгую минуту глупые слова!» — И пошла от меня из дому и не возвращалась допоздна. Так мы с ней после и не разговаривали. Очень я была на нее обижена и перебралась от нее с ребенком под крышу, там, на чердаке, светелка такая была устроена с крылечком, в ней старуха осенью яблоки сушила и от них очень хороший дух шел...

Осталось в ту пору в колхозе четыре старых мужика и тридцать семь баб с ребятами. Всех рабочих рук! А урожай огромный, прямо, даже страшно глядеть, как это со всем управиться! День и ночь с поля не уходили. И жнут, и скирдуют, и молотят... И тут, в самую страду, прискакивает человек из района и велит все, что обмолочено, скорее в соседний район везти, скот выводить пастухам и дояркам на большую дорогу, а что не убрано, то сжечь и свое добро поховать по тайным местам, а самим быть готовыми к эвакуации...

Что тут пошло, и сказать простыми словами нельзя...

А у матери от перепуга молоко пропало, и ребенок заболел и плачет, а свекровь объявляет всем, что ей итти некуда и дома своего она никому не оставит.

— Тут уж все стали на нее кричать и стыдить ее за несознательность, но она стояла на своем и внука мне не отдала — заперла от меня: иди, говорит, куда хочешь, сын красного бойца в своем доме останется, никто его не посмеет тронуть, а бабушка прокормит.

Пришлось подчиниться, колхозницы уехали, два мужика подались в лес партизанить и только один дом остался обитаемым. В нем жили свекровь с невесткой и сын бойца. Все трое молчали, — взрослые, потому что были на смерть обижены друг на друга, младенец — потому что еще не знал слов.

И вот в одну августовскую ночь мать, покормив сына, слышит из своей светелки под крышей на дворе шум. Будто гудят машины, такие, какая была у аг-

ронома, выигрышная — мотоцикл. Гудят, фукают. Потом слышит: стреляют на колхозной площади; вдруг раздается стук в запертые наглухо пустые хаты, треск ломаемых досок, глухие голоса... Голоса все ближе, и вот уже стучат в ворота дома свекрови... Немцы!..

У молодой женщины ослабели ноги, отнялись руки — ни бежать, ни пошевелиться не может, едва доползла до сына, схватила его и затаилась в углу.

Стукнул засов, твердый голос свекрови спросил: «Кто там?» Ей что-то ответили. Слышно было, как свекровь прошла по двору, отомкнула ворота, двор наполнился хрустом, говором мужских голосов, и их покрыл все такой же твердый голос свекрови: «Чего же вы на меня револьверами тыкаетесь — я одна во всем колхозе осталась, на меня и одной пули хватит. Говорите, что надо?» Что ей отвечали и какой дальше пошел разговор, молодая женщина не разобрала, — звон в ушах от все возраставшего страха притупил ее внимание. Она поняла только, что фашисты уже вошли в дом и свекровь приказала им оттереть о половичок ноги, а потом стучала в печке ухватом, видно, развела огонь, и непрошенные гости двигали стульями и уже громко говорили, и смеялись, и кто-то из них кричал «водка!», и свекровь ответила, что когда вскипит борщ, то найдется и водка...

Тут лютая спазма ненависти сдавила горло молодой женщины, — вот она еще оказалась такая подлая, эта постылая свекровь! Мать любимого мужа, премированная бригадирша, советская колхозница!.. У, подлая! Только бы дом остался цел! Только бы свое добро спасти! А еще смела ругаться, а еще смела других учить! Водкой будет угощать злодеев? Той самой, припасенной от свадьбы на первый зубок внука, водкой! Той самой, что муж привез из города вместе с подарком жене — пуховой шалью и мясорубкой для котлет! Никогда! Не бывать этому! И вот уже в ногах, руках прежняя сила. Молодая женщина вскакивает, она бежит к двери, открывает ее и видит перед собою свекровь. Нет, она не видит ее, потому что на чердаке темно, но признает тотчас при-

зычным чутьем, ненавистью, какой теперь кипит к ней ее сердце. Свекровь стоит, нагнувшись над сундуком-скрыней, в котором хранит припасы.

Ощупью она шарит в глубине скрыени, звякает чем-то и вытаскивает оттуда литровую бутылку. Но тут молодая женщина хватается за руку и, задыхаясь, шепчет ей глухим шопотом: «Не дам, подлая! Уйди! Убью!» И тут голос у нее сорвался до крика, а свекровь берет ее сильной своей рукой за локоть и шепчет: «Дура, не кричи! Усильшат! Найдут тебя! Куда ты?!»

Но молодая женщина вырывается и свободной рукой хватается бутылку, и рука свекрови трясется, и из бутылки хлещет всда, но она пахнет тошно и едко керосином...

Толкая свою невестку назад, в двери светелки, свекровь шепчет ей, как ребенку, дурному и оголтелому: «Ты что шумишь? Ох, голова глупая, чего хочешь? Сейчас сюда придут, бери сына в руки, кутай его в пуховый платок, вот он лежит у тебя под ногами, и лезь скорее на крышу, там у края стремянка стоит, бежи отсюда, пока они не слышат, бежи, бога ради, скорее, не копайся, несчастье ты мое глупое!..»

И молодая женщина уже не сопротивлялась, она вылезла в окно с ребенком на руках и, только уже сползши на край крыши, обернулась и спросила: «А как же вы, мама?» Первый раз так назвала свекровь, и та махнула ей рукой и ничего не ответила, и закрыла окошечко.

Только за огородами, присев и успокаивая проснувшегося сына, молодая женщина оглянулась на дом свекрови, и там в скнах был свет... Только в одном доме — среди черных, мертвых домов — был свет, и тени колебались в окнах, и доносились оттуда голоса...

И молодая мать пошла дальше... А ночь была холодная, сырая, темная, и в лесу хрустел валежник, пахло погребом, и казалось, что так навеки будет темно и сыро...

Она все шла и шла, но когда рассве-

ло, то оказалось, что она стоит на опушке леса, недалеко от того места, от которого начала свой путь. Всю ночь она проплутала в лесу, крутилась вокруг одного и того же места. Тогда ужас охватил ее. Она вспомнила все, что случилось вчера, вспомнила свекровь и бутылку с керосином в ее руках, только сейчас поняла, зачем свекровь достала керосин вместо водки, и в ужасе закричала. Что-то очень страшное случилось в эту ночь, она даже припомнила, что видела порою вспышки зарева над верхушками сосен...

Только через несколько дней после этого, молодая женщина поняла причину своего ужаса: это было сознание того, что она неоправимо оклеветала и покинула Федосью Ивановну, мать.

Она кинулась назад, в деревню. Она не таилась теперь ни от кого, у нее не было страха встретить врага, она, может быть, даже хотела этой встречи, ей нужно было отплатить за свою боль. Но никто не попался ей. Она пробежала деревенской улицей, она металась несколько раз по ней, все не находя дома свекрови и никак не понимая, что дома уже нет, что он сгорел. Дымящиеся стены, черные балки, белая в черных подпаллах печь — вот все, что осталось от дома. Только когда молодая женщина увидела кинутые наземь пять мотоциклеток, она поняла: дом сожгла Федосья Ивановна и в нем сгорели все пять фашистов, и сама Федосья Ивановна обрекла себя на смерть.

— Мамо! Мамо! — кричала, обезумев, невестка. — Прости меня! Откликнись! Мамо!

Но Федосья Ивановна откликнуться не могла, один лишь пепел лежал у белой, задымленной, страшно глядящей в небо печи.

— Только я по ней не плакала, нет, вы не думайте. Может, у меня такое сухое сердце, только я по ней не плакала, совсем так, как она сама, когда провожала своего сына, а моего мужа. Я теперь это понимаю.

Черные дни Ясной Поляны

М. ЩЕГОЛЕВА

Из дневника научной сотрудницы музея-усадьбы Л. Н. Толстого

★

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С НЕМЦАМИ

27 октября. Фронт приближается к Ясной Поляне. В деревне колхозники около своих домов роют щели. У нас в саду работники музея делают то же. Особенно тревожатся матери малолетних детей. Готовим, как убежище, подвал под бытовым музеем. Вечером получено сообщение о прорыве немецких танков у Соловы (в 12 километрах от Шекина)... Немцы в 20 верстах от Ясной. Тревога растет. Жутко.

28 октября. В усадьбе тихо. Тихо и в воздухе: аэропланы не летают. Затишье... Но, верно, перед бурей.

29 октября. Ясное утро. Погода летняя. С раннего утра тревожно в воздухе: то пулеметы, то дальние разрывы бомб. В усадьбе суета: женщины, дети с чемоданами, с мешками перебираются в подвал бытового музея. Немецкие аэропланы над деревней, над усадьбой трещат пулеметами. Ухают бомбы поблизости. Две разрываются в самой деревне. Убит около своего дома П. Д. Орехов, председатель нашего колхоза. В 12 часов 20 минут началась настоящая воздушная атака: пулеметы обстреливают центр дома Волконского. Сыплются стекла, штукатурка. Над деревней самолеты летят почти на уровне крыш. Бои идут в стороне, — красноармейские части отходят, минуя Ясную Поляну.

В подвале бытового музея пищат ребяташки, охают и ахают женщины, прислушиваясь к канонаде. Стекла окон во втором этаже бытового музея со стороны фасада, обращенного на юг, с треском бьются и падают.

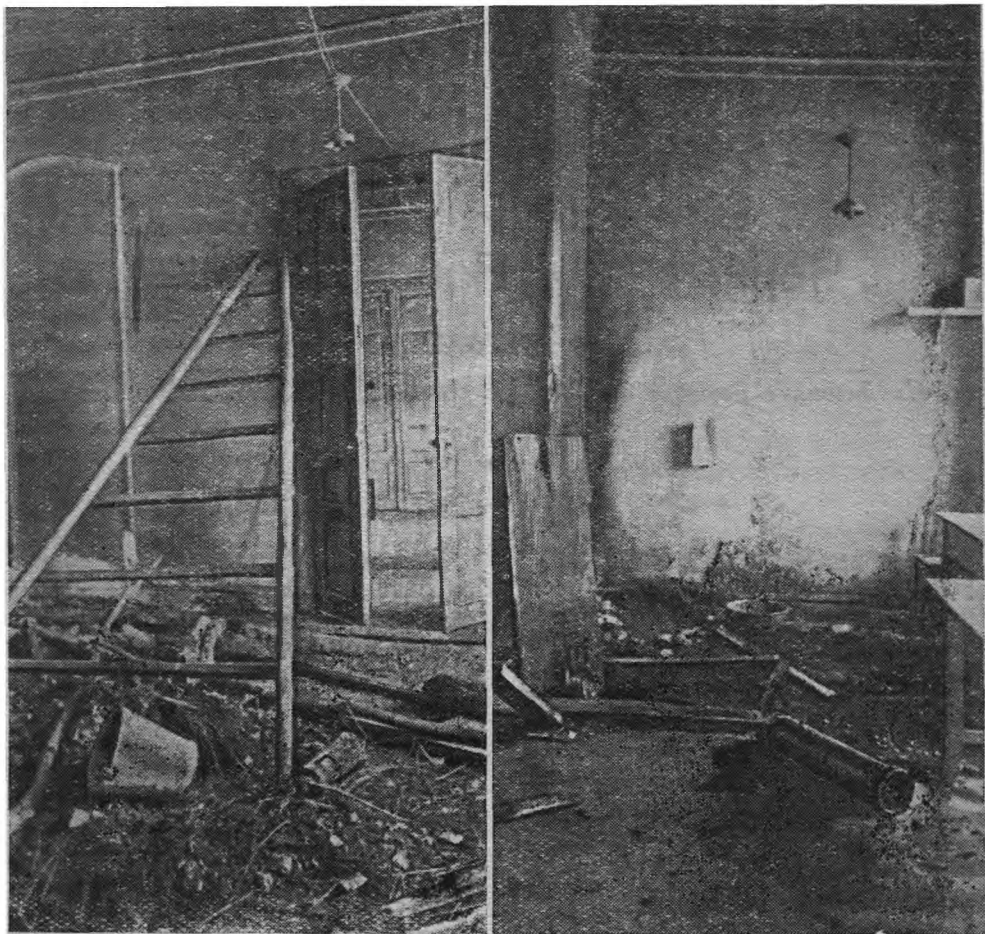
Все проносится, как вихрь, и в два часа дня уже узнали от прибежавшей в подвал девочки Сони Толстой, что по шоссе идут немецкие танки.

Вечером на усадьбе тихо. За деревней догорают, краснея, стога.

На деревне и около подобраны колхозниками около десяти убитых красноармейцев. Двух раненых спрятали в избах.

30 октября. Сегодня утром въехала в ворота усадьбы первая немецкая машина — легковой автомобиль. Вышли трое офицеров. Оказалось — врачи. Один из них — доктор Шварц — чисто, по-русски, без акцента объяснил нам, что немцы ищут места для организации перевалочного пункта. Осматривают музей. В книге посетителей записывают по-немецки странную запись: «Первые три немца в походе против России».

Пытаемся отстоять неприкосновенность музейных помещений. Немцы изысканно вежливы и любезны, обещают содействие. Наскоро пишут на листе писчей бумаги красным карандашом «охранную грамоту» для бытового музея: «Betreten verboten — Wohnhaus des Tolstoi (grösster russischer Dichter)» с

Так разгромили фашистские бандиты Ясную Поляну. На снимках слева — библиотека Л. Н. Толстого, справа — спальня Льва Николаевича в первые минуты после изгнания гитлеровских орд.

Фото П. Трошкина.

подписью майора (фамилия написана неразборчиво). По-русски это значит: «Входить воспрещено — дом Толстого (величайший русский писатель)». Может быть, и удастся сохранить дом в условиях войны?

★

К вечеру появилось человек двадцать немцев. Занимают контору музея, столовую, кухню в центре дома Волконского. Офицер что-то требует. У нас нет людей, хорошо знающих немецкий язык. Пытаюсь заговорить по-французски. Оказывается, офицер требует настойчиво кур, требует, чтобы я освободила

свою квартиру. Тон повелительный, неприятный. Наскоро выбираюсь из своей комнаты. Один из офицеров схватил у меня в комнате старый номер «Известий», тычет пальцем в портреты членов правительства, приговаривая зло: «Jude, Jude». А мне, показывая на дверь моей квартиры, говорит: «Пады, пады». Очевидно — уходи, уходи. Приходится уходить.

★

Около дома Волконского интересная картина-жанр: немецкие солдаты ловят для господ офицеров наших кур. Переполох, кудахтанье, летят перья, а хо-

зайки кур стоят на крылечках и тихонько приговаривают: «Вот так культурные европейцы».

31 октября. Только вчера повесили охранное объявление на бытовом музее, а сегодня уже ясно, что оно навряд ли будет иметь какую-либо силу. С утра была вызвана, как знающая французский язык, к штабному врачу. (Stabsarzt). Потребовал перенести из литературного музея все вещи в бытовой, так как там в экстренном порядке должен быть развернут Verbandplatz (перевязочный пункт). Поспешно, беспорядочно все вещи немецкие солдаты переносят в бытовой музей. В передней сложены витрины, скульптуры, стулья, диван Льва Николаевича. К вечеру надеялись хоть немного разобраться. Но среди дня последовало распоряжение освободить научную комнату бытового музея и комнату Сергея Львовича. Беспорядок в доме бытового музея увеличивается.

Поразила такая деталь. Когда открыли комнату Сергея Львовича, то один из офицеров вскрыл комод с бельем Толстых и забрал его. Все требования предъявлялись в такой категорической форме, что наши апелляции о необходимости охранять имущество старшего сына Толстого звучали, как жалкий, бессильный лепет.

★

В школе разместился штаб. К вечеру в музей явилась группа штабных офицеров-аристократов. Говорят по-французски лучше, чем врачи. Знание французского языка помогло мне до конца распознать эту «вышнюю» прослойку современной Германии. Интерес к Толстому у них поверхностный. Гораздо больше интересуются современной Ясной Поляной, при этом не могут скрыть неприязни ко всему советскому, русскому. Узнав, что музей находится в ведении Академии наук, засмеялись. Один молоденький фат с презрительной усмешкой спросил у остальных: «Какие же это «науки» в Советском Союзе?» Говорю об образцовой школе в Ясной Поляне. Удивлены, что в ней учатся дети крестьян. «Эти маленькие

животные?» («ces petits bêtes»). Расспрашивают о сыновьях, дочерях, внуках Толстого. Говорю о том, что они получают государственную пенсию. Жалуют родственников Толстого, так как в Советском Союзе «Ies aristocrates ne sont pas honorés» («аристократы не в почете»).

К крылечку, где шла беседа, подошли еще двое-трое работников музея. Тогда группа офицеров, отойдя немножко в сторону, неожиданно для нас запела, очевидно, чтобы досадить советским служащим, «Боже царя храни».

★

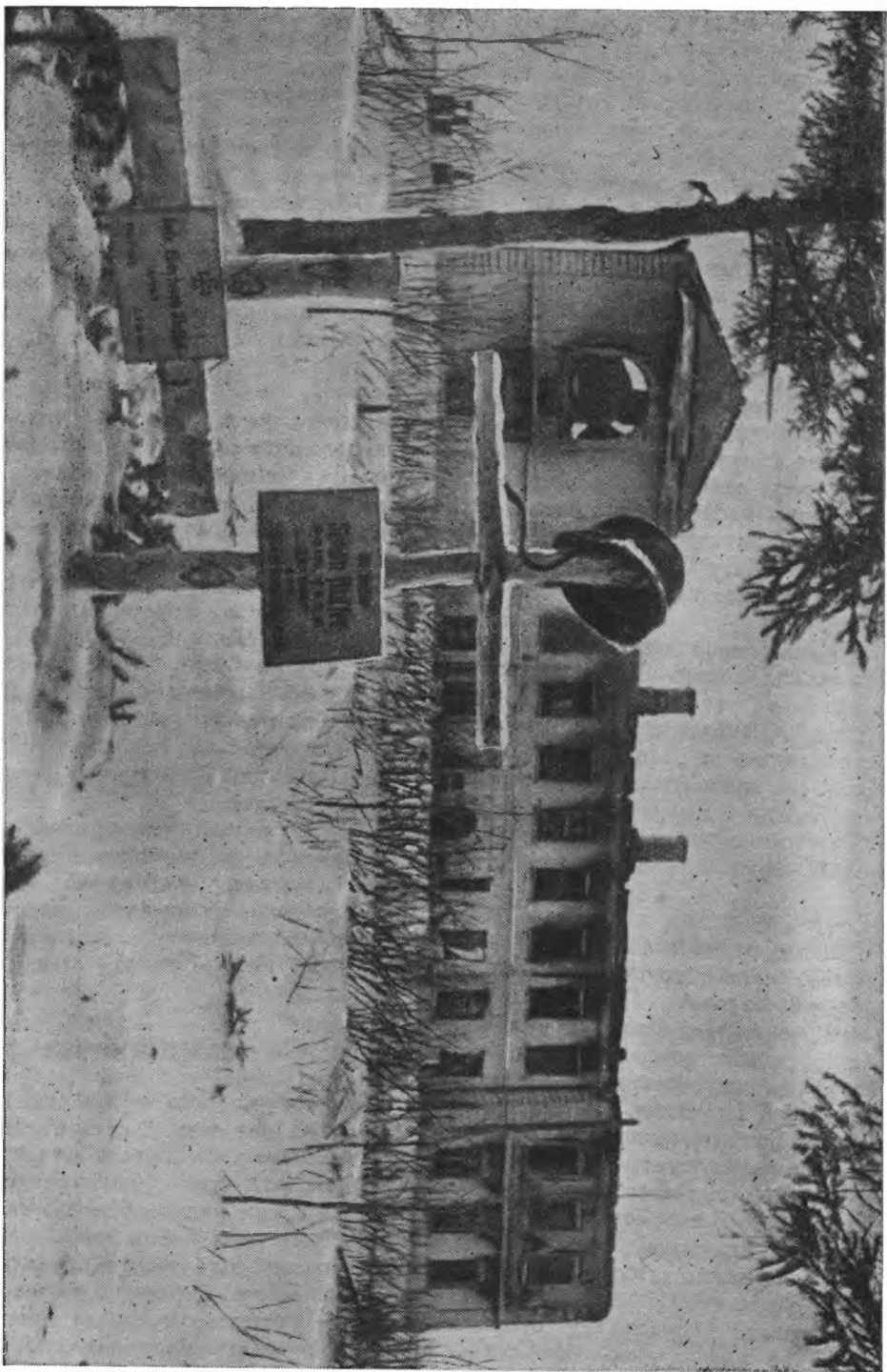
Шесть немецких солдат умерли от тяжелых ранений в только-что развернушемся Verbandplatz. Могилы для них роют около могилы Толстого. Это вызвало волнение и возмущение среди работников музея.

Ищу кого-либо постарше из немецкого начальства. Указывают на офицера из штаба. Высокий надменный блондин говорит по-русски с немецким акцентом. Волнуюсь, убеждаю его, что никого нельзя хоронить около могилы Толстого. Рассказываю, что немецкие солдаты там уже роют могилы, что туда уже повезли кресты.

«А, понятно... Вам кресты, очевидно, мешают, а не могилы», — резко обрывает разговор надменный аристократ. Вынуждена прекратить ходатайство о неприкосновенности священной для нас могилы. Передо мною стена чуждого мира...

РАЗГРОМ МУЗЕЯ

1 ноября. Часа в два дня на квартиру ко мне прибегает немецкий солдат и, запыхавшись, просит открыть музей и показать его «большому генералу». Спешу. Уже издалека вижу, что генерал действительно «большой». Навстречу ему спешат из лазарета, из штаба офицеры. Перед бытовым музеем что-то вроде балета: офицерские спины и ноги приобрели сверхъестественную эластичность: изгибаются, расшаркиваются. А когда «der grosse General» движется вперед, все расступаются.

Фашистские варвары сожгли школу в Ясной Поляне, основанную Л. Н. Толстым.

Фото П. Трошкина.

Я, кажется, не сумела быть достаточно дипломатичной и почтительной. «Der grosse» нетерпелив, по музею пробегает быстро, не придавая ему, очевидно, значения. Судя по всему, его больше интересует пригодность здания для военных целей, нежели культурные ценности, собранные в нем. Может быть, он хочет развернуть здесь свой штаб? Ясно одно: все это плохо для музея.

Один из штабных офицеров из свиты генерала, когда тот уже ушел, вернулся в музей минут через десять и попросил Сергея Ивановича еще раз показать ему все подробнее. Увидев редчайшие фотографии: «Толстой за работой в кабинете» и «Толстой и Маковецкий», забрал их, несмотря на протесты хранителя музея. Говорит, что это нужно как материал для берлинских журналов...

Очень интересуются господа офицеры, куда и когда эвакуированы основные ценности музея — книги, картины и т. д. Услышав, что все наиболее ценное вывезено в Сибирь, уверенно говорят: «Коммунисты, конечно, продадут все из Сибири американцам». Видимо, все меряют на свой аршин!

★

Оказывается, «большой генерал» — известный Гудериан. Не думала я, что с ним придется встретиться в музее.

2 ноября. Доктор Шварц, изъявляя готовность сохранить музейные экспонаты, сегодня предложил снять у него в лазарете весь настенный материал литературного музея. Признается, что не ожидал, что будет столько раненых.

Кондаурова, Васильева, Филатов, Марчина, я и Сергей Иванович с утра принялись снимать картины и фотографии в литературном музее и переносить в бытовой музей, где хаос все увеличивается.

Снимаем экспонаты в литературном музее, а по всему полу второго этажа на сене лежат раненые. Есть и тяжелые. Против экспозиции «Войны и мира» лежит немец с мертвенно-бледным лицом. Ранен в руку, в ногу и в голову. Тяжело хрипит, очевидно в агонии. Некоторые ценные экспонаты не можем

снять, — для этого требовалось бы поднимать и передвигать тяжело раненных.

Удивляюсь, что раненые лежат на сене. Врач несколько смущен. Объясняет, что раненые остаются здесь только несколько часов, иногда день, два, а потом отправляются на автомашинах в Чернь.

На площадке между бытовым и литературным музеем — десятки крытых автомобилей. Здесь же расположена походная кухня. На шестах между деревьями висят туши свиней и коров. Изгороди, скамейки ломают и жгут на кострах.

3 ноября. С утра получили приказ — освободить второй этаж бытового музея. Все вещи из гостиной и ремингтонной переносят в зал. Наверху оставлены только две комнатки — зал и спальня Софьи Андреевны. Здесь хаос вещей. Все остальное занято немецкими офицерами.

Вот так «betreten verboten» — «входить запрещено!» Немногого стоит «охранная грамота», которую в первый день повесили немецкие офицеры над дверях музея. Одно утешение: теперь не надо будет показывать дом Л. Н. Толстого немецким офицерам.

Когда закончили переноску вещей и запирали дверь, ведущую сверху в низ дома, один из офицеров мне сказал: «Вы отвечаете за порядок в музее». Что за издевательство! Тяжело...

★

Со стороны Тулы доносятся орудийные выстрелы.

6 ноября. С утра опять зовут в музей — показывать дом Толстого, хотя он наполовину уже превращен в офицерское общежитие. Требуют показать и вещи, сложенные в беспорядке в зале. Немецкий журналист что-то записывает в блокнот.

В группе посетителей выделяются фигуры двух белых эмигрантов: князь Демидов и князь Святополк-Мирский. Святополк-Мирский — сын министра внутренних дел, к которому в начале 900-х годов обращался Лев Николаевич с ходатайством о Горьком, заключенном в Нижегородской тюрьме.

Мирский с гордостью заявляет, что Святополк-Мирские были в свое время либералами. Но потомок не таков. Явно старается петь в унисон с немцами все ту же песенку: «Бей жидов». Показывая рояли, я говорю о профессоре Гольденвейзере, который был другом семьи Толстых в течение 17 лет, часто бывал в Ясной Поляне и играл на рояле для Льва Николаевича. Князь перебивает меня: «Так ведь Гольденвейзер — жид (Jude), не поздоровится ему теперь». Jude — навязчивая идея у немцев...

Увидев самовар Толстых, Мирский берет его и, улыбаясь, говорит, что он давно уже мечтал о тульском самоваре и что поэтому мы должны отдать самовар Толстых ему. Эту «милую» шутку он повторяет и с другими музейными вещами.

Между прочим князь напевает мотивы из оперетки «Иванов Павел», которая имела успех в Москве в 1913 — 14 году, а теперь совсем забыта. Видимо, жизнь для него остановилась на том рубеже. Все эти шуточки и песенки не идут к помятому лицу 45-летнего князя.

Князь Демидов держится строже. Упитанный розовый старик лет 55-ти чем-то напомнил мне околоточного надзирателя.

И Демидов, и Мирский — какие-то обломки старого режима. Говорят, — не знаю, правда ли это, — Демидова прочат в коменданты Тулы.

7 ноября. День хмурый, серый. Самолеты не летают. Часов с 11 до 4 через каждые 10—12 минут из Ясной Поляны бьет по Туле тяжелая немецкая артиллерия, установленная возле здания детского сада. Тула крепко держится. Доктор Шварц откровенно говорит, что длительное сопротивление Тулы для немцев является неожиданностью. В лазарет привозят много раненых.

8 ноября. Вечером прибегает встревоженная Марья Петровна Маркина, техническая служащая, 20 лет проработавшая в музее. «Немцы требуют открыть низ музея. Говорят, будто некуда раненых деть».

Сергей Иванович идет к музею. Дверные замки уже сломаны. Никаких раненых нет. В дом, толкая Сергея Ивано-

вича, бурно врываются здоровые немецкие солдаты. Ложатся спать по все комнатам низа, за исключением комнаты со сводами, где сложены груды мелких музейных вещей. Ну, теперь уж спета песенка дома-музея Л. Н. Толстого...

★

Ночью не могу заснуть от сознания, что ценности русской культуры топчутся и будут окончательно растоптаны немцами. Тяжело и обидно.

9 ноября. С утра вызваны для окончательной ликвидации бытового музея. Разрешают оставить как склад вещей только залу. Вещи переносят немецкие солдаты и наши сторожа. Зал переполнен, и часть вещей, по мнению немцев «непортящихся», вытаскивают на террасу. Руки опускаются, ноги не двигаются. Чувствуем, что борьба за сохранение вещей бесплодна...

Характерен один момент. В передней стоял диван, на котором родился Толстой. Этот диван, одна из самых больших ценностей музея, был принесен сюда на-днях из литературного музея, где мы его прятали от бомбежки под сводами.

Один из врачей (фамилии не знаю) приказывает солдатам нести диван в комнату с бюстом, где он намерен поселиться. Я отстаиваю неприкосновенность дивана, упорно повторяя одну и ту же французскую фразу: «Léon Tolstoï naquit sur ce divan» («Лев Толстой родился на этом диване»), и предлагаю нашим сторожам Фоканову и Филатову тащить диван в зал. Немцы тянут его в одну сторону, наши сторожа — в другую.

Тут на мое счастье входят офицеры, которые уже бывали в музее. Обращаюсь и к ним, в отчаянии повторяю: «Лев Толстой родился на этом диване». Офицерам, видимо, неудобно. Они что-то говорят доктору, и он, сконфуженный, исчезает. Диван плывет на руках наших сторожей наверх, правда, проорванный в пылу борьбы.

Интересно, что доктор, отнимавший диван, на-днях рассыпался в любезностях и заявлял: «Люблю Толстого, чи-

таю его с шести лет». (Жаль, что не знаю его фамилии.)

Чувствуем, что трудно будет сохранить не только вещи, но и дом. Растет спасение, что памятник мирового значения — усадьба Льва Толстого — погибнет безвозвратно. Немцы не придадут музею никакого значения. Князь Демидов, играющий теперь роль коменданта в Ясной Поляне, говорит, что усадьба рассматривается теперь не как музей, а как поместье графов Толстых, которым будто бы и должны распорядиться только наследники Толстого.

ВОРЫ И ВЕШАТЕЛИ

10—13 ноября. На яснополянском фронте без перемен. Изредка бухают выстрелы дальнбойных орудий. Очевидно, немцы бьют по Туле. Чуть небо пряснится, вылетают наши русские самолеты. Их обстреливают стоящие около школы огромные немецкие зенитки.

14 ноября. В ночь на сегодня и весь день немцы посылали отсюда на Тулу тяжелые артиллерийские снаряды. Где стоит батарея? Никто этого точно не знает. Но она где-то рядом, поблизости от усадьбы: слышен свист летящих снарядов, и слезка вздрагивают стекла. У всех русских подавленное настроение. Если снаряды посылаются прямо в Тулу, то от нее, наверное, ничего не осталось.

К вечеру тяжесть стала нестерпимой, — усадьбу облетела страшная весть. Около почты по приговору штаба, разместившегося в школе, повешены двое: Власов, молодой яснополянский крестьянин, и беженец, спасавший свою жизнь в нашей деревне. Дело в том, что на дворе Власова кто-то повредил ручной гранатой немецкую машину. Так вот, машина — Auto — расцелена в две человеческих жизни.

Там же висит объявление с угрозой, что при повторении подобных фактов будут повешены четверо.

Не умещается в сознании, в сердце все, что творят европейские Mörder (убийцы).

★

Вспоминается толстовское «Не могу молчать».

★

Утром сегодняшнего же дня пошли я, Сергей Иванович и Мария Петровна в дом Толстого проверить сохранность музейного имущества. Шифоньерка в комнате Софьи Андреевны взломана. Была заперта на ключ, а теперь открыта. Что именно взято, без карточки трудно установить. Также открыт шкаф над лестницей. Солдаты говорят, что офицер Gotthardt унес к себе весы Софьи Андреевны.

Пошли с жалобой к главному врачу. Тот посмотрел на открытые шкафы, предложил их лучше запереть и твердо заявил, что его солдаты не могут ничего взять (так они честны!). Доктор Шварц, знающий Gotthardt'a, обещал помочь нам вернуть весы.

Чувствуем себя бессильными бороться за сохранность музейных вещей. Внизу увидели, что печь топят... столом из буфетной. Нет и вешалки одной в передней, — очевидно, тоже в печь попала. Обращаемся к солдатам, просим не жечь мебель, говорят, что начальство разрешило.

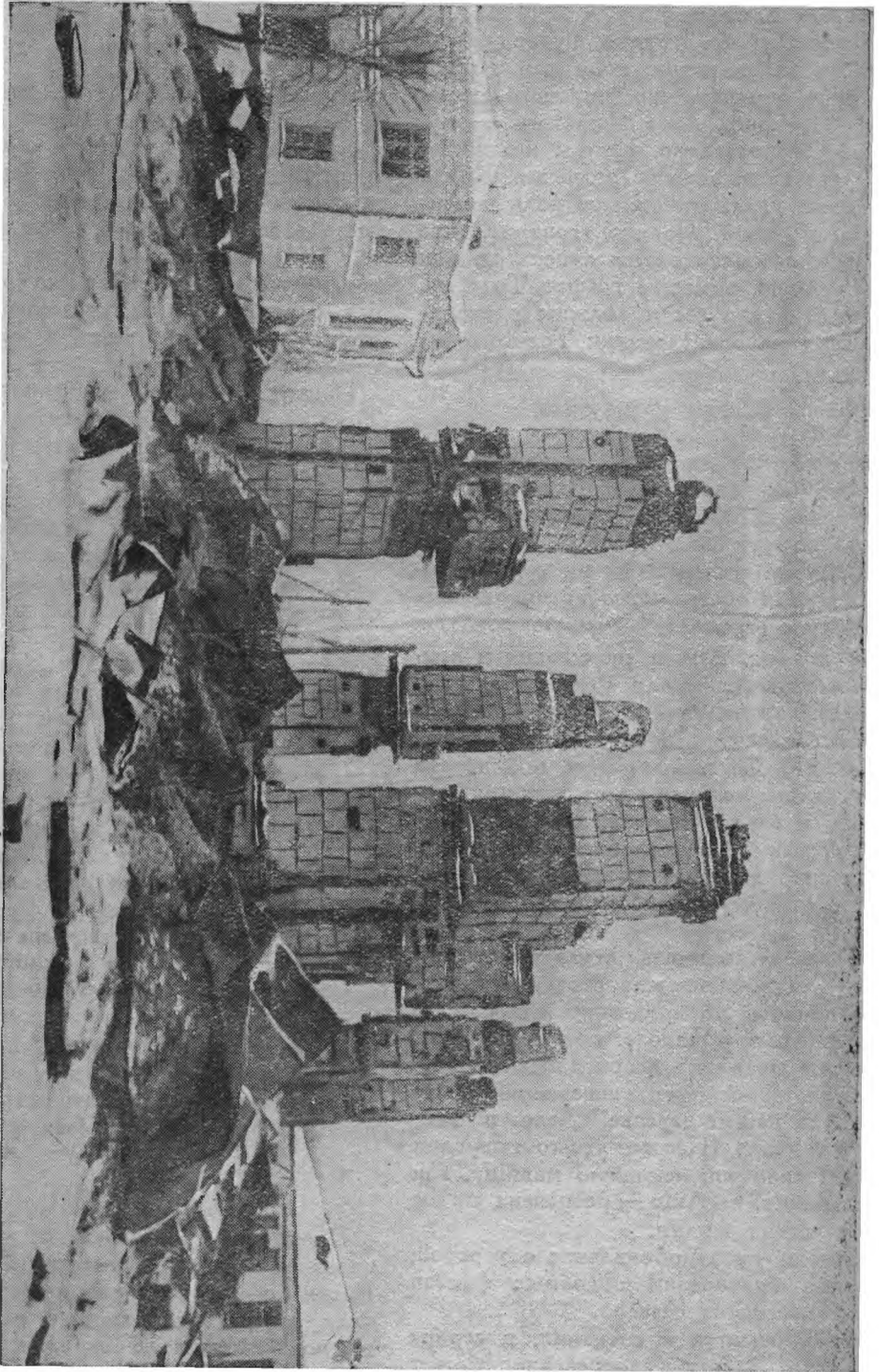
Подобрали еще кое-что: фото из комнаты для приезжих, зеркало и лампу из передней и втиснули в залу, — туда как будто бы еще не залезали немцы.

Тяжело ходить в музей. Все клумбы вокруг него, все кусты, все изгороди растоптаны, поломаны автомобилями и заезжающими иногда для починки танками. Всюду грязь.

16 ноября. Идем вчера к лесному колодцу за водой, навстречу крестьянин на розвальнях везет раненого мальчика из Крыльцова. И там беспокойно...

★

Повешенные продолжают висеть в назидание всему местному населению. Врачи, офицеры, такие любезные вначале, теперь ходят хмурые, неприветливо поглядывают на окружающих русских. Не рассчитывали они, очевидно, на такое длительное пребывание на подступах к Туле. Вначале, улыбаясь, го-

Все, что осталось от Яснополинской больницы имени Д. Н. Толстого. Отступая, немцы подожгли больничные здания.
Фото П. Трошкина.

ворили, что в усадьбе поселились «zu kurze Zeit»¹, а вот сегодня уже девятнадцатый день сидят у нас...

★

Утром я, Сергей Иванович и Мария Петровна собрались в очередной обход — посмотреть, сохранились ли настенные экспонаты из литературного музея, спрятанные нами в шкафах в комнате для приезжих бытового музея. Там поселились офицеры. Они уверяли, что можно оставить все экспонаты в шкафах, ручались за целость...

Стучимся... Не пускают. Требуют записку от Stabsartz². Иду к Stabsartz. Провожает солдат. В бывшей музейной конторе чисто. Длинный стол накрыт белой скатертью, — очевидно, здесь столовая для врачебно-медицинского персонала. Портреты вождей сняты и сожжены. Бюсты Ленина и Сталина выброшены и разбиты (осколки долго лежали у крыльца). Artz сидит около печки, а солдат пишет с него портрет маслом.

Говорю ему, чтобы разрешил взять картины в комнате у офицеров. Посылает со мной солдата. Тот передает офицерам приказ штабного врача, и мы приступаем к уборке материала. Видим: картины, фотографии из шкафов вынуты и лежат наверху, а шкафы заняты вещами господ офицеров.

Снимаем ценнейшие экспонаты со шкафов. Здесь не все. Вместо многих фотографий остались пустые рамы и стекла. Все лучшее забрано господами офицерами. Не могу сдержаться и спрашиваю в упор: «Wo sind die Bilder?»³. Физиономии кривятся, делаются злыми и колючими. Взрыв возмущения, благородного негодования: разве может немецкий офицер что-нибудь взять?

Но ведь три дня тому назад, когда они вселялись в эту комнату, все было цело. Охаем, ахаем, собираем остатки, переносим в переднюю, чтобы потом убрать в зал.

Проходящие солдаты останавливаются, интересуются экспонатами. Смотрят на фото «Горький и Толстой». Объясняя, что это Горький в гостях у Толстого, что этот снимок сделан здесь, в Ясной Поляне. Спрашиваю: не запрещен ли у них Горький. Говорят: да. Проходящий мимо офицер резко выкрикивает: «Не рассказывайте здесь разных историй!» (Geschichten). Нервничают господа офицеры; наверное, я попаду у них в число неблагонадежных.

Жалкие остатки литературных экспонатов убрали в зал. Наложили пломбу. Но вряд ли интересные мелочи уцелели.

Иду в комнату под сводами проверить целость спрятанных там карточек. Все на месте. И то хорошо...

18 ноября. Война, как быт... Летают самолеты, стреляют орудия. В кухне у нас греется Курт — шофер.

19—20 ноября. Ни выстрелов, ни взрывов. Вильгельм (шофер) говорит, что Тула в кольце, что немцы не будут ее брать силой, а возьмут измором: «Когда нечего будет русским солдатам есть, сами выйдут и у нас потерь не будет», — торжествующе заканчивает он.

★

В Щекино, по слухам, немцы повесили 14 человек. Очевидно, в каждом населенном пункте, согласно воле «победителей», должен быть определенный процент повешенных. В Ясной Поляне — два, в Щекино — четырнадцать.

★

Положение учителей, музейных работников — дурацкое, неопределенное. В здании школы немцы топят печи партами и книгами. Орлов попробовал протестовать. Ему заявили:

— Школы у вас не будет.

Так же и о музее говорят. Музея не будет, будет поместье Толстых.

Пытались добиться получения хлеба. Давно уже подали списки музейных работников и учителей князю Демидову. Но он не удостоивает нас разговором. О хлебе пока ничего не слышно. Пи-

¹ На короткое время.

² Штабврач.

³ Где картины?

таемся почти исключительно картошкой, поэтому прихварываем.

Четвертую неделю живем без хлеба! Только иногда получаем в виде милости кусочек от постоальца-немца. (Один Вильгельм из четверых, поставленных к нам на квартиру, иногда догадывается поделиться с нами.)

Крестьянам немного лучше: большинство из них имеет кое-какие запасы продовольствия. Князь Демидов пытается с ними заигрывать. Оно и понятно: ведь это будущие кормильцы «des Grossen Deutschlands» (Великой Германии).

Кто же такой, наконец, князь Демидов? Говорят, что он назначен комендантом Тулы, а здесь только ждет, пока для него освободят «город». Но в то же время он чувствует себя хозяином Ясной Поляны.

На-днях пришли немцы в коровник к Арине Ивановне и потребовали хорошую корову. Арина Ивановна протестовала. Те стали угрожающе показывать кулаки. Отдала. А вечером явился Демидов и начал проверять, куда делась корова. Отчитал Арину Ивановну—зачем отдала. Уж не считает ли он себя наследником Толстого? Похоже на то, что Ясную Поляну он рассматривает, как свою собственность.

ГРАБЕЖ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

22 ноября. Очередная «забота» немцев о музее. Приехал подтянутый офицер, говорящий по-французски. Предложил в течение двух часов собрать все ценное в зал и в подвал, так как он уполномочен наложить печати на музейное имущество.

Говорю, что за два часа не успею перенести вещи с террасы в подвал, так как обслуживающий персонал живет в деревне. Офицер торопится. Наклеивает бумажку с четко отпечатанным текстом: «Beschlagnahmt für Oberkommando der Wehrmacht. West. W. Pr»¹ на одной из дверей, ведущих в зал. Настойчиво расспрашивает меня, много ли вещей

пропало. Физиономия у него ехидно-насмешливая. В памяти свежо впечатление от озлобления офицеров, когда я их спросила, куда исчезли картины и портреты из комнаты для приезжих. Вынуждена уклониться от прямого ответа.

23 ноября. Говорят, что завтра часть, стоящая в усадьбе, передвинется дальше на восток, а здесь разместится или госпиталь, или «Infanterie». (пехота). Сердце сжимается: говорят, что пехота будет похлеще, чем санитарный отряд.

★

Картинка усадебного быта сейчас:

Дмитрий Семенович и Борис Сергеевич — наши сторожа — тащат какой-то шкаф с террасы (между прочим, молодцы: работают, когда вызовем, без всякой оплаты весь месяц), я тащу какой-то маленький круглый столик — спрятать в подвал. Вдруг мимо двоих немцев гонят лучшую музейную корову. Гонят на убой («бойня») у них в сарайчике против белой кухни), бьют ее по вымени сапогом. Бежит Гришин навстречу немцам, кричит, что корова стельная, что надо взять другую. Не слушают, по-русски не понимают. Подхожу и объясняю на ломаном немецком языке, что скоро у коровы будет «сын или дочь», так как не знаю, как по-немецки слово «отелится». Смеются. Говорю, что в коровнике есть три коровы из гуртов, пригнанных немцами на убой. Нехотя идут с Гришиным обратно. Музейная корова спасена.

Минут через двадцать в сарае раздается выстрел — значит, убили другую корову.

25 ноября. Раннее утро. Чуть брезжит свет. Спим еще. Вбегает в комнату Мария Петровна.

— Что же делать? Увозят, увозят, проклятые, вещи из музея. Говорю им: «Museum, Museum»¹ — не слушают. Пойдемте. Помогите.

Быстро одеваюсь, бегу. Перед бытовым музеем огромный крытый грузовой. Снуют солдаты. Говорю им про:

¹ «Конфисковано для верховного командования вооруженных сил».

¹ Музей, музей.

сительно: «Bitte, nehmen Sie nicht Museum's Sachen»¹. В ответ—легкое рычание. Слов не разберу, но смысл понятен: «Не суйся, куда не просят».

Хочу проникнуть через переднюю к офицерам, упросить их сохранить вещи. В передней еще больше солдат с винтовками. Снова громкое рычание и ругань: «Sacramento, sacramento!». Легкое подталкивание в шею: «Hinaus, fort!»².

Мария Петровна лепечет: «Уйдем, уйдем скорей, Мария Ивановна». Приходится уходить.

★

В десять часов, когда из бытового музея выехали почти все немцы, прихватившие с собой ценные музейные вещи, идем со сторожами унести оттуда хотя бы то, что осталось. Приходим в ужас от увиденного: не музей, а авгиевы конюшни. В комнатах сено, рваные бумажки, огрызки хлеба, рваные сапоги. В библиотечном шкафу лежало пять томов «Всемирной географии». Книги изрезаны бритвой—вырезали цветные иллюстрации.

Дверь из кабинета на балкон открыта. Вышли туда и ужаснулись: весь балкон загажен,—видимо, немцы ночью ленились ходить в уборную. Уносим из комнаты под сводами оставшуюся там музейную мебель. Попутно констатируем, что в столе замки вскрыты.

На одной из дверей зала наша пломба и охранная табличка, оставленная 22 ноября приезжим офицером,—«Beschlagnahm»³ сохранилась. Вторая дверь была задвинута изнутри плотно мебелью. Мы были спокойны за сохранность вещей, собранных в зале. Проверяем вторую дверь, и—о, ужас!—вещи какой-то чудовищной силой отодвинуты; очевидно, в зал входили, минуя запечатанные двери. Что стащили, сейчас не узнаешь.

Дверь запираем.

Интересно, что первую немецкую охранную грамоту «Betreten verboten»⁴

мы нашли на полу в комнате под сводами, растоптанную чьим-то сапогом. Никакой силы эта «филькина грамота» не имела. Кончился наш музей..

25 ноября. Занялась переноской картофеля из подвала в квартиру, чтобы спасти наше единственное пропитание от расхищения. Дело в том, что немецкие «Kulturträger»¹ теперь принялись за частные погреба и квартиры. К Гришину вошли вчера вечером и взяли со стола горящую лампу. Когда хозяин запротестовал, ему пригрозили револьвером. Сегодня утром у жены Гришина забрали со стола сахар, хлеб и огурцы. У Литвиновой, голодающей с тремя детьми, требовали муки, спрашивали, где у нее обручальное кольцо.

★

Вечером, чтобы немного успокоиться, иду с Софьей Алекс. на могилу Льва Николаевича. На могиле не была ни разу с тех пор, как узнала, что там хоронят немецких солдат и офицеров. Подходим. Белеют ряды березовых крестов. Свободно от немецких могил только небольшое пространство до загородочки из прутьев, обрамляющей дорожку к могиле Льва Николаевича. Слева от дорожки насчитала 75 могил, расположенных с немецкой правильностью прямыми рядами.

Дикое и страшное сочетание.

25 ноября. В двенадцатом часу ночи стала беспокоить канонада. Вышла на улицу. Канонада доносится со стороны Тулы. Там вспыхивают зарницы.

★

Днем вызывают в лит. музей для переговоров. Приехали новые врачи,—здесь будет новый «Verbandplatz»². Требуют, чтобы мы убрали всю грязь, оставленную первым перевязочным пунктом.

В одной из комнат находим на носилках раненую женщину с раздробленным бедром,—желтую, измученную. Она в

¹ Пожалуйста, не забирайте музейных вещей.

² Вон, прочь.

³ Конфисковано.

⁴ Вход воспрещен.

¹ Носители культуры.

² Перевязочный пункт.

полузабытьи. Зовут ее Наталья. Оказывается, третьего дня ее привезли сюда из деревни. Просили немецких врачей сделать перевязку. Они бросили ее... Наталья ничего не ела и не пила. Ложит грязная, в своей окровавленной одежде, в валенках.

Принесли ей молока, покормили. А перевязать нам ее нечем. Явились санитары из нового «Verbandplatz», потребовали, чтобы мы ее немедленно убрали. Приезжают из колхоза, отвозят раненую на лошади на почту. Аптекарьша Антонина Устиновна обещает оказать помощь.

27 ноября. Водила трех врачей по авгиевым конюшням, то-есть по бывшему дому Льва Николаевича. Опять обещают дать запретительную бумажку. Но что стоят эти бумажки! Мы получали их уже дважды, а вещей в музее становится все меньше.

28 ноября. Весь день посылаются с громом снаряды «nach Tula»¹.

29 ноября. Опять бьет немецкая тяжелая артиллерия «nach Tula». Нервы напряжены до предела, а тут еще новое вселение на квартиру немецких унтеров. Принесли сена, натоптали. Комнаты превращены в конюшню. Приходится прятать лампу и сидеть с копилкой, — немцы всюду отбирают лампы для себя.

30 ноября. Сегодня разревелась. С утра перенесли книги Татьяны Львовны во вторую комнату Сергея Львовича. Книги из научной библиотеки частично перетаскивали к себе на квартиру, — их растаскивают безбожно. Устали. Вечером захожу в бытовую музей, — снова тарарам. Приезжает новая часть, и немцы требуют освободить и вторую комнату Сергея Львовича.

Вдруг Мария Петровна кричит:

— Подите сюда, подите сюда, Мария Ивановна!

Она тащит меня в буфетную. Окно из буфетной сломано. Валяются какие-то тряпки. Проклятые немецкие крысы лезут повсюду. На двери висит охранная табличка «Beschlagnahmт». Никому из нас в голову не приходило, что немцы могут проникнуть внутрь,

двери. Они взломали маленькое окошечко, наглухо заделанное деревом.

Нервы не выдерживают. Реву от сознания своего бессилия. Нет, и жалкие остатки дома Толстого погибнут!

ЯСНАЯ ПОЛЯНА В ОГНЕ

1—2 декабря. Все еще гремит канонада. Тяжелая, надрывающая сердце музыка. А кругом... кругом стон стоит. Все бесцеремоннее и наглее ведут себя немцы, особенно, в деревне. Три бабы в Ясной Поляне изнасилованы.

К нам пришел черномазый офицерик и потребовал кровать, матрац и подушку. Говорим, что у нас нет (действительно, мою кровать, подушку и одеяло увезли с собой немцы). Идет на половину Сергея Ивановича, тащит последний матрац с постели. У Марьи Федоровны утащили подушку, кровать и матрац. У Литвиновой украли подушку. В квартиры входят бесцеремонно, отталкивая мешающих им русских...

В здании литературного музея горит электричество. Часовые строго охраняют помещение. Говорят, что это помещение берегут для генерала, который должен сюда приехать. В дом Волконского пока никого не вселяют. Это подозрительно: как бы не выгнали совсем, ведь выгнали из школьного общежития всех учителей!

Убегала бы, куда глаза глядят, только бы не видеть эти серо-зеленые шинели! Но вот податься некуда! Здесь голодно, но все-таки у нас есть запас картошки, чтобы не умереть. Раздобыли по 5 килограммов ржи, толчем ее в ступке и печем из картошки с примесью «ржаной муки» что-то вроде хлеба.

5 декабря. Прибыли новые немецкие части. Новое испытание для населения. Немцы из этих частей еще наглее тех, что были раньше. С Ивана Васильевича Егорова прямо на дороге, среди деревни, сняли валенки. У Коняевой забрали мануфактуру. С учителя старика Преображенского тоже сняли валенки. Таких фактов множество.

«Какие-то дикие стали являться к нам в избу, — рассказывает Елизавета Васильевна, учительница музыки, прию-

¹ В Тулу.

тившаяся с сестрой-старухой и древней своей матерью в одной из крайних изб деревни. — Сегодня утром вбегают двое и требуют хлеба, а у нас у самих его нет. Предложили им вчерашнюю холодную картошку — съели, потом полезли в горящую печь, достали недоваренную картошку и ее тоже съели. Потом пришел еще один, забрал два наших стула и скрылся...»

Ночуют у нас двое, вместе с нами в одной комнате. Очень чешутся.

Со всех сторон несутся жалобы: там взяли, там съели, там украли последнее добро у полуслепой нищей старухи...

Немецкий генерал в здание литературного музея, очевидно, так и не приехал. Все неожиданности какие-то у немцев! Очевидно, дела у них идут неважно, хотя они об этом стараются не говорить.

Сегодня хотела обратиться к офицеру Wettig насчет охранных бумажек для музея, но его и след простыл. Теперь договорились, что в среду, 10 декабря эти грамоты даст мне Sonderführer¹, какой-то «чрезвычайный» начальник, поселившийся со штабом в бытовом музее.

Этот Sonderführer — личность занятная. Он русский, типичный белый эмигрант. Кто он, фашисты не говорят, но, очевидно, происходит он из видной знати. Такие еще хуже немцев: боятся, что их заподозрят в симпатиях к русским, и потому зверствуют необычайно.

Когда Марья Петровна начала при нем причитать по поводу того, что немецкие солдаты сожгли дверцы от шкафа Сергея Львовича, он очень недвусмысленно зыкнул: «Держите язык за зубами!»

10 декабря. В будке, где водокачка, сидят несколько наших русских под стражей. Две бабенки околачиваются перед зданием бытового музея, ждут Sonderführer, охают. Оказывается, у них арестовали мужей, отправившихся со станции Ясная Поляна в деревню. Идем с ними вместе. Из водокачки их окликают мужья. Часовой рычит, как собака. Я пытаюсь его смягчить, говоря на ломаном немецком языке.

Смягчить часового не удастся, он нас прогоняет. Все же бабы, ободренные, снова идут к Sonderführer. Теперь они по крайней мере точно знают, что их мужья здесь и живы. Лица их измученные.

11 декабря. Никаких грамот от Sonderführer я не добились — события развиваются так, что немцам теперь не до музея. В ночь на сегодня (или на вчера?) от Тулы прорвались, как говорят, наши части, и немцы собираются отступать. Они объясняют подготовку к отступлению «стратегическими» соображениями: будто бы им нужно... выманить силы русских из Тулы, а потом ударить по ним. Объяснение очень странное!

Во всяком случае у немцев на усадьбе все наготове. Машины стоят с завешенными моторами.

12 декабря. Сегодня ночью на усадьбе почти не было немцев. Воспользовались случаем, чтобы напилить дров. До этого боялись выносить пилу — немцы ее отняли бы.

Пилим дрова, а немецкие батареи, стоящие у нас за деревней, шлют снаряд за снарядом не то в сторону Тулы, не то в лес.

★

Тяжелая артиллерия не дает спать. Окна дрожат от грохота снарядов. В аллее на знаменитом «прешпекте» сломано штук восемь елей. Метель. Ветер. Оттепель.

Немцы отступают, теперь это уже окончательно ясно. Вот если бы их прогнали далеко, далеко! Мы сидим, словно под арестом: не пускают уже третий день даже к колодцу у Воронки за водой. Пьем воду из среднего пруда.

Вчера немцы привезли сюда трупы своих убитых.

14 декабря. Утро. Иду за водой на средний пруд. Над головой новый незнакомый звук: тонкий свист, похожий на звук сирены. И вдруг невдалеке разрыв снаряда. Тут только поняла, что это не сирена, а полет снаряда.

Немцев на усадьбе совсем мало. В деревне последние из уходящих немцев отбирают свиней, овец, коров. У нас взяли одну из музейных коров. Осталь-

¹ Особый начальник.

ных трех успели спрятать в сарае, в саду.

У здания литературного музея еще стоит машина. Свистят снаряды — видимо, бой идет где-то совсем близко. Часов в 9—10 вдруг поднимаются клубы дыма со стороны лесничества и больницы. Все больше и больше дыма.

Оказывается, немцы подожгли, отступая, лесничество, больницу и дом отдыха. Деревня в панике: ползет слух, что немцы все сожгут. Все готовятся покинуть свои дома.

Вспыхивает пламя над огромной школой имени Толстого. Волнение растет: вероятно, подожгут, проклятые, и музей!

Под свист летящих снарядов перебегаю к дому Толстого. Здесь остались только одиночки-немцы. Зову уборщицу Маркину, пытаемся войти в дом. Навстречу немецкий унтер-офицер: «Hinaus, hinaus!»¹ — гонит вон. «Wohnhaus — in die Luft!»².

Но теперь уже можно не слушаться. Бегу и созываю рабочих и служащих —

надо спешить спасти музей. Из окон дома Толстого уже вырываются клубы дыма.

Войти страшно. Положение спасает молодежь: Павлик Комаровский, врач Илюшин, Клавдия Литвинова смело вбегают в дом. Они кричат нам, что подожжены три комнаты, но борьба с огнем еще возможна.

Ни пожарной машины, ни воды (немцы сломали колодец). Носим снег, хватаемся за вещи в нижнем этаже — хотим выносить. Вдруг осеняет мысль: а нет ли воды в старом колодце? Сбиваем с него доски. Вода есть! Положение спасено...

До сумерек идет борьба с огнем. Мы поднимаем полы, пробиваем потолки, гасим пламя.

Вечером у всех чувство удовлетворения: дом спасен. Конечно, все изуродовано, обезображено. Ничего, теперь восстановим — ведь немцы уже бежали.

15 декабря. Утро. Первые красноармейцы. Жадной толпой окружаем их.

Рассказываем о пережитом. Требуем и требуем новостей.

А новости такие, что и мертвый воскреснет: немцев гонят по всему фронту!

¹ Вон, вон!

² Дом на воздух!

ОТ АВТОРА

Записи о происшедшем в Ясной Поляне велись в тяжелых условиях оккупации музея-усадьбы Л. Н. Толстого немецко-фашистскими захватчиками.

Работа научной сотрудницы музея-усадьбы связала меня крепко с местом рождения, жизни и напряженной работы величайшего художника слова Толстого. На долю работников музея выпала высокая честь охраны дома Толстого от разрушителей культурных ценностей мирового значения. Тяжела была борьба для сил маленького коллектива, но сознание ценностей наследия Толстого и глубокая уверенность в конечной победе Красной Армии над немецкими вандалами все время поддерживали нас. Сознывая историческую необходимость запечатлеть все, что происходило в Ясной Поляне, я вела краткие ежедневные записи, отражавшие борьбу за целостность музея-усадьбы.

Эти черновые необработанные записи дневника, несовершенные по своей форме, приобрели характер исторического документа в связи с нашей общей борьбой за сохранение мировой культуры от вандалов.

27.XII 1941 года, Ясная Поляна.

М. ЩЕГОЛЕВА.

Великое решение

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ

★

1

«Летят!» — Все повернули головы к востоку, высматривая в небе самолеты. Серые облака неслись в сторону моря. В деревне, за дюнами, пели петухи, встречая пробуждение дня. Кругом царила тишина, слышался только глухой отдаленный гул. Прохладный восточный ветер веял над маленьким аэродромом, шевелил кусты и деревья, окаймлявшие ближние пашни, резвясь, раскачивал телеграфные провода, соединявшие базу с деревней и портовым городом Брестом.

— Десять... одиннадцать... двенадцать! — сосчитал кто-то из солдат. — Все вернулись, все!

Шум моторов быстро приближался. Внезапно затих. Из-за облаков послышался резкий свист, затем снова включились моторы, и две гигантских темных птицы планирующим полетом прошумели над бараком, мягко скользнули на землю. Так, одна за другой, опустились все двенадцать стальных птиц. Эскадрилья возвратилась из ночного полета без потерь.

Летчики в комбинезонах, держа в руках очки и шлемы, усталые ввалились в столовую и окружили буфетную стойку. Найдя, что «кабатчик» — так они называли заведующего столовой — слишком медлит, они сами потянулись за бутылками. Пилот Эрвин Бринне

схватил бутылку с надписью «Хельмут». Задумчиво поглядел на нее и бережно поставил на место. На соседней бутылке этикетка с именем «Эрвин». Захватив бутылку и стакан, пилот, еле передвигая ноги, пошел к столику у самого окна. Горопливо налил себе полстакана коньяку, залпом выпил его и снова наполнил стакан.

Расположившиеся за другими столиками летчики тоже пьют свою утреннюю порцию. Бывало, они, едва выйдя из машины, тщательно осматривали ее, искали, нет ли повреждений, потом принимались рассказывать друг другу приключения, происшедшие во время полета. Это давно кончилось. Теперь они молча садятся в машины, молча выходят оттуда.

Пилот Бринне устремил взгляд в стакан с коньяком — лишь мельком взглянет на деревья, кусты и поле за окном. Медленно просыпается новый день. Ласточки, свившие гнезда под стропилами барака, с резвым щебетом вьются над строениями.

Плотный, коренастый человек в свитере молча садится напротив пилота.

— Благополучно сошло?

Пилот устало поднимает руку, словно отмахивается. Ефрейтор Ирмзер, бортрадист эскадрильи, ставит свою бутылку «Альберт» рядом с бутылкой «Эрвин». Бринне поднимает взгляд. По его худощавому, загорелому лицу с

круглыми светлосерыми глазами, пробегаает судорога, когда он говорит:

— У него просто нервы сдали, вы сами знаете, Ирмзер, и другие должны это понять. Только... — Он умолкает.

— Что только?

— Да вот даже и мне непонятно, как это могло случиться после отпуска. Две недели отдыха должны же привести человека в равновесие!

— Наоборот, Бринне! Именно отпуск его и доконал! Капитан Бэлле больше никому не даст отпуска.

— Если он попадет под арест — вся его карьера кончена, — как бы про себя говорит пилот. — Прошлые заслуги забываются.

— Он вам рассказывал о своем отпуске?

— Ни слова!

— Он пережил воздушное нападение, — говорит радист. — На земле. В Гамбурге. Это его и подточило.

— Мне он об этом ничего не говорил.

— С тех пор он совсем изменился. Стал сам не свой.

Пилот Бринне сердито отталкивает стакан, за которым сперва потянулся.

— Смешно! Безумие какое-то! Англичане или мы — вот как стоит вопрос. И вдруг теперь, когда победа, можно сказать, у нас в кармане, когда Англия изолирована! Скажи он мне хоть слово, я бы рассеял его бредни.

— Бринне, даже вы не могли бы его спасти.

— Что значит спасти?

— Пока вы летали над Лондоном, его расстреляли.

— Ч-т-о-о? — Стол отлетает в сторону, бутылки со звоном катятся на пол. — Это правда?

Радист тоже поднялся. Он окидывает настороженным взглядом окружающих, кладет руку на плечо пилота и пытается успокоить его.

— Вы правы, Бринне! Это было безумие!

— Расстреляли?.. — Пилот туго смотрит в пространство.

Радист выпрямляется и докладывает: — Так точно, господин унтер-офицер!

С быстротой молнии разнеслась по аэродрому весть: пилот Хельмут Кэнке расстрелян! Отказ от исполнения служебных обязанностей! Бунт!.. Молча встречались друг с другом летчики. Хельмут был самым отчаянным смельчаком среди них, он сбил трех англичан, участвовал в бесчисленных дневных и ночных налетах, одним из первых получил железный крест первой степени. И вдруг — такой конец!

Всюду, где бы ни появлялся пилот Бринне, его провожали беспокойные взгляды.

Расстрелянный пилот был его другом. Не очень-то приятно быть другом бунтовщика.

Один из пилотов подошел к Бринне и заявил, что его попрежнему считают хорошим, порядочным, честным товарищем. Но Бринне оборвал его словами: — Так ему и надо! Сумасшедших надо пристреливать!

После этого радист Ирмзер стал избегать пилота. Зато он всячески старался сблизиться с экипажем. Он не осуждал Кэнке, отнюдь нет, он превосходно понимал его. Радист оценил мужество расстрелянного летчика перед лицом собственной совести. Однако это было неправильный путь. Нельзя было давать волю нервам, в этом Бринне прав; следовало ждать...

Бортмеханик Ганс Штеллинг, бывший слесарь на автомобильном заводе в Эльмхорне, проверяет мотор, а радист Ирмзер следит за его работой, наблюдая за механиком с большим интересом, чем за мотором. Словоохотливый механик слыл на базе расторопным, услужливым товарищем и мастером своего дела. Во время ночного полета над Ливерпулем он на высоте трех тысяч метров вылез из машины и ликвидировал неисправность в моторе, за что получил железный крест второй степени.

— Господин ефрейтор, подайте мне, пожалуйста, вон ту маленькую отвертку, — попросил он и тут же, с обычным своим прямотушием, добавил: — Знаете, что ни говорите, а качество ма-

териала ужас как снижается!.. Скажите, вы тоже слышали?

— Что? — спрашивает радист.

Механик нагибается и говорит шопотом:

— Господин ефрейтор, нас посылают на Восточный фронт!

— Что-о?

— Эскадрилья капитана Беннека уже вылетела!

— Да на какой же Восточный фронт? С каких это пор у нас появился Восточный фронт?

— Сам не знаю! Говорят, мы выступаем против русских, против большевиков!

Радист уже слышал такие толки, но не верил им.

— Вздор! Мало у нас и без того врагов, что ли?

— С меня хватит! — смеясь, отвечает механик. — Будь моя воля...

— Что бы вы сделали?

— Я бы... Гм!.. Я бы уже опять чинил автомобили. В Эльмсхорне или еще где-нибудь... Вы уж меня извините, господин ефрейтор, за откровенные речи! Это я так себе!

— По-моему, починка автомобилей — занятие неплохое.

Молчание.

— Скажите, Штеллинг, — неожиданно спрашивает радист, — летать вы тоже учились?

— Учиться не учился, а, если понадобится, сумею повести наш корабль.

— Это очень важно, Штеллинг!

— Да-а? По-вашему, важно? — Механик удивленно смотрит на радиста. — Вы хотите сказать, безопасности ради?

— Ну, да, конечно! Кстати, вы давно знаете унтер-офицера Бринне, что он за человек? Фанатик-нацист, да?

— Нет, он-то не нацист... скорее, как бы это сказать, полунацист, что ли.

— Так я и думал! Он нехорошо выразился о Кэнке!

— А все-таки это его сильно поразило, верьте мне. Он был ему настоящим другом. Гсс! Вот он идет!

Унтер-офицер Бринне молча протягивает руку радисту. Затем спрашивает:

— Все в порядке, Штеллинг?

— Точно так, господин унтер-офицер.

— Нам предстоит дальний полет.

Бортмеханик бросает быстрый взгляд на радиста и отвечает:

— Точно так, господин унтер-офицер!

Пилот Бринне и радист Ирмзер вместе шагают по аэродрому к столовой, а бортмеханик задумчиво глядит им вслед. «Странный вопрос задал Ирмзер. Что он имел в виду? Гм! Нацист ли Бринне? Сам-то он уж наверняка не нацист. Умею ли я летать? Что-то тут не спроста. Какая-то у него задняя мысль... Гоп-ля, Ганс! Что-то происходит. Держи ухо востро!»

Бринне и Ирмзер долго шли молча. Неожиданно радист задал вопрос:

— Что это за нелепые слухи появились?

— О Восточном фронте?

— Значит, вы тоже слышали?

— Да, тоже слышал! — насмешливо повторяет Бринне. — Дело в том, что мы вылетаем сегодня. По всей вероятности, в Краков.

— В Краков? Чорт побери, зачем понадобился нам Краков?

— Из-за русских, должно быть!

Радист в изумлении остановился и удержал за рукав пилота.

— Против русских? Да ведь у нас договор с русскими!

— Идемте же! Откуда нам знать, что тут за игра!

— Против русских... Да ты понимаешь ли, пардон, вы понимаете, что это значит?.. Это... это... это ведь безумие! Я не могу этому поверить!

— Нет никакого смысла ломать над этим голову.

— Но скажите, Бринне, кто же мы такие? Неужели нас можно...

— Мы — солдаты! — прерывает его пилот. — Мы должны повиноваться или...

— Или?

Они смотрят друг на друга. Затем молча шагают дальше.

3

В тот же вечер эскадрилья «Ю-88» под командой капитана Бэлле вылетела с берега Атлантического океана, через Францию и Германию, в Польшу.

— Ребята, — крикнул унтер-офицер Бринне, когда они миновали Рейн, — захватите с собой побольше Германии. Жаль, ничего не видно. Хорошо бы хоть разок еще оглядеть всю Германию при дневном свете.

Радист Ирмзер, бортмеханик Штеллинг и стрелок Брахфельз смотрят вниз на непроглядно черную страну, на Германию.

— Под нами Штуттгарт! — объявляет радист.

— Штуттгарт! — повторяет пилот.

— Штуттгарт! — шепчут бортмеханик и стрелок.

— Вы откуда родом, Брахфельз? — спрашивает радист двадцатилетнего, неизменно печального юношу, сидящего подле него.

— Из Бреславля, господин ефрейтор!

— Над Бреславлем мы еще будем пролетать. А кем вы были раньше? Приказчиком в магазине! Оказывается, на нашем воздушном корабле собрались представители всей Германии. Господин Бринне — из Кельна, Штеллинг — из Эльмсхорна, вы — из Силезии, а я из Аугсбурга, с юга.

Обращаясь больше к самому себе, чем к окружающим, радист продолжает:

— Я-то ведь радиотехник, и теперешнее наше занятие представлялось мне раньше другим. Я думал — полгода, и я снова буду мастерить приемники. Немало я их соорудил, да хороших, девятиламповых! Таких, что можно сказать — весь мир у тебя в комнате. «Включи-ка Париж!» Хлоп, и у тебя в комнате Париж. «А нет ли музыки в Мадриде?» Хлоп, и у тебя Мадрид... Москву я тоже слушал. Тогда еще можно было слушать, что угодно. Это, конечно, совсем давно было!.. Да, такие-то дела: Штеллинг предпочитает чинить автомобили, я — мастерить радиоприемники. Должно быть, унтер-офицер Бринне тоже предпочел бы заниматься изобретениями, а не жечь города? Вы ведь, кажется, конструктор, господин Бринне?

Пилот Бринне поворачивается к радисту и отвечает:

— Да, конструктор. Только помолчи-

те лучше! От вашей болтовни еще тяжелее на душе!

На рассвете гигантские черные птицы приземлились на аэродроме подле Кракова. Когда моторы затихли и экипажи выбрались из машин, пришел приказ быть наготове и не покидать аэродрома.

День прошел в ожидании. На аэродроме проверялись моторы. Тем временем пилоты, радисты и стрелки лежали в бараках, курили, пили и глядели в потолок или на дощатые стены, где висели портреты Гитлера и Геринга в человеческий рост, а также части сбитых польских самолетов — погнутый пропеллер, обломок руля.

«Кэнке от этого во всяком случае избавлен, — думает пилот Бринне. — Бунтовщик! И готово! Короткая расправа. А теперь — против русских. Уму непостижимо. Надо полагать, это связано с таинственным полетом Рудольфа Гесса. А мы — словно ландскнехты: стреляй туда! — Мы стреляем. — Стреляй в другую сторону! — Мы стреляем. Вчера во врага, сегодня в друга. А что же потом?»

Радист Ирмзер думает о том же. Но его рассуждения идут дальше. «Нет, то, что сделал Кэнке, не годится... Надо найти другой выход. Но какой? Вынужденная посадка?.. Не могут же за это преследовать близких... А если все-таки будут? Поймет ли это Матильда?.. Это бесчестно! — завопили бы те, кто спрятались в тылу. А она поняла бы, если бы все знала. Все равно, я не хочу идти против России. Штеллинга я уговорю и Брахфельза тоже. Но Бринне? В нем еще сидят ложные понятия о чести. Придется как-нибудь обойти его. Поставить перед совершившимся фактом. Или же?..» — Радист не решается додумать до конца внезапную мысль.

«Если бы они могли прочесть мои мысли, участь Кэнке была бы мне обеспечена».

Пилот Бринне поворачивается и спрашивает:

— Вы, наверное, тоже думаете о доме? Я вам показывал карточку жены? И дочери?.. Вот они! Девочку зовут Эльфрида. Она в школе получила благодарность: больше всех собрала желез-

ного дома... А вот жена. Ее зовут Анна... Молодец женщина!.. Знаете, Ирмзер, я все чаще забываю, что делается вокруг. Мне кажется, будто я у себя в квартире в Кельн Дейце, перед чертежной доской, в сером летнем костюме, — вы еще можете представить себе серый летний костюм? Я надел нарукавники, сунул в рот сигару, сижу и безмятежно размышляю над новой конструкцией... Знаете, копировать чертежи — ужасная скука. Но самому выдумывать, — лучше ничего быть не может.

— Последнее время англичане особенно усиленно занимались Кельном.

Пилот приподнимается на койке, смотрит непонимающим взглядом на радиста, затем яростно выкрикивает:

— Идиот! — и поворачивается спиной к соседу.

«Как втолковать ему, в чем его истинный долг перед женой и ребенком? — думает радист. — Он сразу полезет на дыбы».

Бринне снова оборачивается.

— Простите, Ирмзер, вы поступили правильно, что напомнили мне мое настоящее «я».

4

Около полуночи к самолетам подвозят зажигательные и фугасные бомбы. Когда об этом узнают в бараке, кто-то из пилотов говорит:

— Дело дрянь! Значит, война уже объявлена!

— Какие у вас устарелые понятия! — отвечает ему другой:

— Смирно! — кричит часовой. Летчики вскакивают с коек и вытравиваются во фронт.

Входит капитан Бэлле, лысый, располневший человек, известный как фанатический приверженец нацистов и неумолимо строгий начальник. Известно также, что в мирное время Бэлле был окружным руководителем общества «Сила в радости».

— Добрый вечер, господа! — весело приветствует он летчиков. — Не надо церемоний, друзья. Я принес вам важную новость. Нам предстоит последняя и решительная борьба. Мы должны нанести сокрушительный удар красным.

Наш долг в настоящий момент принимать и осуществлять приказы фюрера. Не могу при этом скрыть от вас, что за последнее время имели место факты, позорные для германского солдата. К сожалению, даже в нашей эскадрилье.

Взгляд капитана Бэлле оцупывает каждое лицо — застывшие, словно неживые, солдатские лица.

— На нашу долю выпала почетная задача первого удара по врагу. Вы знаете, что от молниеносного первого удара зависит очень многое. Наша очередная задача разрушить вражеские аэродромы и военные лагеря. А затем, путем концентрического нападения на важнейшие города, создать панику в тылу врага. Наша эскадрилья нанесет визит Киеву, украинской столице красных. Я сам буду участвовать в экспедиции. Если вы исполните свой долг, обещаю вам через месяц длительный отпуск. Итак, друзья, будьте наготове. Приказ о вылете может последовать каждую минуту.

Когда капитан покинул барак, между летчиками, после долгих часов томительного ожидания, начались шумные толки. Радист Ирмзер спросил пилота Бринне:

— Вам это понятно, Бринне?

— Приказ вполне понятен! — уклончиво ответил летчик.

5

«Ю-88» пилота Эрвина Бринне в звене эскадрильи летит над Польшей к востоку. Рядом с пилотом сидит бортмеханик Штеллинг. Позади примостился Ирмзер, он надевает наушники. Стрелок Брауфельз возится с пулеметом. Мотор стонет и кричит.

— Чорт побери, и нагрузили же нас! — ворчит Штеллинг.

Пилот обеими руками обхватил руль. Никто не произносит ни слова.

Польша осталась позади. Они летят над новой обширной землей. В селах и городах горят фонари на улицах, светятся окна, никто из жителей не подозревает, что у них над головами реет смерть.

Пилот Бринне уставился на рычаг управления. «Я конструктор, а, между

тем, я — только часть этой машины, — думает он. — Разобьется она, и с ней разобьюсь я».

Радист Ирмзер смотрит на сидящих впереди. Его рука ощупывает комбинезон. В боковом кармане — револьвер. Радист готов на все. С Штеллингом он перед вылетом перебрался несколькими словами. И этого оказалось достаточно. Штеллинг уверил его, что и Брахфельз не будет протестовать. Но Бринне держался неприступно. «Все равно! Так надо!» — твердит себе радист, ободряя самого себя и укрепляя свою решимость. Когда же он, наконец, поднимается и медленно подходит к кабине пилота, им овладевает полное спокойствие, только сердце стучит у самого горла.

— Что случилось, Ирмзер?

Радист стоит позади пилота и шопотом спрашивает:

— Знаете, Бринне, как русские обращаются друг к другу: «Товарищ!»

— Что это значит? — недовольно отвечает пилот. — Что это за шутки?

— Будем мы бомбардировать Киев? — спрашивает радист.

— Разве вы не слышали приказа?

— А как вы думаете, Бринне, — я говорю вполне серьезно, — что, если мы не выполним этот приказ?

Бринне медленно оборачивается и устремляет испытующий взгляд на радиста.

— Не выполним приказа? И это говорите вы — ефрейтор?

— Да, я! Так же, как Хельмут Кэнке. Только... только наше поведение должно быть умнее. Скажем, вынужденная посадка... Бринне, сдадимся в плен... Покончим с этим... покончим навсегда! — почти просительно заключает он.

Бринне бледнеет. Растерянно смотрит он на радиста. Но тотчас же спохватывается и кричит:

— Ефрейтор Ирмзер, приказываю вам немедленно вернуться на свое место!

Радист не спускает с него глаз и не шевелится.

Пилот рычит:

— Поняли?

Обменявшись взглядом с бортмехаником, радист возвращается на свое место.

Но тут пилота Бринне обуревают страх, страх за товарища. «И у этого тоже сдали нервы! И где же — здесь, наверху. Перед свидетелями. Как же мне быть? Донести на него. А тогда... тогда с ним поступят так же, как с Хельмутом... Господи, как же мне быть?»

«Что же дальше, — думает и радист. — Отступление отрезано. Либо довести это до конца, либо разделить участь Кэнке... Бринне! Чорт возьми, я должен застрелить тебя, Бринне. Другого выхода нет... Другого нет...»

— Что вы скажете об Ирмзере? — шопотом спрашивает пилот у бортмеханика, который молча сидит рядом.

— Господин унтер-офицер, Ирмзер хороший товарищ! Вы не должны доносить на Ирмзера!

— Что за вздор! Как можно даже говорить об этом?

— Но тогда вы сами совершите преступление.

— Что я совершу?

— Тем, что вы не донесете на Ирмзера, вы совершите преступление, господин унтер-офицер.

— Ах, так! Да, разумеется, значит, надо на него донести!

— Вы не должны на него доносить, господин унтер-офицер! — сухо повторяет бортмеханик.

— Значит, я должен совершить преступление?!

— Точно так, господин унтер-офицер!

— И, чего доброго, перейти на сторону врага, да?

— Врага? Нет, господин унтер-офицер. Вернее, на сторону Красной Армии.

Руки пилота, держащие руль, дрожат. Он пристально глядит на бортмеханика, тот выдерживает его взгляд.

— Господин унтер-офицер, неужто мы машины и должны, не раздумывая, делать все, что прикажут. Ведь надо же нам знать, зачем мы это делаем? Вот я, например, не знаю, зачем мне сражаться против русских, ей-богу, не знаю. Может, вы объясните?.. Вот, видите ли, господин унтер-офицер, у каждого свои взгляды. И вот, к примеру, история с Кэнке. Какой был летчик! А товарищ какой!

— Замолчите! — кричит пилот. — Это что — заговор? — Он проводит рукой по лицу, влажному от пота. Как бы нища помощи, он вглядывается в темноту. Он кричит бортмеханику: — А ваши товарищи? О товарищах вы не думали?.. И о Германии?

— Думал, господин унтер-офицер, — с невозмутимым спокойствием отвечает бортмеханик. — Частенько думал! И большинство думает так, как мы с Ирмзером. Только кто-то должен положить начало. Остальные уж пойдут следом, будьте уверены. — И настойчиво, твердо, убедительно: — Давайте, положим начало, унтер-офицер Бринне!

— Что вы вообразили себе! — с трудом выдавливают пилот.

— Господин унтер-офицер, пока мы воевали с Францией, мы еще могли побеждать и побеждали на самом деле. Но Россия — совсем особое дело. Старого там наверняка и следа нет. Не знаю, как вам это объяснить. Я не коммунист, можете мне поверить. Вот капитан Бэлле говорил, что, мол, надо поставить на карту жизнь, чтобы выиграть жизнь. Это звучит красиво. Только, что же получается: умереть-то мы можем, это верно, но только не победить.

— Вот, до чего дошло! — бормочет пилот.

— Да, господин унтер-офицер, скажем прямо: Гитлер принес немецкому народу одно несчастье. Скажем это прямо, так думают все.

«О чем они говорят между собой? — думает радист и достает револьвер. — Неужели Штеллинг поддается на угрозы?» Когда бортмеханик, наконец, оборачивается, Ирмзер слегка поднимает револьвер. Но Штеллинг отрицательно качает головой. «Не хочет! — думает радист, и волна страха захлестывает его. — Чорт возьми, не надо было так спешить!»

— Господин унтер-офицер, — снова говорит бортмеханик. — Смотрите, вон Днепр. А вот — обширные пашни, гладкие, ровные... Бросим бомбы в реку, а сами снизимся. По-моему, с мотором что-то неладно. Пожалуй, не обойтись без вынужденной посадки... Если сами

не можете, передайте мне руль, господин унтер-офицер!

«Будь здесь Хельмут, мне было бы легче, — думает пилот. — Но можно ли отступить после того, что было здесь сказано?..» Он поворачивается к Ирмзеру и окликает его.

Радист медленно подходит, правую руку он держит за спиной.

— И вы думаете, русские прилично примут нас?

— Бринне, друг, ну, разумеется. Подумайте, ведь мы отказываемся бомбить их города. Мы являемся как друзья.

Пилот Бринне заметил револьвер в руке Ирмзера. «Вот что?! Вот до чего они собирались дойти...» Вслух он говорит:

— Спрячьте револьвер, Ирмзер. Что это за глупости! Разве я не такой же, как все вы? Неужели вы думаете, я забыл, что случилось с Хельмутом Кэнке?

— Бринне! Друг Бринне, дай мне руку!

6

Управляемый пилотом Эрвином Бринне «Ю-88» сделал над Днепром крутой поворот, отделился от звена и некоторое время кружил над рекой. Все зажигательные и фугасные бомбы упали в воду. После этого гигантская черная птица стала снижаться. Они летели над самой землей. Но было еще темно и трудно найти подходящую посадочную площадку. Решили дожидаться рассвета и полетели прочь от Киева, вниз по реке.

У какой-то деревушки, окруженной полями, пошли на снижение. Стальное чудовище подпрыгнуло несколько раз и остановилось посреди золотистого моря злаков.

Они услышали шум голосов. Множество людей — мужчин и женщин — бежало к ним из деревни. Четверо германских летчиков вылезли из машины, радист впереди всех. С поднятыми вверх руками он пошел навстречу крестьянам, громким, радостным голосом повторяя одно слово: «То-ва-ри-щи!.. То-ва-ри-щи!..»

Перевод с немецкого Н. Касаткиной

У озера

ВЛ. КОЗИН

★

Река впадала в озеро.

Берега реки были обычны, незаметны; песчаные отмели сменяло легкое мелколесье, хвойные леса спускались с отлогих берегов и стояли в воде.

По длинной северной реке плыл пароход.

Капитанская вахта продолжалась без перерыва третий день. Капитан и его помощник молча стояли в штурвальной рубке.

Помощник капитана смотрел прямо перед собой на извилистый простор реки. Капитан ходил по всей рубке и рассеянно глядел по сторонам. Он был низкого роста, немолодой и подвижной, с веселой чистой сединой в обильных волосах, строгий в одежде. Команда парохода уважала его за справедливость и ровный живой нрав, за уверенное знание людей и дела — и называла его «гусем»: капитан был любопытен, как ребенок, и беззастенчив в своем любопытстве; он любил осторожно и незаметно заглядывать во все окна и двери, вытягивая при этом шею и смотря круглыми, остановившимися от любопытства глазами. Капитан знал, что команда называет его за это «гусем», и, добродушно улыбаясь, говорил:

«От народа ничего не скроешь».

Помощником капитана был двадцатипятилетний комсомолец, огромного роста, русский, румяный, мужественный, застенчивый. Ему очень хотелось пого-

ворить с капитаном — до того хотелось, что даже слюна скопилась во рту, — но маленький капитан продолжал молча ходить по штурвальной рубке, и помощник боялся открыть рот.

Река повернула прямо на хвойный лес, потом отошла от него и стала про-сторнее.

Лес над водой был густой, путанный, отражение его в воде — ясное, водяные тени сосен и елей — продолговатые, ровные; пароход спокойно шел по глубоким теням.

За лесом, по обоим берегам, плыл отдаленный шум; иногда казалось, что это широкий, плавный отзвук от движения парохода, иногда — нет. Вся команда, работая, слушала его, — и молодой рыжий матрос, чистивший на кожухе колеса золотые буквы парохода «Комсомолка», время от времени замирал с масляным лоскутом в руке и тоже слушал далекий шум.

Бесконечный шум становился явственнее. На левом берегу у самой воды, среди темного леса возникли яркие березы, и вода, на которую они протягивали свои тени, стала светлой; она светлела все больше, ширилась и плавно отстраняла от себя берега. Лес отступал, становясь синим, далеким.

Показалось озеро.

Капитан неожиданно громким голосом сказал:

— Здесь!

Он снял щеголеватую фуражку, ладонью вытер лоб, подошел к рупору переговорной трубки и скомандовал в машинное отделение:

— Тихий. Самый тихий!

Машина стихла, и дальний лес, казалось, подошел ближе к пароходу. Просторная тишина протянулась над водой.

— Стоп!

Команда, оставив работы, подняла голову к штурвальной рубке. Капитан вышел из нее, посмотрел вниз, на команду, и обычным своим требовательным голосом скомандовал отдать якорь.

Размеренно, быстро и звучно якорь пошел в воду. Команда, задрав головы, продолжала смотреть на своего капитана, не моргая, словно смотрела одним глазом, и слушала шум за лесом, за озером, за рекою; он то слегка отдалялся, то приближался вдруг — и тогда, с тревожною ясностью казалось, что он сейчас прорвется сквозь высокий лес.

Капитан на мостике поднял вверх зажатую в кулак фуражку и сказал:

— Продолжать работы!

Машинное отделение заполнилось людьми. Все части машины обертывались промасленной паклей, масляными тряпками и обильно заливались маслом; масло текло по блестящим машинным частям, по рукам, по металлическому полу.

Все, что можно было убрать с бортов, сносило в трюм и крепилось. Кок-комсомолка, небольшого роста, с мужественным развитым телом и детскими наивными глазами, смазывала, убирала и закрепляла в камбузе свою посуду. Матросы обтирали и смазывали лебедку, кнехты, поручни — все металлическое, что ни было на судне.

Хвойный лес вдоль реки и озера дрогнул, лесной шум распался и стал близким; из рассыпавшегося по лесу чужого, тревожного шума вырвался выстрел, его повторило эхо на другом берегу, и эхо от берез, усиливаясь, покатилось назад, на правый берег.

Капитан вышел из своей каюты в полосатый вылинявший тельняшке и старых брюках, спустился в машинное

отделение, взял масляный лоскут и сказал переутомленному машинисту:

— Быстрее надо, Иван Потапыч! Время не ждет.

Масло закапало на его ноги.

— Не ждет, Потапыч! — крикнул капитан.

Помощник капитана, на своих обширных плечах и спине, сгибаясь, нес в трюм цепи и канаты. Кок-комсомолка подхватила свалившийся с его спины канат и прошептала:

— Женя, мы окружены? Совсем?

— В петле, Танюшенька моя! — прохрипел под цепями помощник капитана. — Работай живей!

Лес стрелял по берегам реки, и дальше, вокруг озера, стреляли леса; отчетливые, то полные и редкие, то резкие, настойчивые выстрелы, сливаясь, создавали за лесами ровный шум.

Капитан поднялся на палубу. На левом берегу грохнула вдруг, сломанная пополам, береза, прорвалась сквозь соседние деревья и, раскинувшись, упала на воду. Капитан схватился за голову руками, в которых была промасленная пакля, и побежал по палубе, приговаривая:

— Спокойно! Спокойно!

Он спустился в трюм и сказал команде:

— Убирать в кубрике и каютах личные вещи!

Команда разошлась. Капитан быстро пошел по своему судну, вытягивая шею, ко всему присматриваясь и прикасаясь; он торопливо, ласково, осторожно трогал все, что попадалось ему на глаза: все было привычным; все было укреплено, закрыто, убрано, смазано.

Пароход блестел.

Капитан приказал спустить на воду шлюпки и выстроить на борту команду.

Через несколько минут он размеренным шагом вышел к команде из своей каюты — в новом форменном кителе с высоким воротником и блестящими пуговицами, новых черных брюках и ботинках, с грязным, замасленным лицом: умыться он не успел.

Все березы левого берега лежали, вздрагивая, в воде. Воздух над парходом гудел.

— Все смазали? — негромко спросил капитан свою команду.

— Все.

— Все ли закрепили?

— Все закрепили.

— Ничто не заржавеет, не пропадет, не сгниет?

— Нет, товарищ капитан!

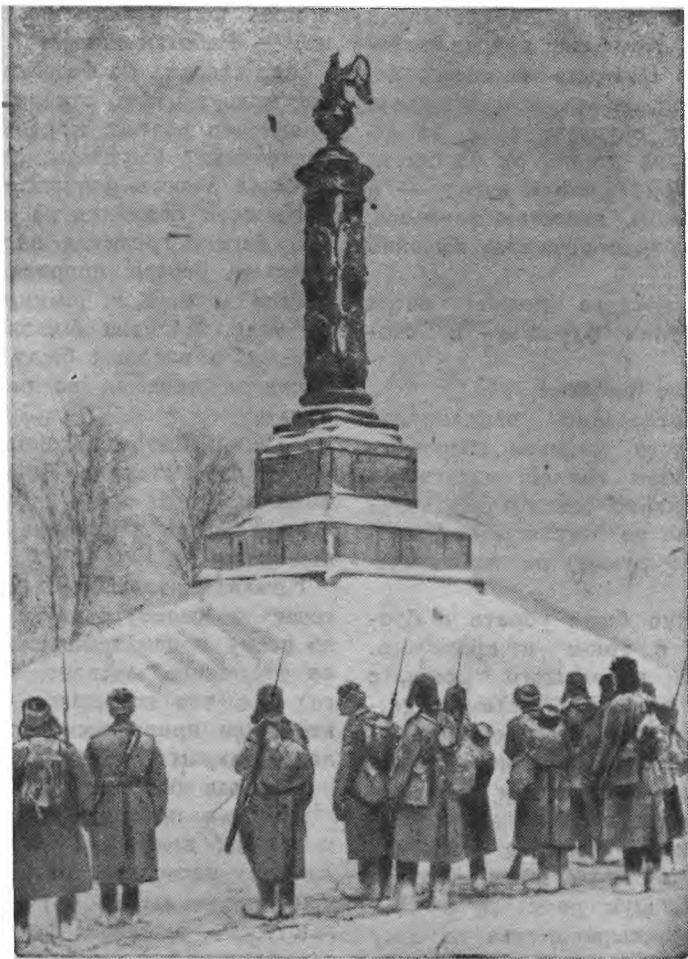
— Топи!

Команда стала спускаться в шлюпки, сперва быстро, потом медленнее, словно отяжелев. Капитан с помощником отжрыли кингстоны.

Пароход слегка накренился на правый борт и начал тонуть.

Чистый и неприкосновенный, он будет лежать на дне большого северного озера, пока народ, построивший его и сохранивший, не победит и не достанет со дна.

Будет день, и судно с молодым именем после долгой разлуки появится над простором озера нетронутое, светлое.

Таругино освобождено от фашистских захватчиков. Продвигаясь вслед за отступающим противником, советские бойцы с чувством гордости и волнения останавливаются у памятника, воздвигнутого здесь в честь победы армии Кутузова над войсками Наполеона.

Фото П. Трошкина.

Матрос Чистозвонов

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Новелла

★

В 1824 году в длительную и небезопасную экспедицию был отправлен на парусном судне по имени «Крейсер» капитан 2-го ранга Лазарев, впоследствии знаменитый адмирал, руководитель доблестного Черноморского флота. Одним из помощников себе он пригласил лично ему известного с наилучшей стороны молодого, всего двадцатидвухлетнего, лейтенанта Павла Степановича Нахимова.

В наше время чрезвычайно сложная наука управления парусами на огромном судне, как военном, так и торговом, уже забыта. В те времена она лежала в основе всего морского дела. Уменьше маневрировать, то-есть управляться с парусами во всякую погоду, ценилось выше всего, да и не могло быть иначе. Матросы поэтому должны были уметь лазать по вантам, как акробаты, а ванты — веревки, которыми прикреплялись паруса к мачтам, стеньгам и реям, — бывали очень часто, в зимнюю или осеннюю пору, обледенелыми, и слоем льда охватывало весь рангоут, то-есть все дерево снастей.

В таком именно виде и был «Крейсер», добравшийся до Южного Ледовитого океана. Страшная буря трепала фрегат. Его то взмывало на гребень огромной волны, то бросало стремительно в пучину, и все в нем трещало, рокотало, звенело, рвалось... Большую опытность и немалую ловкость и силу

нужно было иметь, чтобы удержаться даже и на палубе, не только на вантах, где убирались последние паруса... И вот, случилось то, что вполне могло случиться в такой шторм: один молодой матрос сорвался с обледенелых снастей в воду.

Едва успел прокатиться по судну крик: «Человек за бортом!», а уж матроса отшвырнуло гигантской волной так далеко от судна, что нечего было и думать добросить до него «конец» — канат, за который он мог бы схватиться.

Но едва увидел далеко над водой голову своего матроса лейтенант Нахимов, он тут же кинулся к катеру, прикрепленному к боканцам фрегата.

— Спускай катер! — скомандовал он матросам около себя, — и те спустили катер, и шесть человек из них, вместе с Нахимовым, тут же взлетели на гребень волны и рухнули в зеленую падь, и снова взлетели, держа направление на матроса, который еще боролся с волнами.

У Нахимова это был героический порыв, мгновенный, нерассуждающий: нужно было спасти человека. Некогда было даже спросить разрешения на это у командира, у Лазарева, который был в это время на другом конце фрегата. Нахимов помнил только слова Петра: «Промедление — невозвратной смерти подобно». Он не допускал да-

же и мысли, чтобы Лазарев мог не дозволить ему броситься спасать сорванного штормом матроса.

А Лазарев ахнул, когда ему доложили об этом.

— Боже мой! Боже мой!.. Вернуть!.. Прокричать ему в рупор: «Командир приказал вернуться!»

Кричали в рупор, но уже не видели, кому кричали: сильнейший шквал принес вдруг ливень, сквозь который видно было так же, как сквозь войлок. Фрегат при этом накренило до предела и раскачало так, что волны начали перекатываться через палубу. Не о катере с шестью матросами-гребцами — нужно было думать только о том, как спасти фрегат. И Лазарев, за плечами которого было уже несколько кругосветных путешествий, напряг всю свою энергию, всю опытность «старого морского волка», чтобы выдержать борьбу с разбушевавшейся стихией.

Три часа длилась эта неравная борьба, и экипаж фрегата выдержал ее с честью. Сверхчеловеческими были усилия и командира и команды, но они и не могли быть иными. Древняя, как жизнь человека на земле, пословица говорит: «Кто бежит от смерти, у того вырастают длинные ноги».

Только когда шторм явно пошел на убыль, а ливень пронесло дальше, Лазарев нашел возможность погоревать о своем любимце лейтенанте Нахимове, а также о шестерых матросах, свято исполнивших нахимовский приказ и теперь вместе с ним погибших.

— А вдруг они не погибли? — спросил он самого себя вслух. — Нам сейчас уже можно, пожалуй, и паруса ставить и идти дальше... но как же мы пойдем, когда... когда даже не знаем, куда делся наш катер?..

И вот тогда-то обратился к Лазареву стоявший рядом с ним матрос:

— Вашскобродь! Дозвольте мне, я на салинг полезу, — может, увижу где катер!

— А-а! Чистозвонов!.. В самом деле ведь, у тебя не глаза — алмазы! — обрадовался Лазарев. — А ну-ка и в самом деле — лезь на салинг, — теперь уж не так сильно качает!

— Есть лезть на салинг! — отозвался Чистозвонов и полез.

На старых парусных военных судах было множество пушек, и большинство матросов естественно были артиллеристами. Однако на каждой из трех мачт большого судна устраивались по две площадки для матросов-наблюдателей: нижние площадки назывались «марсами», верхние — «салингами», поэтому были особые в каждом экипаже судна матросы — марсовые и салинговые. Их обязанностью было во время хода судов днем смотреть, не идет ли судно к опасности, ночью в любую погоду ловить мигание маяков, во время учебной стрельбы или боя, когда палубы все сплошь заволакивались густым дымом, наблюдать, как ложатся снаряды.

Словом, эти матросы были глазами корабля, а среди них на «Крейсере» исключительной зоркостью славился, с детства привыкший к туманам Финского залива, уроженец Петербургской губернии, не совсем ладно скроенный, но прочно сшитый, Чистозвонов. Широкое лицо его было попорчено оспой, глаза же, которые славилась зоркостью, еле различались на лице, — до того были малы. Они буквально карабкались из тяжелых век, когда приходилось им «есть начальство». Годами Чистозвонов был ровесник Лазареву — лет тридцати пяти-шести.

Шторм далеко еще не утих, когда полез Чистозвонов на грот-салинг. Мачты вычерчивали еще в небе длинные дуги. Подниматься на салинг, хватаясь скользящими мокрыми руками за скользкие мокрые ванты и реи было очень опасно, — каждую секунду Чистозвонов мог сорваться, как и тот потонувший матрос, однако еще труднее было, качаясь туда и сюда на мачте, не только держаться, но и все время пытаться разглядеть что-нибудь в кипящем, как котел, океане.

Лазарев и сам смотрел во все стороны в свою подзорную трубу, но, кроме белой кипени, ничего нигде не видел. Время от времени он кричал Чистозвонову:

— Ну, что, как, а?.. Не видно?

— Никак нет, не видно! — кричал в ответ Чистозвонов, напрягая все силы, чтобы как-нибудь удержаться на своей карусели.

Лазарев смолоду послан был учиться морскому делу в Англию, где он провел пять лет. На корабле «Виктория», державшем флаг адмирала Нельсона, он участвовал в известном сражении при Трафальгаре, где английский флот уничтожил соединенный франко-испанский и тем избавил Британские острова от десанта Наполеона; по возвращении в Россию Лазарев совершил экспедицию в целях отыскания Южного полюса, и Южный Ледовитый океан был ему хорошо знаком. Но самые горестные минуты, по его же словам впоследствии, он переживал теперь, когда убеждался в гибели Нахимова и матросов. Он видел, конечно, как мотало Чистозвонова, и, опасаясь, чтобы не сорвало в воду и его, крикнул, наконец, команду:

— С салинга долой!

— Дозвольте еще побыть, вашскобродь! — взмолился с салинга Чистозвонов.

Лазарев не ответил ему, но безнадежно-разрешающе махнул рукой.

Между тем с минуты на минуту начал утихать шторм, и Лазарев подал команду:

— Всех наверх паруса крепить!

Матросы ринулись ставить паруса, и прошло еще с полчаса, пока они справились с этим делом, как вдруг, совершенно неожиданно для всех и больше всего для Лазарева, раздался крик с салинга:

— Вижу ка-атер!.. Ви-ижу ка-атер!

Это показалось всем почти чудом: где и как можно было разглядеть катер в клокочущем океане? Тем более, что стало уже вечереть, темнеть.

— Что? Как? Катер?.. Кверху килем? — с замиранием сердца закричал вверх Лазарев.

И вдруг радостный ответ:

— Никак нет!... Похоже... Похоже...

Чистозвонов медлил с ответом, потому что боялся ошибиться, обнадежить зря командира... Но вот он схватил напряженным взглядом, приковавшим-

ся к тоненькой черной черточке там, в белой кипени волн, схватил мельчайшие яркие блестки... Они возникали, исчезали, возникали, исчезали, — они жили своею жизнью, это были лопасти весел, не иначе, и Чистозвонов завопил радостно:

— Гребут, ей-богу, гребут!.. Они!.. Наши!..

Еще минута, и Лазарев отдал бы приказ продолжать плаванье, то-есть итти в направлении, противоположном тому, куда указывал Чистозвонов, но теперь, когда так уверенно закричал матрос с салинга: «Гребут!» — фрегат двинулся к своему катеру.

Это была торжественная минута, когда не только Лазареву, смотревшему в свою трубу, но и каждому матросу на зыбкой палубе стало уже ясно видно: все семеро храбрецов в катере были налицо! Они не могли спасти упавшего за борт матроса, так как тот утонул раньше, чем к нему подбросило катер, но сами они вот, перед глазами: с головы до ног мокры, синелицы, полуживы, — однако все-таки живы...

Из разъяренной пасти океана выхвачен был будущий герой Наварина, Синопа, Севастополя — Нахимов и с ним его шестеро товарищей, — и океан не простил этого: едва только подняли на палубу фрегата семерых пловцов и хотели потом поднять катер на боканцы, неожиданный шквал свирепо разбил его о борт корабля, и обломки хрупкой посудыны стали добычей волн.

Только теперь спустился с салинга Чистозвонов после новой команды Лазарева «С салинга долой!»

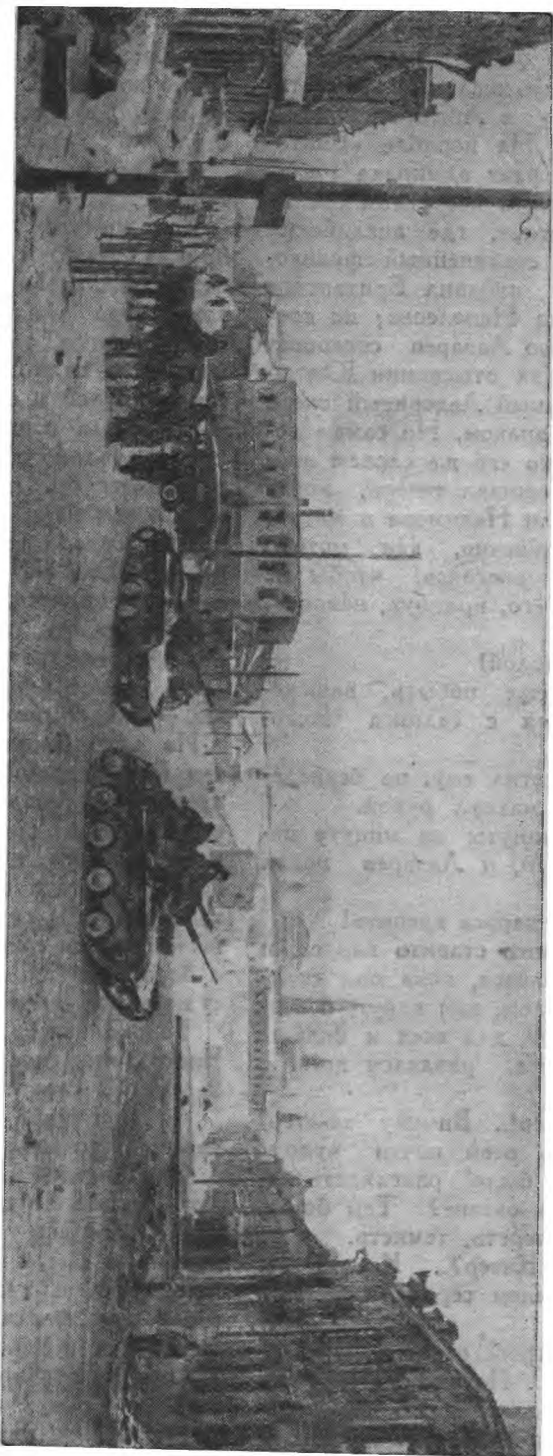
— Друг мой! — растроганно обнимая своего спасителя, сказал Нахимов.

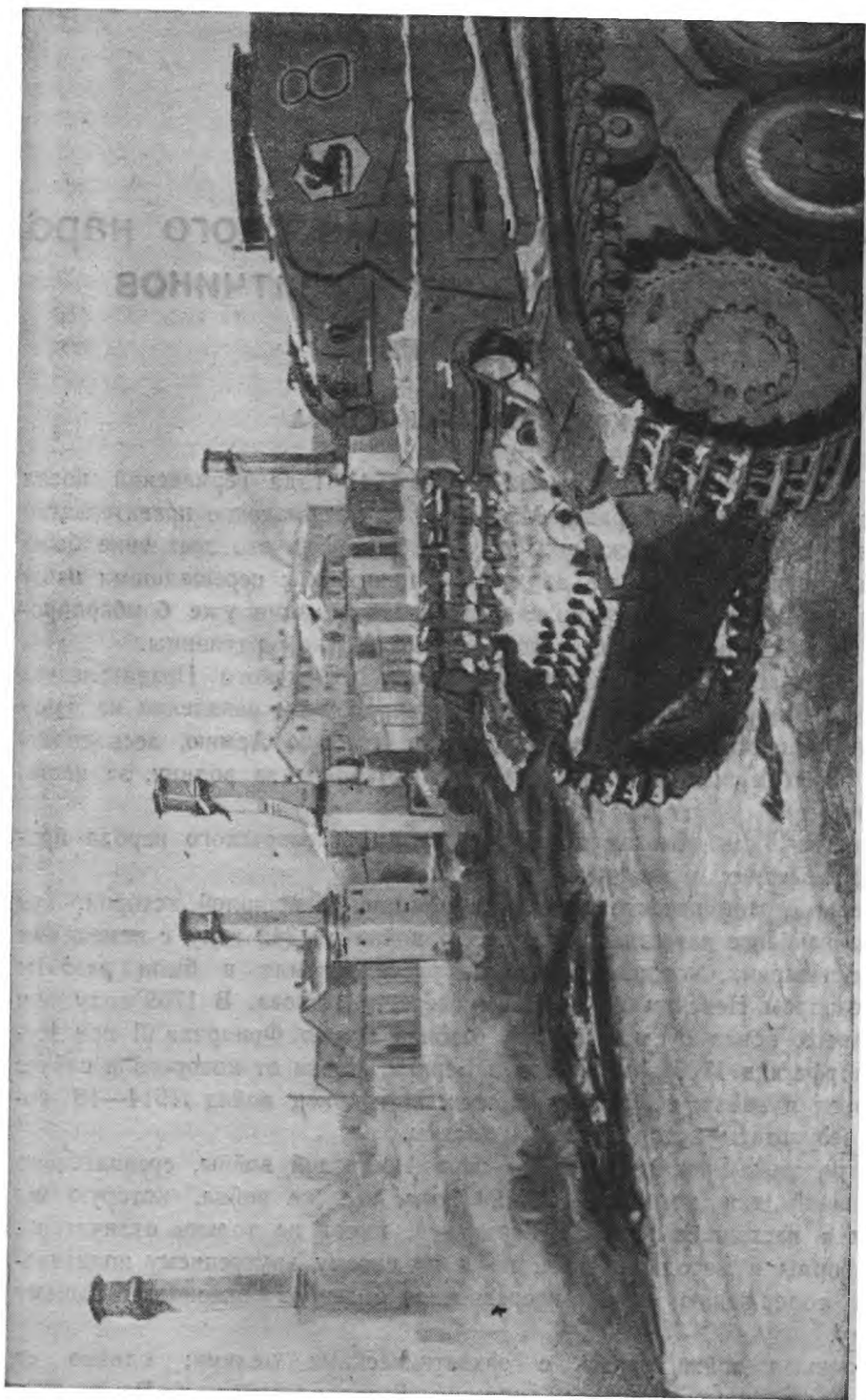
От прихлынувших слез он ничего не мог сказать тогда больше, но, прожив после того еще около тридцати лет, командуя сам и небольшими судами, и фрегатами, и линейными кораблями, и дивизиями флота, и эскадрой в Синопском бою, и, наконец, в чине полного адмирала, руководя гарнизоном осажденного Севастополя, он называл с того раза каждого матроса не иначе, как «друг мой!»

Алушта. Крым.

Враг отступает. На плечах у бегущих фашистов в город Волоколамакя ворвались советские танки.

Фото П. Трушкина.

В городе Клине через 15 минут после изгнания оттуда фашистов. На переднем плане — один из многочисленных немечих танков, брошенных противником при отступлении.

Фото О. Гураря.

Отечественная война советского народа против немецких захватчиков

М. КАЛИНИН

1. КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

В 5 часов 30 минут утра 22 июня 1941 года германский посол Шуленбург заявил товарищу Молотову, что германское правительство объявляет войну Советскому Союзу. В сущности, это заявление было излишним, ибо уже свыше двух часов шли бои с перешедшими нашу границу немецкими войсками, а германская авиация уже бомбардировала наши мирные города, расположенные далеко от границы.

В 12 часов дня 22 июня от имени Советского Правительства товарищ Молотов объявил по радио о вероломном нападении на нашу страну фашистской Германии и призвал Красную Армию, весь советский народ к победоносной отечественной войне за родину, за честь, за свободу.

Так началась великая отечественная война советского народа против фашистских агрессоров.

Наша страна нечасто воевала с немцами в прошлой истории. Три войны наиболее известны народу. Это война в 1242 году с немецкими псами-рыцарями, которые напали на русские земли и были разбиты Александром Невским на Чудском озере, у Пскова. В 1759 году при Елизавете, когда русские войска разбили армию Фридриха II при Кунерсдорфе и в 1760 году вошли в Берлин, ключи от которого и сейчас хранятся в наших трофейных музеях. И наконец война 1914—18 годов, результаты которой всем известны.

Хотя срок, прошедший после первой мировой войны, сравнительно небольшой для истории, — 23—24 года, все же война, которую мы ведем в настоящее время с Германией, имеет не только отличительные формы и методы борьбы, но и по своему внутреннему политическому содержанию несет несравненно большую опасность нашему народу.

Прошлая война велась с захватническими целями; однако ее вели родственные по духу династии Гогенцоллернов и Романовых. В прошлой войне дрались «родственники» — Николай и Вильгельм.

В своих письмах они писали один другому «любезный брат». Конечно, каждому из «братьев», вкупе со своим дворянством и буржуазией, хотелось оттяпать друг от друга по жирному куску. Но все же, хотя бы только в формах ведения войны, для приличия придерживались тогда установленных норм международного права: пленных офицеров той и другой стороны держали по отношению к солдатам в привилегированном положении, над пленными солдатами, которым привилегий и почета, конечно, не было, все же, по крайней мере открыто, официально не издевались, расстрелы и пытки были редким явлением. Грабежи и насилия над мирным населением, хотя и имели место со стороны немцев, носили характер самовольных действий, которые в какой-то мере формально пресекались начальством.

Сейчас немецкий фашизм ведет с нами специфически гитлеровскую, тотальную войну.

Гитлер со свойственным ему самомнением заявил, что войну он будет делать по своей инициативе, что его удары будут сокрушительными для армии противника, а по занимаемой территории он пройдет с огнем и мечом, все разрушая и уничтожая, терроризируя и избивая население. Люди на занимаемой территории, как кролики, должны замирать перед пастью хищника — вот в чем сущность гитлеровской, тотальной войны. Это не выдуманно, вот подлинные слова Гитлера: «Массовые воздушные атаки, внезапные удары, акты терроризма, сокрушительные атаки на все слабые места обороны противника, наносимые подобно ударам молота, одновременно, без раздумывания о резервах и о потерях, — такова будущая война. Гигантский молот, который сокрушает все. Я вижу только это, и я не думаю о последствиях. Я не играю в солдатики, и стратеги мне это не навяжут. Войну вести буду я. Я определю благоприятный момент для нападения. Я дождусь этого момента, наиболее благоприятного из всех, с железной решимостью; и я его не упущу. Я вложу всю энергию в то, чтобы его вызвать. Такова будет моя задача. И когда мне это удастся, я буду иметь право послать молодежь на смерть».

Теперь уже на практике войны мы можем убедиться в глубокой справедливости определения германских «национал-социалистов» товарищем Сталиным еще в речи по радио 3 июля 1941 года. В ней товарищ Сталин назвал руководителей фашистской Германии людоедами. Это действительно людоеды, машинизированные людоеды, которые в своих зверствах превзошли извергов, когда-либо бывших в истории.

2. КТО ТАКИЕ ГИТЛЕРОВЦЫ

Как говорят, чтобы победить врага, его надо знать. Что же из себя представляет современное правительство Германии, на какие общественные силы оно опирается?

В Германии у власти находятся фашисты. Сами себя они называют «национал-социалистами» (название «социалисты» привешено ими для

уловления рабочих-простаков). Фашизм, как политическая партия,—явление сравнительно новое, послевоенное: он впервые вышел на политическую арену в Италии в 1921 году. В то время в Италии волна рабочих забастовок переливалась в революционный захват рабочими фабрик и заводов. Правительство Италии было не в силах справиться с этим движением, капиталисты были напуганы красным заревом. Между тем итальянские рабочие не имели революционного руководства, аналогичного большевистской партии, их движение не консолидировалось в централизованное политическое действие и тем самым неизбежно вело рабочих к поражению.

В это время Муссолини, бывший социалист, при поддержке напуганной призраками революции буржуазии, организует отряды чернорубашечников и с этой вооруженной бандой, для разгона которой достаточно было полка регулярных войск, захватывает в 1922 году власть в Риме. Муссолини считает себя творцом фашизма.

Фашизм в Германии создавался так же в результате затруднительного положения германской буржуазии после ее поражения в империалистической войне. Фактическими инициаторами организации Фашистской партии были такие представители крупного германского капитала, как Гуго Стинес, Тиссен, Крупп и другие. Вряд ли немецкие капиталисты вначале думали о создании особой Фашистской партии. Их вождения, программу наиболее ярко выражали и защищали такие люди, как националист Гугенберг. Для немецкой буржуазии нужны были просто вооруженные банды, действующие по ее указанию. Гитлер, который на первых порах был наблюдателем в национал-социалистских кружках за неблагонадежными, становится с 1920 года организатором боевых отрядов и возглавляет их.

Считая себя свободным от каких-либо принципов, доктрин, морали, не будучи связан сдерживающими традициями, Гитлер развил безудержную саморекламу, выставляя себя спасителем германского народа от всех зол, особенно от основного зла — Версальского договора. Он развил бешеную агитацию, демагогически обещая рабочим работу с хорошим заработком, крестьянам — землю и большие с нее доходы, ремесленникам — заказы, торговцам — прибыли, а капиталистам — на ушко: «Не беспокойтесь, ваше не тронем, даже приумножим».

Располагая денежными средствами крупных промышленных тузов и помещиков, Гитлер имел возможность в течение нескольких лет создать вокруг себя армию головорезов, вербуя их из среды торговцев, ремесленников, из оставшихся после войны безработных офицеров и отчасти солдат. Из всех тех, кто чувствовал себя обиженным судьбой, но имел крепкие кулаки и большое желание хорошо пожить, не работая. Все они стекались к Гитлеру, который их подкармливал, а наиболее отъявленных громил, способных идти на всякие преступления, зачислял в боевые отряды, названные отрядами штурмовиков.

К моменту прихода фашизма к власти армия штурмовиков выросла до двухсот тысяч человек, т.е. почти вдвое больше регулярной германской армии — рейхсвера. По существу, в Германии создавалась новая власть, которая, не имея формальных прав, но, пользуясь сочувствием людей, стоящих у власти, сочувствием высших чиновников, значительной части офицерства и полным покровительством полиции, жестоко расправлялась со своими политическими противниками, в особенности с передовыми рабочими. Погромы рабочих организаций были повседневными, убийство неугодных лиц было заурядным явлением. Партия Гитлера, как империалистическая партия насилия, росла, к ней льнули все, кто хотел чем-нибудь поживиться.

Фашисты, опираясь на средства, которые текли к ним из финансового мира, развили особенно бешеную агитацию за реванш Германии, потерпевшей поражение в прошлой войне, за создание великой Германии. По существу вся программа фашистов к этому и сводилась; что же касается остальных пунктов программы, как, например, уничтожение процентного рабства — ограничение прибылей крупного капитала, уничтожение универмагов, крупной земельной собственности и т. д., все это было лишь для уловления сторонников фашизма. Эти «радикальные» пункты, принятые для украшения программы, подверглись особым толкованиям, смысл которых сводился к тому, что они оставались лишь на бумаге.

В своей агитации фашисты не стеснялись обещать всем и все, и на этой основе партия росла численно и приобрела значительное влияние в мелкобуржуазных слоях населения, что и показали выборы в рейхстаг в 1932 году.

В 1933 году фашисты с помощью реакционных элементов пришли к власти и свои обещания — облагодетельствовать всех — начали «выполнять» с рабочих. Они разогнали профсоюзные организации, конфисковали их денежные средства и имущество, разгромили рабочую печать. Тысячи коммунистов, социал-демократов и просто рабочих-активистов частью перебили, а тех, кто не успел бежать, засадили в концентрационные лагеря. Такая же участь постигла и передовую, прогрессивную часть немецкой интеллигенции; одни были убиты, другие замучены в концентрационных лагерях, тысячи бежали из Германии. Книги всех более или менее известных немецких писателей и писателей других стран были сожжены. И произведения Максима Горького, Льва Толстого, конечно, подверглись той же участи.

Массовые еврейские погромы, убийства и насилия над еврейским населением возведены фашизмом в государственную доктрину. Наиболее ценное имущество, награбленное у евреев, пошло окружению Гитлера, а рухлядь — штурмовикам.

Фашисты демагогически заявляли, что они защищают от капитала труд ремесленников, кустарей и мелких торговцев. Так ли это на самом деле?

В «Ежегоднике германского ремесла» за 1937 год приводятся разительные цифры о разорении ремесленных и кустарных хозяйств. За 1936 год в Германии закрылось 132.109 ремесленных заведений, причем количество закрывшихся заведений возрастало из квартала в квартал. В первом квартале 1936 года было закрыто 29.351 заведение, а в четвертом квартале ликвидация коснулась 36.237 заведений. Первый квартал 1937 года дал цифру в 40.968 закрытых ремесленных заведений. А всего за 1936 год и первый квартал 1937 года было закрыто 173.077 ремесленных заведений. Официальный орган «Социале праксис» в № 9 за 1938 год дает такой совет: «Недостаточно занятые ремесленники должны быть переведены в качестве квалифицированных рабочих в промышленность, а 600 тысяч заведений ремесленников-одиночек должны быть ликвидированы».

Приведенные выше данные — лишь цветочки, а ягодки начинаются с 1939 года, когда фашисты приступили к принудительной массовой ликвидации как ремесленных, так и мелких торговых предприятий, а их хозяев послали работать на крупные военные заводы.

Так фашисты вознаградили своих мелкобуржуазных сторонников; сначала они их использовали для борьбы с рабочими, с интеллигенцией, а потом, разорив, послали работать на военные предприятия для подготовки войны, для обогащения крупных капиталистов-фашистов.

Немецкое крестьянство, перед которым особенно распинались фашисты, да и теперь продолжают на словах считать крестьянство наиболее ценным сословием германской нации, называя его «кровью нации», фактически получило от Гитлера лишь огромные налоги и обязательство сдавать государству все излишки продуктов по дешевым ценам. Нормы питания для крестьян строго ограничены; за сокращение или за излишне съеденные продукты — каждодневные судебные процессы и, как правило, жестокие приговоры местных судов Германии.

За годы фашистского правления значительно возросло число безземельных крестьян и увеличилось земельное владение германских помещиков, прусских юнкеров. Достаточно сказать, что свыше 2-х миллионов крестьянских хозяйств, составляющих 53% всех хозяйств в Германии, владеют от 0,5 до 5 гектаров земли. Им противостоят 3½ тысячи помещиков, владеющих в среднем по 2781 гектару земли каждый. Совершенно не тронутыми остались громадные земельные владения бывшей императорской фамилии Гогенцоллернов. Принц Гессенский, друг Геринга, имеет 7000 гектаров, герцог Ангальтский — 29.300 гектаров. Сам Геринг также является крупным помещиком; ему Гитлер подарил 2000 гектаров земли в Баварии. Так заботится германский фашизм о крестьянах. Как видите, это нечто похожее на старую, царскую Россию.

Ко всему этому фашистское правительство в 1933 году издало имперский закон о наследовании крестьянских дворов, согласно которому все крестьянские дворы с 10 гектаров земли и больше делаются за-

поведными; эти хозяйства с землей переходят по наследству к старшему сыну. Надо ли говорить, что этот закон реакционен, что он вносит разложение в семью, превращая младших ее членов в лучшем случае в батраков, а большей частью — в бездомных людей. Очевидно, и в этом вопросе Гитлер преследует свою цель — «разделяй и властвуй».

Крестьянская политика фашистов дала свои результаты. С 1933 по 1939 год 10% крестьян разорились, потеряли свою землю, т.е. каждый десятый крестьянин сделался бездомным.

Немецкий пленный Штейнкилер, солдат 151-го полка, говорит: «Сельским хозяйством занимался на чужой земле, которую арендовал у крестьянина Геслермана, имеющего 10 коров и 3 лошади. За 7 моргенов земли, которые я арендую у Геслермана, я должен отработать не менее 80% дней во время, когда это выгодно владельцу земли. За аренду земли, кроме работы, которую жена отработывала, я еще должен уплачивать 200 марок ежегодно. Купить себе в собственность землю я не мог: не было денег». А вот другая сторона крестьянской жизни. Пленный санитар 503-го полка, рисуя быт крестьян в Германии, говорит: «Крестьяне теперь не имеют права сами сбивать масло, а получают продукты для своего потребления только с завода молочных продуктов. Они, следовательно, уже больше не могут, как прежде, сами продавать эти продукты».

Об общем упадке крестьянского хозяйства в Германии вынуждена говорить даже фашистская пресса. Например, газета «Националь социалистише цейтунг» от 14 февраля 1941 года писала: «Количество лошадей по сравнению с 1934 годом сократилось до 72%».

Невольно возникает вопрос: кто же в Германии поддерживает Гитлера? На этот вопрос дает ясный ответ солдат 151-го пехотного полка Эрнст Кестер: «Его поддерживают крупные капиталисты, кулаки тоже поддерживают Гитлера, но бедные крестьяне настроены против него».

Разорение крестьянского хозяйства в Германии идет усиленными темпами. Военные мобилизации внесли в него большие опустошения. Война с СССР окончательно добьет немецкое крестьянство.

Расправа с рабочими, издевательство и избиение интеллигенции, публичное сожжение книг, еврейские погромы, поощрение бандитизма в рядах штурмовиков, все это — не просто распущенность, а сознательная тактика фашизма: одних своих приверженцев забить, превратив их в безвольных автоматов, других оболванить, чтобы они ни о чем не думали, чтобы у них не было самостоятельных мыслей. Должна быть одна обязанность — исполнять приказание начальства, и чем штурмовик бессознательнее, чем более механически он будет выполнять приказание, тем лучшим членом фашистской партии он будет считаться.

Отряды штурмовиков были не прочь пограбить и немецкую буржуазию; поэтому они и были распущены, а наиболее оголтелая, но беспрекословно повинующаяся фашистскому начальству часть штурмо-

виков была влита в отряды «СС» — охранные отряды с полицейскими и шпионскими функциями. Другая, более радикальная часть штурмовиков была выброшена из партии или перебита и запрятана в концлагери.

Гитлер сознательно сначала в партии, а затем в армии, развивает жестокость, черствость к страданиям других. Поощряется бандитизм, воровство и стяжательство при условии полного, беспрекословного, механического подчинения старшему в партии, командиру в армии. Через армию, партию, через отряды «СС» фашизм своей безудержной лживой агитацией и произволом, очевидно, развратил и значительную часть германского народа. Вот для иллюстрации этого несколько писем.

Ефрейтору Вилли Маес пишет Мэри Маес из Ковелер 28 июня 1941 года: «Ты должен забирать в России все, что только возможно. Даже если начальство это запрещает, лишь бы не голодать. Бери пример с Питти Клаппен. Он никогда не считается с начальством. Вы в последнее время ведь были лишены чего-нибудь вкусного, пользуйся всем, что только возможно: Россия — ведь большая страна».

Другому немецкому солдату пишет жена 6 июля 1941 года: «Ты мне пишешь, что ты для меня что-то послал и чтобы я сообщила, сколько кусков я получила. Надеюсь, скоро получу. Если твой взгляд упадет на шубу и тебе представится возможность, тогда подумай обо мне. В той местности, должно быть достаточно этого товара. № 46, главное большую — уменьшить всегда можно. Если ты получишь мыло или шерсть — тоже хорошо...»

Эти письма, а их можно привести множество, достаточно красноречиво говорят о том, как фашизм стремится духовно опустошить и идейно принизить немецкий народ. Во имя интересов самых хищнических и разбойничьих империалистических кругов германской буржуазии и прусских помещиков, проповедуя человеконенавистнические расовые теории, культивируя обман и насилия, грабежи и убийства, фашизм проводил и проводит сейчас самую реакционную, антинародную политику, вызывая к себе всеобщую ненависть и презрение со стороны всего прогрессивного человечества.

Придя в 1933 году к власти, фашисты установили в стране режим зверской диктатуры. Полностью были ликвидированы демократические свободы, малейшее проявление свободомыслия беспощадно подавлялось. В угоду магнатам германского капитала фашистское правительство проводило политику безудержного ограбления широких слоев трудящихся и мелкой буржуазии. Фашисты разжигали оголтелый шовинизм, спекулируя на реваншистских настроениях известных слоев немецкого населения.

Вся «философия» фашизма сводилась к тому, что в Европе может существовать только одна великая держава, призванная осуществлять мировое господство, и этой державой должна стать Германия, как единственная чистоарийская страна. Все остальные нации — ублюдки;

они не могут претендовать на самостоятельную роль в Европе.

Стремление к завоеванию мирового господства является руководящим принципом во всей деятельности фашистской клики. Правда, вначале это скрывалось, дискутировалось лишь в верхушке фашистской партии. Гитлеровцы умело играли на вождельниях финансовых групп отдельных стран Западной Европы, что они, дескать, готовятся напасть на большевиков и для этого увеличивают свою армию. Некоторые правительства крупных европейских держав сочувствовали этому и даже поощряли такое «благое» дело.

Используя столь благоприятную ситуацию, немецкий фашизм стал бешено вооружаться, ввел всеобщую воинскую повинность, на что Германия по Версальскому договору не имела права. Фашисты захватили сначала территории, отошедшие от Германии по Версальскому договору, и, не встречая серьезного сопротивления, в марте 1938 года присоединили Австрию, а затем, в марте 1939 года, захватили Чехословакию, крича на всех мировых перекрестках, что все это делается для подготовки нападения на СССР.

Империалистические устремления германского правительства делаются все агрессивнее. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. В ответ на это Англия и Франция 3 сентября 1939 года объявили себя в состоянии войны с Германией. За восемнадцать дней Польша была разбита, и ее территории были захвачены немцами. Германские войска начали было занимать украинские и белорусские области, но наше Правительство двинуло Красную Армию для занятия западных областей Украины и Белоруссии и тем приостановило дальнейшее продвижение немцев. Теперь для каждого понятна польза для нашей страны заключенного нашим Правительством договора с Германией в августе 1939 года, хотя бы уже тем, что война оттянулась почти на два года.

Разгромив Польшу и следуя своему принципу — бить противников по одиночке, — германский фашизм направляет свой главный удар против Франции. Используя семь месяцев затишья после объявления Францией и Англией войны Германии, фашисты спокойно подготовились к нанесению этого удара. За тридцать семь дней французская армия была разбита, а французское правительство запросило перемирия, которое и было заключено 22 июня 1940 года. Условия этого перемирия исключительно тяжелы для Франции. Достаточно сказать, что половина Франции вместе с Парижем остается оккупированной германской армией, содержание которой возложено на плечи французского народа.

Столь быстрое поражение Франции объясняется рядом причин. Главной из них является боязнь правителей Франции своего народа и отказ от сопротивления, пораженческие настроения в господствующих кругах французской буржуазии и генералитета, изменнические действия пятой колонны. Разумеется, одной из основных причин поражения

Франции явилась слабость французской армии перед армией фашистской Германии, хотя военные специалисты и считали французскую армию лучшей армией в Европе.

У Гитлера и его сподвижников явно закружилась голова. После победы над Францией германские фашисты предполагали расправиться с Англией в два-три месяца, считая, что с победой над Англией вся Европа будет находиться у Гитлера в кармане, а там — и весь мир. Иначе он не мыслит и не может мириться, как положить на обе лопатки весь мир, не исключая и Америки, в странах которой его агенты давно уже вели подрывную работу.

Но война с Англией не вышла короткой, она вообще была неудачна. Германская авиация, хотя и преобладала в огромной мере над английской и была агрессивна, все же без сильного морского флота высадка немецких войск на островах Англии была безнадежной, а бомбежка с самолетов не давала того эффекта, на который рассчитывал Гитлер. Война затянулась, уперлась в тупик.

Одновременно, исподволь Гитлер готовил провокационное нападение на Советский Союз. Военные специалисты указывали Гитлеру, что победа над СССР даст ему возможность выиграть начатую фашистами мировую войну. Предсказывали при этом, что для победы над Советским Союзом потребуется не более месяца — полтора и потери для немецкой армии будут невелики.

И вот фашистские полчища вторглись в пределы нашей страны. Гитлеровское правительство Германии вероломно нарушило договор о ненападении, как разбойник с большой дороги, напало на СССР, стремясь с огнем и мечом пройти по нашей стране и поработить свободные народы Советского Союза.

3. НЕМЕЦКИЕ ФАШИСТЫ — ЗЛЕЙШИЕ ВРАГИ СОВЕТСКОГО НАРОДА

В сознании людей довольно прочно укрепилась вполне правильная мысль о том, что фашисты, затеяв кровавую вакханалию, хотят поработить другие народы, добиться мирового господства. Эту алгебраическую формулу не мешает раскрыть, конкретизировать, как она получается в действительности, в применении к нашей стране.

Немецкие фашисты в лице своей верхушки впитали в себя и консолидировали в отношении СССР самые крайние захватнические цели, о которых когда-либо мечтали и которые когда-либо высказывали в прошлом германские империалисты в отношении России.

В войне с СССР германское правительство ставит перед собой целью уничтожение и расчленение Советского Союза, непосредственное присоединение к Германии территорий Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Белоруссии и других территорий Советского Союза. Гитлеровское правительство Германии не просто хочет по-

лучить от СССР ту или иную добычу, присоединить те или иные территории, а ставит своей целью лишить советский народ государственной независимости, т.е. ставит себе такие цели, которые не ставил перед собой даже Наполеон.

Фашистские руководители слишком самонадеянны, жизнь их за это жестоко накажет, и уже наказывает. Война еще не достигла своего кульминационного пункта, а такие ответственные лица, как заместитель Гитлера в Голландии, некий Зейсс-Инкварт уже определяют судьбы европейских народов. В докладе 13 ноября 1941 года в Кельне он открыто высказал вождения германских империалистов: «В будущей Европе ни для кого не будет и не может быть абсолютной независимости». Германский рейхскомиссар в Голландии Зейсс-Инкварт рассуждает, что голландцы, как и норвежцы, получили рейхскомиссара, т.е. непосредственно доверенного представителя Гитлера, а не представителя военного командующего, что будто бы объясняется принадлежностью этих народов к германской расе. «Новые рейхскомиссариаты в Прибалтике и России следует рассматривать с другой точки зрения, а именно, как выражение желания Германии присоединить к себе эти территории, подобно Польше».

Голландии и Норвегии, как странам, население которых якобы принадлежит к германской расе, будет предоставлена «культурная автономия». Очевидно, под этим подразумевается, что местные квислинговцы в пределах, намеченных заместителями Гитлера, могут автономно громить все живое в голландском и норвежском народе, в их национальной культуре. Из этого только факта можно себе представить, какие условия, какое будущее готовят немецкие фашисты для национальных республик, входящих в СССР. Ведь в глазах немецких фашистов народы Советского Союза — это низшие, неарийские национальности, которым предопределено находиться в рабском, подчиненном положении.

Все это пишется в «серьезных» фашистских журналах, дебатировается в «ученых» кругах Германии. В трезвом понимании, разве это не сумасшедший дом? Подумайте только, лишить наши национальные республики государственности, отбросить их далеко назад от того хозяйственного и культурного уровня, которого они достигли при советском строе. Не слишком ли далеко зашли в своих планах зарвавшиеся гитлеровцы?

Рабочие нашей страны, какие героические дела совершили они за последние два десятка лет. Ведь наша страна от края и до края изменила свое лицо под творческим воздействием советских людей. И та гигантская работа, которая проведена в нашей стране, высоко подняла культурный уровень рабочих. Медленно, но непрерывно, из года в год росло материальное обеспечение рабочих. Из своей среды рабочий класс выделил тысячи и десятки тысяч специалистов — инженеров, техников, командиров Красной Армии. Все, что сделано, а ведь, по правде сказать, сделано очень много, является народным достоянием,

общественной собственностью. Фабрики, заводы, электростанции, каналы, прямые асфальтированные шоссе, народные дворцы, театры, школы, больницы, дома—все это—дело рук советских людей, все это—свое родное.

Немецкие финансовые тузы, фашисты-фабриканты, сгорая алчностью наживы, намереваются лишить советский народ его достояния, его богатств, хотят наших рабочих загнать в стойло своих предприятий, сделать их рабами фашистского ада.

В газете «Дейче альгемейне цейтунг» от 16 ноября помещена статья, в которой с циничной откровенностью обсуждается вопрос о том, как лучше немецким империалистам распорядиться советскими предприятиями, созданными руками трудящихся нашей страны. В статье говорится, что «советские государственные предприятия сперва перейдут в собственность германского государства», а потом будут переданы в частные руки и, главным образом, в покрытие долгов германской империи. «Достаточно подумать,—повествует газета,—о связи вопроса о передаче собственности на Востоке в частные руки с вопросом об уменьшении долгов германской империи. Этим путем можно мобилизовать миллиарды. Таких же результатов можно достигнуть путем продажи государством дешевого сырья и продовольствия». Таковы волчьи аппетиты немецких империалистов, программа ограбления народов Советского Союза.

Когда-то морские разбойники делали налеты на приморские земли, захватывали людей и продавали их на невольничьем рынке. Сейчас немецкие бандиты рыщут по Европе, насильственно захватывают рабочих и тысячами увозят в Германию, держат их в концлагерях, заставляя работать бесконечно длинные дни на предприятиях, причем преимущественно на тех, которые подвергаются частым бомбардировкам английской авиации. Такой же участи они хотят подвергнуть и наших рабочих. Но этому никогда не бывать.

Фашисты кровавой рукой оборвали мирный, созидательный процесс советских рабочих, вся энергия которых сейчас направлена на производство вооружения и боеприпасов для Красной Армии. Удовлетворим же жадность фашистов — будем давать больше оружия, больше снарядов для нашей славной Красной Армии, которая все это обрушит на головы фашистских разбойников.

Что готовят немцы советскому крестьянству? Излишне говорить о крестьянах Украины, Белоруссии. Они и сейчас идут по тяжелому пути голгофы, и с каждым днем этот путь будет все тяжелее, пока мы не выкинем фашистских мерзавцев с советской земли.

Не случайно Гитлер подбадривает свою армию разглагольствованием о том, что русская земля в руках немцев будет кормить всю фашистскую Европу. Гитлер не открывает здесь ничего нового и в этом стремлении не одинок: он в данном случае высказывает мысли, которые много лет разрабатываются в немецкой литературе реакционными авторами, а главное — мысли о захвате русских земель крепко сидят

в головах прусских помещиков. Им мало земли, захваченной у крестьян в самой Германии, они хотят выйти на русские просторы, чтобы сделаться владельцами десятков тысяч гектаров чужой земли.

Немецкое кулачье зарится на колхозные земли, на богатый тракторный парк машинно-тракторных станций, на наши сельскохозяйственные машины, на колхозный скот. Они хотят лишить крестьян-колхозников земли и заставить их работать, как подневольных рабов.

Чтобы показать, насколько сильно разожгли фашисты эти захватнические мечты и как глубоко проникли они в головы солдат, в особенности в отрядах «СС», приведу письмо убитого солдата дивизии «СС» Пауля Майер своей жене в Бреслау, которое так и осталось неотосланным: «Дорогая Грета, в следующей посылке я пришлю тебе прославленное донское шампанское, чтобы ты могла выпить его за мое здоровье. А потом, как только закончится эта адская русская кампания, мы построим себе чудесную виллу на берегу Дона и будем щебетать под южным солнцем, как пташки. Подожди немного, мы здесь наведем новый порядок». И этот так сладко размечтавшийся мерзавец хочет навести «новый порядок», чтобы на крови, на костях наших крестьян щебетать со своей Гретой и пить советское шампанское.

Такого рода писем немецких молодчиков было много, в особенности в начале войны. Сейчас письма с таким содержанием встречаются уже редко; не сомневаемся — скоро они не только совсем прекратятся, но из голов немецких солдат улетучится всякая мысль о колхозной земле. Но излечить немцев от «восточного» недуга можно только полным истреблением немецких оккупантов.

В Советском Союзе выросла замечательная советская интеллигенция. Ее роль в поступательном развитии народов СССР с каждым годом приобретает все большее значение. Своими корнями она все глубже проникает в народную толщу, живет интересами и страстями народа. Необходимо полностью осознать, какую опасность представляет фашизм для нашей интеллигенции. Уже идет ее уничтожение на занятых немцами советских территориях. Только полное истребление оккупантов, проникших в СССР, спасет нашу интеллигенцию.

Столь же большой опасности подвергаются наши дети, любимцы буквально всего взрослого населения страны. С каким трудом, какими усилиями народа и советского правительства поднято здоровье и веселость наших детей, их развитость, смелость, инстинктивное чувство баловней, в лучшем смысле этого слова. В нашей стране дети чувствуют себя повсюду, как дома, в родной семье.

Германия ведет войну за мировое господство. Германские заправилы, обуреваемые необоснованной и не подкрепленной силой гордостью, ставят цель — сначала одержать победу над СССР, а затем направят свои главные удары против Англии и Америки. Об этом говорит такой факт последнего времени, как объявление Германией войны Соединенным Штатам Америки.

Недавно, в конце ноября 1941 года, на конференции вассальных Германии стран, на которой была разыграна комедия с подписанием продолжения антикоминтерновского пакта, Риббентроп выступил с речью о «новом порядке» в Европе. В пространных рассуждениях о будущем мировом господстве Германии, исходя в поспешности из того, что Советский Союз уже побежден, Риббентроп заявил, что державы оси теперь «приобрели независимость от заокеанских стран. Европа раз и навсегда освободилась от угрозы блокады. Зерно и сырье Европейской России могут полностью удовлетворить потребности Европы. Ее военная промышленность будет служить военному хозяйству Германии и ее союзников. Таким образом, созданы две последних решающих предпосылки для конечной победы оси и ее союзников над Англией».

Предвкушая плоды своих разбойничьих планов, Риббентроп продолжает: «В дальнейшей войне теперь будут друг другу противостоять островная Англия с ее североамериканским помощником за океаном, с одной стороны, и мощный европейский блок, с другой стороны. Германия и Италия в состоянии сосредоточить всю решающую силу своих армий, флотов и авиации для разгрома основного противника — Англии».

Рано, слишком рано, гитлеровцы выбалтывают свои планы; не пришлось бы в этом впоследствии жестоко раскаяться.

Значит, немцы хотят присоединить к Германии Прибалтику, Украину, Белоруссию; на Дону и Кубани хотят иметь свои имения гитлеровские молодчики. На другой части Советского Союза фашисты намереваются создать правительство типа Петэна во Франции, который отдал свою страну на поток и разграбление немцам. И, пользуясь нашим сырьем, получая дешевый хлеб от рабской работы крестьян, насильственно загнав рабочих в отобранные у народа предприятия и заставив их изготавливать оружие, продолжать дальше вести войну за подчинение всех народов мира господству германских империалистов и их верных слуг — фашистов. Как во Франции Петэна немцы посылают французов воевать за интересы Германии, так и русских, украинцев, белоруссов, в случае победы фашистской Германии, немцы будут вербовать и гнать на фронты умирать за чуждые им интересы.

Вот основа, на которой Гитлер хочет завоевать мир, вот, что несет советскому народу германский фашизм.

Граждане, братья нашей родины, крепко запомним, что собираются сделать немцы с нашей страной, с ее населением, и предъявим строгий счет зарвавшимся бандитам.

А пока что будем бить немецких захватчиков, пробравшихся на нашу землю, бить крепко.

4. ПЛАНЫ НЕМЕЦКИХ ФАШИСТОВ ПРОВАЛИЛИСЬ!

Какова армия, которую Гитлер бросил на завоевание Советского Союза?

Эта армия огромна по своей численности. Она располагала в момент вторжения большим количеством механизированных частей с хорошим вооружением и с большим наличием боеприпасов. Командование и весь армейский аппарат были хорошо натренированы передвижениями больших воинских частей в период войны в Западной Европе и на Балканах. Распропагандированные в фашистском духе, вышколенные и наиболее оголтелые части армии, избалованные легкими победами, были приучены к военным грабёжам, разгону и произволу. Для них война — это свободный грабёж, «организация» из награбленного посылок на родину.

Гитлеровская Германия готовилась к войне молниеносной, скоротечной. Как боевые средства, так и людей фашисты подготавливали для нанесения первого сокрушительного удара, который, если бы и не привёл к окончательному поражению СССР, то, тем не менее, дезорганизовал бы, ошарашил, ослабил его волю к сопротивлению.

Солдаты фашистской армии были взвинчены гитлеровской агитацией до последней степени. Война с Советским Союзом представлялась им как легкая военная прогулка, рассчитанная самое большее на два-три месяца.

Это хорошо видно из писем солдат и офицеров с фронта. Солдат Курт Фукс, например, пишет в своем дневнике за 22 июня 1941 года: «Сегодня в 3 ч. 30 м. утра немецкие войска вступили в Россию. Мы вступили восьмой волной». Передовые части, следовательно, вступили еще раньше. «Майор Мюллер,—продолжает Курт Фукс,—рассчитывает, что война с Россией продлится 3 месяца. Таким образом, для нас — на 3 месяца запрещение отпусков. Будем надеяться, что мы вернемся из России невредимыми».

В дневнике одного убитого офицера, очевидно в высоком чине, читаем в записи за 26 июля: «Все снова и снова возникает тот же вопрос: как долго еще? Город находится под огнем тяжелой артиллерии. Наша ведет заградительный огонь, но часто дает недолеты. Русские подвели свои батареи очень близко и садят так, что скоро все будет снесено. Война должна продолжаться еще всего 5 дней. Плохое утешение!».

Офицер, как видно, иронически записывал — осталось пять дней до окончания войны, т.е. подходят те шесть недель — срок, в который немцы собирались окончить войну с нами. Это подтверждается и следующей записью офицера за 27 июля, из которой видно, что генерал удлиняет срок окончания войны еще на пять дней: «Лейтенант Рейнс возвращается из полка и говорит, что о том, чтобы выйти из войны, не может быть и речи. Часть не должна узнать это сейчас; а так как генерал, как нарочно, сказал однажды 3-й роте, что это будет продолжаться еще 10 дней, настроение лучше не станет».

Армии германского фашизма очень скоро убедились в невозможности скорой и легкой победы в СССР. С первых же дней войны фашисты встретили упорное сопротивление Красной Армии.

В речи по радио 3 июля 1941 года товарищ Сталин справедливо заявил, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Тем не менее, в результате героического сопротивления Красной Армии лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации оказались разбитыми.

Некоторые задают вопрос, почему наша армия отступала; неужели у нас меньше вооружения или оно хуже немецкого, неужели промышленность Германии работает лучше нашей. Вопросы законные, но все-таки до конца не продуманы. Что наша промышленность работает хорошо, лучше всего известно нашему врагу, испытывающему это на своей шкуре.

Готовясь к захватнической войне, фашисты готовили огромное количество боевых средств. Все хозяйство Германии на протяжении многих лет обслуживало нужды армии. Немцы, кроме того, ограбили большинство европейских стран, ресурсы и промышленность которых также подчинили целям подготовки войны против СССР. Мы же готовились к обороне от возможного на нас нападения. Советское Правительство, готовясь к обороне, не ослабляло усилий к поднятию материального и культурного благосостояния народа. Но есть и другая причина: СССР в короткие сроки заново создал свою промышленную базу, в то время как в Германии фашисты располагали такой базой с самого начала прихода к власти.

Надо принять во внимание и то, что фашисты были нападающей стороной, значит, они могли всегда, на том или ином участке фронта, сконцентрировать преобладающие силы. Стране защищающейся трудно, почти невозможно повсюду на протяжении двух с лишним тысяч километров фронта иметь везде достаточные для противодействия военные силы. В этом отношении нападающая сторона имеет большое преимущество, которое фашистское командование и стремилось максимально использовать, продвигаясь по путям наименьшего сопротивления.

Наше Правительство и военное командование считались с возможностью нападения на СССР со стороны Германии и к нему готовились. Однако существовал договор о ненападении между СССР и Германией, который к чему-нибудь обязывал договаривающиеся стороны. Советское Правительство делало со своей стороны все, чтобы лояльно выполнять договор с Германией.

Одна из причин отступления Красной Армии и потери наших территорий, если отвлечься от той причины, на которую указал товарищ Сталин в докладе 6 ноября 1941 года, а именно — отсутствие второго фронта в Европе, заключается во внезапности нападения на нас по фронту в две с лишним тысячи километров развернутой в боевой порядок армии, поддержанной тысячами танков и самолетов. Наша же армия свой боевой порядок должна была строить в процессе отпора наступлению врага, т.е. находилась в самом неблагоприятном положе-

нии. Если бы даже все части и командиры Красной Армии были идеальны в военном отношении, внезапность нападения дала бы значительные военные преимущества нападающей стороне. Даже в процессе военных действий, где бдительность особенно обострена, где неослабно следит за действиями противника разведка, все же успех атаки в огромной степени зависит от внезапности. Фашисты на этом тактическом преимуществе начала войны с нами в значительной мере и строили свой план быстрого окончания войны.

Красная Армия своей беззаветной преданностью родине, исключительной храбростью и благодаря все увеличивающемуся опыту в борьбе с немцами, с их тактикой и повадками, нанесла огромные потери германским войскам и их материальной части. Война все более принимала характер встречного боя, хотя инициатива и находилась в руках немцев. Правда, пределы и возможности инициативы германской армии все суживались и суживаются, а политический фактор, на который указывал в своих выступлениях товарищ Сталин, начинает производить все большее воздействие на успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Немецкое командование кичится, что оно планомерно ведет военные операции. Нельзя отрицать, что организованность и некоторая плановость в их военных операциях наблюдается; но она не должна ослеплять нас. В немецкие планы и предположения ведения войны контрудары и контрнаступления нашей армии внесли столько поправок, что по существу от планов германского командования ничего не осталось.

План № 1 — быть в Москве через три недели с начала войны. Это не предположение или фантазия отдельных фашистских голов, а план, выработанный заранее в спокойной обстановке, в недрах военного штаба. Как известно, этот план провалился.

План № 2 — быть в Москве через шесть недель. И этот расчет, тоже исходящий из военных кругов, потерпел неудачу.

План № 3 — быть в Москве через три месяца. Следует сказать, что в выполнение этого плана, между прочим, верили и многие профашистские элементы за пределами Германии. Как и первые, этот план также не удался германскому командованию.

План № 4. Об этом плане захвата Москвы Гитлер прокламировал на весь мир в приказе по армии и в своей речи 3 октября 1941 года. Он хвастливо заявил, что началось наступление, для подготовки которого сделано все, что возможно в человеческих силах, что за несколько недель три основных промышленных района СССР будут полностью в его руках. Это наступление, по плану Гитлера, будет последнее и решающее, оно принесет победу и создаст важнейшую предпосылку для мира. Ясно, что Гитлер мечтал к концу октября быть в Москве.

Факты — упрямая вещь. Предположение командования и вождя Гитлера и на этот раз не сбылись. Начатое им в октябре наступление, силу которого никак нельзя недооценивать, захлебнулось. Встретив

упорную оборону под Москвой, немцы понесли огромные потери в людях и в материальной части. Потребовалась подготовка нового наступления на Москву, подтягивание свежих резервов.

Наступление на Москву, начатое 16 ноября 1941 года, обошлось немцам исключительно дорого. План окружения и захвата Москвы закончился для германского командования провалом, немецкая армия на подступах к Москве потерпела жестокое поражение, которое с каждым днем принимает все большие размеры.

Первое сильное поражение наши войска нанесли немецкой армии на Южном участке фронта, под Ростовом. Здесь была разбита одна из сильных немецких войсковых группировок генерала Клейста. Немцы понесли значительные потери убитыми, ранеными, пленными, а часть немецких солдат просто разбежалась. Основательно потрепана материальная часть немецкой армии: нами захвачено большое количество танков, автомашин, пушек, пулеметов, винтовок и другого военного снаряжения. Освобождены от фашистских захватчиков значительные территории.

Фашистская пресса, при захвате немцами Ростова, по заданию свыше, стремилась раздуть свои успехи на Южном фронте, заявляя, что Донбасс, дескать, с производственной стороны куда важнее, чем Московское направление. Разумеется, Донбасс для нас имеет большое значение. После же потери Ростова немцы начали говорить, что успех войны зависит от победы на решающем фронте, т.-е. на Западном, под Москвой. Это правильно, что бои под Москвой имеют решающее значение и последствия их, пожалуй, для Гитлера смертельны. Во всяком случае Красная Армия приложит все усилия, чтобы сделать их смертельными для германской армии.

Большое значение в цепи военных успехов Красной Армии в ноябредектябре имеет разгром крупной группы фашистских войск генерала Шмидта на Севере, под Тихвином, и нескольких вражеских дивизий на Юго-Западном фронте, под Ельцом.

Как бы осторожно ни расценивать успехи Красной Армии под Москвой и на других участках фронта за последние два месяца, можно с уверенностью сказать, что хребет германской армии надломлен. Фашистская армия только в боях под Москвой с 16 ноября по 10 декабря 1941 года потеряла больше 85.000 убитыми и огромное количество материальной части. И эти потери растут с каждым днем на всех фронтах.

Моральное состояние немецкой армии падает; физическая усталость, измотанность ведет к падению стойкости ее частей в бою. Германская армия является теперь не той армией, которую бросил против нас Гитлер в начале войны.

Гитлер обещал солдатам немецкой армии скорую и легкую победу над СССР. Вместо этого — неисчислимые жертвы и нечеловеческие трудности. Немецкий солдат все более и более убеждается в бесперспективности войны против СССР, где он встречает все возрастающие по своей силе удары Красной Армии.

Сейчас из рядов немецкой армии все больше и сильнее слышатся голоса о трудностях войны на Востоке, о том, когда же она кончится. Редко теперь можно встретить письмо немецкого солдата, в котором не высказывались бы горькие признания в трудности и безнадежности войны на Восточном фронте.

Немецкий солдат Реймунд Хейн 25 октября 1941 года писал своей жене: «Я могу только сказать, что лучше 10 лет воевать во Франции, чем один год в России». Солдат Симон Баумер в это же время писал своим родным: «Наше продвижение к Москве стоит нам огромного количества убитых и раненых. Русские оказывают дьявольское сопротивление. Только в походе мы узнали, что нет врага более упорного, чем русские. Если пройдет еще полгода — мы пропали».

Германское командование угрожало в свое время тем, что оно не даст нам передышки, что наступательные темпы немецкой армии зимой не уменьшатся. После полученных ударов под Москвой и на других участках фронта тон гитлеровских заправил резко изменился. Теперь они говорят уже о «планомерном отводе» своих войск на зимние квартиры, что значит расписаться в провале своих планов.

Несомненно, подступы к Москве стали тем местом, где положено начало разгрома армий германского фашизма.

В результате успешных операций наших войск на подступах к Москве фашистская армия основательно надломлена и не только в результате огромных потерь людьми и материальными средствами, но и морально. Надломлена — не значит сломлена. Перед Красной Армией и всеми народами СССР стоят еще труднейшие задачи в дальнейшей борьбе с германской военной машиной.

Наша армия, хотя и с ожесточенными боями и с сильными контратаками, все же отступала. Население обостренно переживало потерю наших сел и городов. Чувство ненависти к врагу с каждым днем повышалось; росло чувство обиды за оскорбленную национальную гордость, национальное самолюбие, за то, что немцы топчут советскую землю.

В прошлых войнах русской армии не раз приходилось отступать, а в конечном счете она была врага. Были отступления и Красной Армией в гражданскую войну. Серьезным было положение, когда немецкие империалисты оккупировали в 1918 году Украину. Ленин говорил тогда: «Войну надо вести по настоящему... Середины тут быть не может. Раз нам германские империалисты ее навязывают, наша священная обязанность трезво оценить наше положение, учесть силы, проверить хозяйственный механизм. Все это должно делаться со скоростью военного времени, ибо всякое промедление в нашем теперешнем положении поистине «смерти подобно». Ганнибал у ворот, — об этом мы не должны забывать ни на минуту».

Призыв товарища Сталина к отечественной войне означает не только организацию борьбы партизан, но и участие всего гражданского на-

селения в защите своих родных мест. Разумеется, лучшими организаторами местного населения для борьбы с немецкими захватчиками являются командиры оперирующих частей Красной Армии при всесторонней поддержке местных партийных и советских руководителей. Ничто так не изматывает, не деморализует армию врага, как самоотверженная совместная борьба населения с частями Красной Армии. Можно перечислить десятки городов, где при стойком сопротивлении населения фашисты понесли огромные потери. С ослаблением фашистской армии, с ухудшением ее морального состояния возможность такого сопротивления и его эффективность увеличились.

Наша армия борется с очень сильным противником. Несмотря на бешеные натиски врага, даже при отступлении наших частей, моральное состояние, боеспособность Красной Армии росли изо дня в день. В этом залог нашей победы.

Когда мы произносим слово война, мы все же не полностью воспринимаем и осознаем это слово. Война больше у нас ассоциируется с гибелью близких людей, с разрушениями, со связанными с войной невзгодами, эвакуациями и т. д. Но ведь это одна сторона войны, а именно — воздействие вражеских сил на нас, на нашу сопротивляемость. С другой стороны, и это каждому понятно, что чем больше наша сопротивляемость и чем сильнее наносит наша армия удары по вражеским частям, тем меньше разрушений, меньше человеческих жертв среди гражданского населения, меньше эвакуационных и других невзгод.

Врага непосредственно бьет армия, своей численностью, искусством маневрирования и умелого использования имеющихся у нее боевых средств. При приблизительном равенстве людских сил, боевые средства являются, пожалуй, решающими. Значит, чтобы победить, требуется в первую очередь колоссальное количество вооружения, боеприпасов и других материальных средств для армии. Эта сторона войны, а именно — способность тыла снабжать армию всеми необходимыми ей для борьбы средствами, является важнейшей.

Если скоротечная, так называемая молниеносная, война требует концентрации всех наличных сил для нанесения в начале же войны решающего удара, то война затяжная требует непрерывного снабжения армии в течение длительного времени. В этом случае война идет на истощение сил народа, на упадок его морального состояния.

Фашисты хотели разбить СССР одним начальным, оглушительным ударом. Это не вышло. Наша армия оказалась не в силах отбить первый удар и погнать врага по его территории, но она оказалась настолько сильной, что, непрерывно отбиваясь, систематически задерживала неприятеля на выгодных рубежах, нанося ему огромные потери. Красная Армия, обороняясь, выматывала врага, благодаря чему война сделалась, вопреки немецким планам, затяжной и более изнурительной для фашистской Германии.

Разумеется, затяжка войны требует большого напряжения сил и средств как Красной Армии, так и всего нашего народа. Но она дает нам время и возможность, защищая рубежи, накапливать силы, использовать материальную поддержку союзников, подготовиться к решающим битвам.

Фашистам не улыбается свою армию пополнять резервистами из народа, ибо с ними проникает в армию и недовольство тяготами войны, скрытая оппозиционность германских масс к фашистской политике. Моральное состояние немецкой армии неумолимо и все более ускоренными темпами будет понижаться. Этому будет способствовать, да уже и способствует, слабая военная подготовка резервистов и, несомненно, их меньшая выносливость. Главное же — то, что немецкого солдата, не прошедшего фашистской муштры и «идеологической» обработки, не могут привлекать захватнические цели фашистских законов.

Затяжка войны больно ударяет по германскому народу. Два года Гитлер воевал, используя запасы и занимаясь грабежом оккупированных стран. Кое-что из награбленного перепало и родственникам солдат. Конечно, это несколько не обогащало и не смягчало нужду германского населения, но оно давало некую зацепку для фашистской агитации, умиротворяло кое-кого из обывателей.

Русский же фронт даже в своей начальной стадии для немцев имел лишь тяжелые и неприятные стороны — огромное число убитых и потоки раненых. Накопленные и награбленные военные запасы Гитлера иссякают. С каждой неделей войны Восточный фронт будет все больше требовать материальных средств непосредственно от германского народа. Вооружение, боеприпасы, обмундирование и питание огромной армии даст себя мучительно почувствовать немцам. Думать, что немецкая армия проживет грабежом, — необоснованная иллюзия Гитлера. Какие бы фокусы ни предпринимало германское командование, Гитлеру приходится раздевать германский народ, вырывать у него последний кусок хлеба. В этом суть затяжной войны, в этом неизбежность поражения фашизма.

Но надо твердо знать, что победа не упадет нам с неба, как манна небесная в библейские времена. Победу надо взять, взять в жестоком, беспощадном бою, при напряжении всех народных сил.

Война требует колоссальных средств, и требования на них с каждым днем будут увеличиваться. Армия на фронте и новые формирования требуют вооружения. В непрерывных боях производится огромное расходование боеприпасов. Все, кто работают по производству вооружения и боеприпасов, несут величайшую ответственность перед страной, перед Красной Армией. Каждый, кто тормозит, кто задерживает по халатности или беспечности выпуск военной продукции, тот совершает преступление перед страной, становится невольным помощником врага.

Каждый честный производственник, болеющий душой за свою родину, должен забыть об отдыхе, о трудных условиях и обстановке в работе. У каждого должна господствовать одна мысль — больше изделий и лучшего качества при максимальной экономии сырья. Творческая мысль рационализаторов производства, изобретателей новых видов боевых средств должна быть обострена до высшей степени.

Фронт — большой потребитель таких предметов, как одежда, белье, предметы гигиены, табак, папиросы. Наше население не может сетовать, когда Правительство снабжает этими предметами в первую очередь Красную Армию. Принимая во внимание, что часть легкой и местной промышленности, находившаяся на территории, занятой врагом, выпала из производства, необходимо максимально усилить производство этих предметов на действующих предприятиях, чтобы не только восполнить, но по возможности перекрыть выпуск столь нужных для Красной Армии предметов.

Большие и ответственные задачи лежат на колхозниках, на руководителях местной власти. Предметы питания являются важнейшим элементом в войне. Руководители восточных областей, на которых сейчас базируются тылы нашей армии, должны зарубить себе на носу, что время относительной беспечности, возможности плыть по течению, плестись в хвосте миновало. Если раньше восточные области и могли еще давать показатели «по мере возможности», то теперь, когда они стали основными базами производства зерна и всех других сельскохозяйственных продуктов, такая работа нетерпима. Надо признаться, в этих областях легко относиться к потерям при уборке; теперь этого больше нельзя. Люди, допускающие небрежность, нерадивость, непонимание того, что хлеб есть продукт, так же необходимый для войны, такие люди должны рассматриваться и караться как невольные пособники врагу. Люди в своей бездеятельности и беспечности всегда склонны ссылаться на объективные причины; ведь при желании в каждом промахе руководителя можно отыскать какую-либо объективную причину.

Наша армия борется с сильным противником. Однако, она находит возможность оказывать врагу упорное сопротивление, наносить ему жестокие удары. Колхозники находятся также на фронте, хотя этот фронт и в глубоком тылу, хотя в руках колхозников не винтовки, а сельскохозяйственные орудия. Каждый должен проникнуться сознанием того, что, как и на фронте, в тылу не может быть объективных причин, мешающих нам своевременно справляться с сельскохозяйственными работами, добросовестно выполнять обязательства перед советским государством.

Каждый председатель колхоза, каждый бригадир должен безусловно выполнить план сельскохозяйственных работ будущего года, исходя из того, чтобы земля была полностью использована, чтобы были приложены все силы к получению максимального урожая, чтобы

были использованы в производительной работе все наличные рабочие силы, в том числе и поселившиеся в колхозе эвакуированные жители занятых немцами областей. Сейчас бездельников, где бы это ни было, не должно быть. Колхозники всех областей не должны забывать, что победа завоевывается не только армией, но и на полях продуктивной работой всех колхозников и колхозниц. В этом суть народной отечественной войны.

В газете «Волжская Коммуна» 22 ноября 1941 года помещена заметка о работе животноводческих ферм в колхозе «Могучий пахарь», Чалаевского района, Куйбышевской области. В корреспонденции имеется между прочим такое место: «Раньше у нас было шесть доярок, теперь управляются три. На свиноферме работает одна Вера Федоровна Стенькина, овцеводческую ферму обслуживает чабан Иван Ильич Королев, которому помогает его жена. Они исполняют обязанности ночного сторожа и сами подвозят корма. Эти люди готовы на любой труд, на любые жертвы, чтобы помочь Красной Армии разгромить заклятого врага».

Только так и могут относиться к своим обязанностям, к труду настоящие патриоты.

В ответ на призыв нашего Правительства, на призыв товарища Сталина — все подчинить задаче разгрома ненавистного врага — советский народ ответил героическими делами на трудовом фронте, самоотверженной работой на предприятиях, на транспорте, в колхозах, широкой помощью Красной Армии.

С самого начала войны потекли добровольные денежные поступления от населения в фонд обороны страны. Уже к 1 ноября 1941 года в фонд обороны поступило по стране около миллиарда рублей деньгами и около 1 миллиарда 300 миллионов рублей облигациями государственных займов. Много внесли трудящиеся платины, золота, серебра, драгоценностей и иностранной валюты.

Я не могу не привести одного факта, который красноречивее всяких слов говорит о высоком патриотизме советских людей.

В Марийской области, Тахтабазарского района, в колхозе «Кзыл-Кошун» («Красная Армия»), колхозницы в фонд обороны собрали 82 килограмма озолоченного серебра. Руководство республики юпасалось, не было ли в этом колхозе допущено какого-либо понуждения. Для проверки, по поручению руководящих органов республики, в колхоз «Кзыл-Кошун» выезжал тов. Бердыев А. Б. — Председатель Президиума Верховного Совета Туркменской ССР. Ознакомление на месте показало, что пожертвования на оборону были сделаны добровольно, без какого-либо давления со стороны местных руководителей. Колхозницы заявляли: «лишь бы разбить врага, а украшения мы всегда приобретем».

Население городов и сел Советского Союза, на основе добровольной помощи, приняло широкое участие в обеспечении Красной Армии

теплыми вещами. Только за сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы 1941 года поступило от рабочих, служащих, колхозников и интеллигенции 1.174.972 пары валенок, 2.767.232 килограмма шерсти, 523.107 полшубков, 2.062.706 овчин, 2.245.115 пар шерстяных перчаток, варежек и меховых рукавиц, 2.297.638 пар шерстяных носков, чулок и шерстяных портянок, 1.429.048 штук теплого белья, свитеров и фуфаек, 1.333.360 шапок-ушанок, 1.293.818 курток и шароваров ватных. В большом количестве поступили белье, гимнастерки, мануфактура, кожаная обувь и другие предметы.

Помощь населения фронту, своей родной Красной Армии, высокое чувство патриотизма советских людей проявляются в самых разнообразных формах.

5. СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

Великие идеи Ленина—Сталина являются могучим фактором единства и сплочения советского народа, его героизма и самоотверженности. Под знаменем Ленина—Сталина, под руководством коммунистической партии была завоевана Советская власть и происходила творческая, созидательная работа нашего народа в годы мирного строительства; под этим знаменем мы ведем борьбу с империалистическим агрессором — немецким фашизмом — и обеспечим победу над ним.

Вопреки желанию нашего Правительства, желанию народа, нам навязали войну, войну кровавую и жестокую. Мы ведем войну с самой сильной в мире армией, с самым бесчеловечным врагом советского народа, с врагом, заветная мечта которого стереть с лица земли славян и в первую очередь русских.

Немецкие фашисты нам навязали драку; им уже от нее нездоровится. Что же, приложим все, что в наших силах, а силы у нас есть, чтобы разбить врага. Ни одного оккупанта-фашиста не оставим на нашей советской земле! Такова воля вождя, но ведь она является и острой мыслью, желанием всего советского народа. Смерть оккупантам!

Горький — великий патриот

А. ЕГОЛИН

★

Прочитав поэму М. Горького «Девушка и Смерть», товарищ Сталин заметил: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (любовь побеждает смерть)».

В этих немногих словах товарища Сталина определен смысл деятельности Горького, как подлинного гуманиста, боровшегося за победу торжества жизни над смертью, любви над злом.

«Девушка и Смерть» написана Горьким в 1892 году, т.-е. в первом году его творчества. И вся последующая деятельность писателя до последнего слова была направлена на прославление человека.

Гениальные мысли А. М. Горького о фашизме, его страстные, огненные речи против современных людоедов являются действенным оружием в нашей освободительной борьбе.

Десятки пламенных статей, воззваний Горького, обращенных к рабочим и крестьянам, к писателям и ученым, к женщинам и молодежи, играли и играют огромную роль в мировой борьбе против фашизма.

Он разоблачал гнуснейших из насильников, омерзительных варваров современности — германских фашистов.

«...фашизм, — писал Горький, — по сути его, является организацией отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей... Вышеназванные мерзавцы и подлецы... озабочены расширением и

укреплением наглого и откровенного деспотизма, небывалого по бесчеловечию порабощения трудового народа. Термины «подлецы» и «мерзавцы» я употребляю только потому, что не нахожу более сильных»¹.

Горькому принадлежала руководящая роль в борьбе прогрессивной интеллигенции с фашизмом. Писатель, чье имя было овеяно мировой славой, являлся одним из крупнейших организаторов антифашистского фронта. За Горьким следовали передовые деятели науки, искусства и литературы Запада, спланиваясь и объединяясь в общий отряд борцов против фашизма.

Фашисты стремятся овладеть мировой гегемонией, чтобы истребить, по плану людоеда Гитлера, ненавистные им народы.

«Новый порядок» фашистов предусматривает «иерархический строй» (Горький), возглавляемый стопроцентной арийской аристократией во главе с бандой Гитлера, ниже которой идут крупные немецкие буржуа, а под ними, в самом низу, кишат, по выражению Гитлера, «недочеловеки», люди, подлежащие стерилизации, не имеющие права на образование своего потомства.

В центре творческого внимания Горького стоял человек. Любимыми слова-

¹ М. Горький, «О формализме», сб. «О литературе». 1937 г., стр. 432.

ми писателя были: «Человек — это звучит гордо!»

Фашистские варвары осквернили имя человека — самое святое, в глазах Горького, звание на земле. Поэтому он не считает фашистов за людей, именуя этих выродков «человекоподобными», «двуногими зверями».

ГОРЬКИЙ И НАРОД

Горький народный писатель. Он обладал особой остротой социального зрения.

Благородное чувство национальной гордости пронизывает все великие произведения Горького. Беззаветная вера в русский народ вдохновила писателя на создание изумительных образов народных героев и героинь.

Горьковские положительные герои, начиная с романтического Данко, до конца самоотверженны, всегда готовы к подвигу во имя любви к людям.

Наша эпоха создала возможность расцвета лучших свойств человека — идейности, отваги, доблести.

Писатель с восхищением говорил о свободной деятельности людей в СССР. Сокровенные мечты писателя нашли свое осуществление в наше время.

Горький верил в народ, как непобедимую силу, как источник энергии. Он говорил: «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, — он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»¹.

Все творчество Горького было направлено к тому, чтобы выпрямить угнетенного человека.

Чтобы вернуть родину ее народу, надо было отвоевать Россию у богатых для бедных. Художественное творчество и общественно-политическая деятельность Горького насыщена тем чувством любви к родине, о котором писал

Ленин: «Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями»¹.

Патриотическое чувство поднимает народ и против национального, и против классового угнетения. Лучших сынов народа всегда характеризовала беззаветная любовь к родине.

В статье «О национальной гордости великороссов» Ленин говорит:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет. Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, какими насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты.

... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм...»².

Горький — великий патриот своей родины.

Он упрекает некоторых русских писателей за недооценку ими сил русского народа. Горький горячо протестует, что классическая литература иногда не замечала людей большого дела среди русских. Он возражает Гончарову и Тургеневу, которые людей сильной воли искали среди иностранцев.

Во многих его произведениях содержатся изумительные характеристики русского народа.

Горький пишет: «Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливый, своеобразный... Я думаю, что когда этот удивительный народ отлучается от всего, что изнутри тяготит его и путает его, когда он начнет работать с полным сознанием культурного и, так сказать, религиозного, весь мир связующего, значения труда — он будет жить сказочно героической жизнью

¹ М. Горький. «Разрушение личности» («Очерки философии коллективизма», сборник 1, 1909 г.)

¹ В. И. Ленин. Соч., том XXIII, стр. 290.

² В. И. Ленин. Соч., том XVIII, стр. 81.

и многому научит этот и уставший, и обезумевший от преступлений мир»¹.

Горький звал к подвигу, к самопожертвованию.

Он больше всего ценил в русском народе активное начало, «привычку к труду благородную» (Некрасов), ценил стремление и способность добиться своего путем революционного переворота.

В 1908 году он писал:

«Верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческие силы. Помогай ему подняться с колен, иди к нему, иди с ним»².

Горький призывал советских писателей воспитывать в народе любовь к родине, верность интересам народа и великой партии Ленина—Сталина.

«Мы живем в счастливой стране, где есть кого любить и уважать. У нас любовь к человеку должна возникнуть — и возникнет — из чувства удивления передо творческой энергией, из взаимного уважения людей к их безграничной, рудовой коллективной силе, создающей социалистические формы жизни, из любви к партии, которая является вожем трудового народа всей страны и чителем пролетариев всех стран»³.

БОРЬБА ЗА ЧЕЛОВЕКА

Висполинской фигуре Максима Горького воплотилось творческое вдохновение идущих к победе народных масс России.

Среди писателей мало было таких, которые были бы так кровно связаны народом, как Горький.

Благодаря своей гениальности и напорчивому труду Горький со «дна» жизни соколом взвился на вершины общественной жизни и культуры.

В отличие от многих выходцев из народа, Горький не отвернулся от «низов», не ушел от массы, не порвал с народом. Горький стал рупором народной массы, защитником и выразителем интересов.

¹ М. Горький. Соч., том XIX, стр. 180.

² М. Горький. Статьи, 1905—1916 гг., стр. 52.

³ М. Горький. «О литературе», статья «О социалистическом реализме», стр. 350.

Горький прошел суровую школу борьбы и лишений плечом к плечу с рабочим классом, с партией Ленина—Сталина. Он выступил с первыми своими произведениями, когда партия пролетариата еще только начинала формироваться. Первый его рассказ «Макар Чудра» напечатан в тифлисской газете «Кавказ» в 1892 году. Неправы те критики, которые говорят, что Горький был в первое десятилетие своего творчества писателем без направления. Это утверждение абсолютно ложно. Горький с первых же шагов своей литературной деятельности стал певцом революционного народа молодой России.

Уже в 1901 году Ленин в статье «Начало демонстраций» отмечает благотворное влияние Горького на массовое рабочее движение: «Возбуждение повсюду растет и необходимость соединить его в один поток против самодержавия, сеющего везде произвол, угнетение и насилие, становится все настоятельней. В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7 ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло... в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас..., а мы заявляем, что это было хорошее влияние...»

В романтических образах Сокола, Буревестника, героев сказок и легенд Горький отразил революционное пробуждение народа в России.

Образ человека, стремящегося к свободе, разрывающего оковы, привлекает внимание Горького. Воспевая гордого и сильного человека, писатель звал к подвигу, к борьбе и победе. Вслед за революционным писателем вся сознательная Россия повторяла его громкий призыв:

«— Буря. Скоро грянет буря.

Это смелый буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря».

Горький в ряде произведений воспекает зреющую бурю. Писатель чутко

уловил и выразил настроение передовой части русского общества.

Горький «безумство храбрых» провозгласил «мудростью жизни» и заклеил ползающих по земле «ужей».

Романтический пафос Горького — отражение революционной идеологии народа России. Писатель дал проникновенное определение своего романтизма, как «активного романтизма», потому что он «стремится усилить волю человека к жизни, возбудить в нем мятеж против действительности, против всякого гнета ее»¹.

Ленин в «Уроках Московского востания» писал: «Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу»².

Недаром Ленин так высоко ценил художественные произведения раннего Горького, прося его присылать для партийной печати сказки, рассказы.

Широкие рабочие массы с огромной любовью относились к произведениям Горького, так как в них были выражены те чувства, которыми они жили сами.

Большим умом и чутким сердцем истинного художника он понял, что новое, освобожденное человечество рождается в борьбе. Горький отлично знал, что процесс формирования нового человека связан с непримиримой и беспощадной борьбой с самодержавным строем.

В самом крупном произведении начального этапа своего творчества, в романе «Фома Гордеев», Горький создал образ бунтаря из среды господствующих общественных групп. Фома Гордеев не удовлетворен настоящим. Он говорит о хищничестве, о мерзости, которую вносят в жизнь угнетатели: «Вы не жизнь устроили, — вы помойную яму сделали, грязищу и духоту развели вы делами своими. Чужой силой живете, чужими руками работаете...»

Прекрасна в романе сцена с хоровой песней рабочих. Рабочие у костра

¹ М. Горький. «О литературе», изд. 1937 г., стр. 203.

² В. И. Ленин. Соч., том X, стр. 53.

«громко и сильно» поют, — их песня разливалась «широкой и бодрой волной в ночном свежем воздухе». Эта сцена подчеркивает силу и мощь нашего народа: «Будущее — ваше, друзья мои... Великая работа принадлежит вам».

Под знаменем большевизма, в тесном контакте с Лениным, Горький энергично участвует в прессе большевиков. Он неустанно борется против нитья, ренегатства, богемщины.

Самым замечательным произведением, где дана в ярких красках картина революционного движения, является, несомненно, повесть «Мать» (1906—1907 год). Горький в этом изумительном своем создании обобщил и в ряде образов показал смысл, значение и конкретные формы разворачивающейся борьбы.

Эта бодрая книга написана в годы отлива общественного движения, в годы ската революционной волны.

В. И. Ленин, прочитав эту книгу, дал ей высокую оценку: «Книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочтут «Мать» с большой пользой для себя»¹.

Повесть «Мать» пророчески определила роль русских в международном демократическом движении. В этой повести содержатся слова: «Россия будет самой яркой демократией земли». Слова Горького сбылись. СССР является подлинно демократической страной мира.

Горький устами Ниловны произносит вдохновенные слова беззаветной веры в победу революции: «Не зальют кровью разума...» «Морями крови не угасят правды».

После победы Великой Социалистической революции Горький активно участвует в культурном строительстве Советского государства. Он помогает ученым и писателям ориентироваться в новой обстановке, понять исключительное значение Октябрьской революции.

Горький проводил в области художественной литературы идеи Ленина и Сталина, был их соратником в великом деле освобождения трудящихся.

¹ М. Горький. Собр. соч., т. XXII, стр. 190.

Великий писатель говорил, что смысл жизни — в службе революции, иного смысла в жизни он не видел.

В Горьком было исключительно сильно развито «чувство нового». «Чувство нового», — говорил товарищ Сталин на XVIII съезде нашей партии, — драгоценное качество каждого большевистского работника». Оно необыкновенно расширяло кругозор писателя и усиливало его социальную зоркость. В этом именно и кроется сила горьковского реализма, дар наблюдать и чувствовать ростки будущего там, где другие этого не видели.

На заре своей деятельности Горький (в «Старухе Изергиль») высказал мысль, ставшую отправной во всем дальнейшем его творчестве: «...Когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдет, где это можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам».

Выступая на торжественном заседании пленума Тбилисского совета 27 июня 1928 года, А. М. Горький сказал: «Товарищи! Меня сегодня назвали счастливым человеком. Это правильно, перед вами действительно счастливый человек, в жизни которого осуществились лучшие его мечтания, лучшие его надежды. Смутные мечтания, может быть, неясные надежды, может быть, но именно те надежды, те мечтания, которыми я жил.

Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть, каким он стоит перед вами, тем писателем, которого вы так преувеличенно чтите, которого так любите, заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире.»

А. М. Горький впервые показал труженика большим человеком, гордым и смелым, настоящим хозяином вселенной.

В речи на суде Павла Власова писатель высказывал народные надежды на

победу революции: «Социализм соединяет разрушенный вами мир во единое великое целое, и это — будет».

ГОРЬКИЙ О ФАШИЗМЕ

Пламенным призывом к мобилизационной готовности насыщено все творчество Горького. Имя великого писателя было и навсегда останется знаменем прогресса.

Еще в дореволюционные годы Горький возвысил свой голос против расовой вражды.

В 1912 году он писал: «Должны ли мы, социалисты, люди искренно верующие, что весь мир может и будет жить братской жизнью, — должны ли мы допускать, чтобы жадные и глупые люди способствовали развитию расовой вражды, которая может встать на пути социализма мрачной и крепкой стеною?»¹.

Но особенно часто Горький выступал против проповедников расовой и племенной ненависти в последние годы своей жизни.

Великий гуманист и друг человечества неустанно разоблачал изуверскую «расовую теорию» фашистских маньяков о «мировом господстве», волчий «закон» хищников, разделяющий людей на низшие расы — рабов и высшие — «господ» немцев.

В 1934 году Горький писал: «Сегодня они проповедают — и уже осуществляют на подлой практике — антисемитизм, завтра возвратятся к проповеди антиславянизма, вспомнив постыдное мнение о славянах Момзена, Трейчке и других, и забыв о том, сколько талантливых людей дали немецкой культуре поляки, поморяне, чехи»².

Писатель прекрасно понимал движущие пружины фашизма, этой «раковой опухолью», представляющей «гниение и распад» какой-то части современного общества. Горький замечал: «Удовлетворяя стремление хозяина-империалиста к новому «переделу мира» посредством новой всемирной, бойни, фашизм

¹ «Известия», 1937 г., 18 июня.

² М. Горький. «Пролетарский гуманизм», «Правда», 23 мая 1934 г.

выдвинул теорию права германской расы на власть во всем мире, над всеми расами. Эта давно забытая идея большого Фридриха Ницше о приоритете «белокурой бестии» исходит из факта порабощения рыжими и светловолосыми...»¹.

Певец свободного человека-творца естественно должен был заклеить фашизм, несущий народам одичание, голод, кровавые пытки, неслыханные в истории человечества бедствия.

Горький говорил: «Гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мещанству, к власти паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса, ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей»².

Речи писателя звучали на весь мир набатом, призывающим честных людей «ненавидеть этих одичавших, неизлечимых дегенератов-выродков человечества, эту безответственную международную шайку явных преступников, которые наверняка попробуют натравить свой «народ» и на государство строящегося социализма»³.

Еще до прихода к власти Гитлера, в статье «О «солдатских идеях», написанной в 1932 году, Горький ставит вопрос о происхождении «идей» фашизма. Писатель доказывает, что эти «солдатские идеи» далеко не новы, истоки их можно проследить в книгах Генриха Трейчке и Фридриха Ницше. «Проводником этих идей является Бенито Муссолини. В статье, написанной им для «Итальянской энциклопедии», он пользуется всеми установками душевнобольного Ницше, его проповедью «любви к дальнему», презрительно отрицает идею братства народов и социального равенства человеческих единиц, отрицает, конечно, и права большинства на власть... Муссолини приветствует и восхваляет войну».

С неподражаемым сарказмом Горький разоблачает претензии итальянского фа-

шизма на власть Рима над миром и истерические выкрики Гитлера о том, что фашизм якобы «вознесет» народ Германии над всем человечеством».

Великий писатель доказывает, что все эти «мечты», истерические крики — «судороги одичавшего, издыхающего», вставшего в агонию «смертельно больного». Идеология фашизма, по определению Горького, это «бездарная выдумка старчески разжиженного, гнилого мсзга»¹.

Рассмотрев реакционные домыслы А. Розенберга, изложенные с «цинизмом дикаря», Горький приходит к выводу: «Вот этот бред и есть основное содержание фашизма. Совершенно ясно, что Европой, ее трудовым народом, правят люди обезумевшие, что нет преступления, на которое они не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить. Для того чтобы дожить до этого бреда, необходимо было «пережить» или «изжить» Гете и Канта, Шиллера и Фихте и еще добрую сотню крупнейших мыслителей, поэтов, творцов музыки, живописи»².

Горький возмущен «безнаказанностью фашистов», творящих на глазах у культурных народов Европы свое черное дело. Фашизм вооружает «подростков и юношей, кроме револьверов, отжившими идеями национализма и расизма, воспитывая в молодежи социальный цинизм, садическую страсть к убийству, разрушению».

Горький приводит примеры «садически бесчеловечной» политики «на феодальный лад», анализирует не только фашистские идеи, но рассматривает и «практику» современных людоедов, замечая при этом: «Не десятки, а сотни фактов говорят о разрушительном, разлагающем влиянии фашизма на молодежь Европы. Перечислять факты противно, да и память отказывается загружаться грязью»³.

¹ М. Горький. «О культурах», «Правда» 14 июля 1935 г.

² М. Горький. «О культурах», «Правда» 14 июля 1935 г.

³ «Известия», 23 сентября 1935 г.

¹ «Правда», 1 сентября 1935 г.

² М. Горький. «О «солдатских идеях».

³ М. Горький. «Пролетарский гуманизм», «Правда», 23 мая 1934 г.

«Теория» и практика фашизма с удивительной силой и меткостью определены Горьким в таких словах: «Отравляющий «дух» этого хищного материализма жирных двуногих пауков ныне уже не покрывается истрепанными ломотьями религии, философии. Фашизм и расовая теория — цинически обнаженная проповедь вооруженного грабежа».

Приход к власти фашистов в Германии, сопровождавшийся истреблением огромного числа передовой немецкой интеллигенции и революционных элементов пролетариата, вызвал гневный отклик Горького: «Подлая и кровавая победа тройного звонного «Г» (Гитлер, Геббельс, Геринг)».

Горький спрашивает, откуда фашизм черпает свои «кадры», где находятся его резервы? И отвечает: «Фашизм — это... мобилизация юных потомков алкоголиков и сифилитиков, мобилизация истерических детей, пострадавших от впечатлений войны 1914—1918 годов, детей мелкой буржуазии, «мстителей» за поражения и за победы, которые оказались для буржуазии не менее разрушительными, чем поражения. Психика этих подростков характеризуется фактами такого рода: в Германии в первых числах текущего мая в г. Эссене «Гейнц Христен», подросток 14 лет, убил своего приятеля, Фрица Валькенгорста, мальчика 13 лет. Убийца хладнокровно рассказал, что вырыл для своего приятеля заранее могилу, бросил его туда живым и держал его лицом в песке до тех пор, пока Валькенгорст не задохся. Убийство он мотивировал тем, что хотел овладеть принадлежавшей Валькенгорсту формой гитлеровского ударника».

Кто видел парады фашистов, тот видел, что это — парады рахитичной, золотушной, чахоточной молодежи, которая хочет жить со всей жадной больных людей, способных принять все, что дает им свободу выявить гнойное кипение их отравленной крови. В тысячах серых, худосочных лиц здоровые, полнокровные лица заметны особенно резко, потому что их мало. Это, конечно, лица сознательных классовых врагов пролетариата или авантюристов из мел-

кой буржуазии, вчерашних социал-демократов, мелких лавочников, которые хотят быть крупными и голоса которых вожди германского фашизма покупают тем, что дают лавочникам немножко топлива и картофеля даром, т.-е. за счет рабочих, крестьян. Обер-кельнерам хочется иметь свой маленький ресторан, мелкие воры хотели бы заняться воровством, указанным властью крупных воров — вот «кадры фашизма»¹.

Но за этой армией мелких убийц стоят те, чью волю они исполняют. Это — «выродки истории — банкиры, фабриканты, помещики, лавочники». Горький дает им обобщающую характеристику: «Идолопоклонник частной собственности, существо, изуродованное ненасытной жаждой, завистью, бессмысленной страстью к накоплению денег и вещей, существо человекоподобное, но все более теряющее даже и физическое сходство с нормальным человеком».

После горьковской характеристики фашизма становится понятнее бессмысленная жестокость гитлеровцев, превосшедших в своих зверствах всех извергов, когда-либо существовавших в истории.

Гитлер годами культивировал в немцах жестокость, черствость к страданиям людей. Расстление душ немецкой молодежи сказывается в наши дни в массовом бандитизме, воровстве, стяжательстве. Некоторая часть германского населения оказалась окончательно развращенной оживой нацистской агитацией. Человечеконенавистнические теории воспитывали обман, грабежи, насилия и убийства.

Духовное опустошение немцев нагляднее всего видно из писем, адресованных солдатам гитлеровской армии.

Антинародная реакционная политика фашистов вызвала всеобщую ненависть к гитлеровской Германии со стороны прогрессивного человечества.

Горький был совершенно убежден, что фашисты готовят «всемирную бойню», организуют массовое истребление пролетариев всего мира, с целью «пре-

¹ М. Горький. «Пролетарский гуманизм», «Правда», 23 мая 1934 г.

вращения их в рабов Африки», с целью «порабощения мелких народностей»¹.

Великий писатель знал, что фашисты «могут двинуть против Союза Советов своих рабочих и крестьян, вооруженных от пяток до зубов наилучшими орудиями человекоистребления»².

По отдельным фактам преступной, разбойничьей практики немецких фашистов, еще за несколько лет до войны, Горький предсказывал: «Фашисты не могут жить, не организовав массового истребления народов; они — профессиональные убийцы рабочих масс. Известно, что мы, люди Союза Социалистических Советов, мешаем жить группе всемирных грабителей и убийц и что они очень хотели бы частью — уничтожить нас, частью обратить в рабство»³.

Горький предсказывал скорое наступление второй империалистической войны и горячо возражал французским журналистам, сомневающимся в возможности войны.

Горький учил советских писателей культивировать в людях мужество, честность, отвагу и героизм. Священный долг советского гражданина — защита социалистической родины.

Писатель говорил, что если грянет война, он, старик, пойдет рядовым бойцом против фашистских полчищ. Он считал делом чести для каждого советского гражданина с оружием в руках

бороться за родную землю, за счастье нашего народа.

Писатель предвидел фашистские зверства: «Фашизм, это давно уже пора понять, есть садизм класса больного, издыхающего. Фашисты кровожаднее зверей, но более трусливы, чем звери»¹.

Нет преступления, на которое фашисты не были бы способны.

Горький призывал к мести врагу: «...Дело, конечно, не в том, чтобы угрожать зверя вести себя милостиво по отношению к человеку, попавшему в его лапы, а чтоб вырвать лапу из плеча вместе с головою зверя... Фашизм, практикуя террор, организует в массах ненависть к нему, — ненависть организует массы на неоспоримо справедливую месть врагу. Враг осужден и погибнет, тем скорей, чем более безумна и подла будет его неистовая жажда крови»².

Героическая борьба Красной Армии против разбойничьей гитлеровской Германии навсегда освободит человечество от ужасов нацистского гнета.

А. М. Горький беззаветно верил, что полное уничтожение фашизма будет «началом счастья трудящихся всей земли»³.

Каждая книга Горького, каждая страница его бессмертных творений вооружает советский народ и прогрессивное человечество всего мира на решительную и беспощадную борьбу против фашистских варваров.

¹ «Правда», 16 апреля 1936 г.

² Архив А. М. Горького.

³ М. Горький. «Ураган, старый мир разрушающий», «Правда», 21 февраля 1931 г.

Рассказы участников отечественной войны*

★

УЛОВКИ ГИТЛЕРОВСКИХ ШАЕК

МАЙОР АРТИЛЛЕРИИ НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ

По заданию полкового командования я направился к городу М., в штаб Энской дивизии. Итти пришлось лесами и деревнями прифронтной полосы. Ночь застала меня в маленькой глухой деревушке, опоясанной лесом,— темная беззвездная ночь, хотя лето было в разгаре. Лес шумел. Капли дождя ударялись о мой шлем. Я постучал в избу на краю деревни. Пожилая колхозница встретила меня радушно, усадила за стол и принялась хлопотать у печи. Я поблагодарил гостеприимную хозяйку и попросил разрешения переночевать.

С хозяйкой жили только двое ее внучат—молодые мужчины ушли на фронт.

Для ночлега я присмотрел себе местечко на хрустящей соломе. В душе еще не улеглись впечатления беспокойного боевого дня. Едва я успел погрузиться в сон, как услышал шум: к избе подошел автомобиль. Я насторожился.

Сдержанный стук в окно заставил меня подняться. На всякий случай я ощупал свой пистолет.

— Тетя Даша, — проговорил мужской голос за окном, — впусти-ка, тетя Даша...

Хозяйка вскочила и подошла к окну, но ничего не могла рассмотреть в темноте ночи. Кто мог приехать в такую пору? Да еще к ней, в автомобиле!

Открыв дверь, я вышел на улицу. Неподалеку от крыльца стояла темно-зеленая машина «М-1». На нее падал свет из открытой двери. У низкого окошка избы я увидел человека лет 35-ти в форме советского командира. По петлицам — капитан артиллерии, одного со мною рода оружия. Что ж, побеседуем, думаю.

— Не скажете ли, товарищ, где живет шофер Гусев? — спросил капитан, держась в отдалении.

Я сумел рассмотреть своего собеседника. Его обмундирование не могло вызвать никакого подозрения. Смущал только подчеркнута правильный выговор капитана.

— Разглядываете меня, товарищ майор? — развязно спросил капитан и натянуто рассмеялся. — Неужели внушаю подозрение?

— Потрудитесь предъявить документы, — сказал я.

Мой собеседник, видимо, не ожидал столь крутого обращения.

— Вы не имеете права требовать у меня документы. Хотя вы и майор, а я капитан, но я не позволю...

Я выхватил браунинг. Капитан опешил, побледнел и полез за бумагами. Документы были в порядке: на полковом бланке напечатана, в обычном нашем советском стиле, командировка в город С., фотография соответствовала оригиналу, и местность, через которую

* Записал и обработал А. Вербицкий.

он следовал, была указана правильно.

— А где сейчас находится ваш полк? — спросил я.

Он назвал местность. И здесь я поймал его на лжи: названный им район в первые дни войны был захвачен противником.

Через полчаса я доставил неизвестного в ближайшую воинскую часть. По пути «капитан» возмущался и грозил трибуналом. Но к утру выяснилось, что он — прожженный фашистский диверсант, прошедший школу гестапо, готовившую бандитов для будущей войны с СССР. Перед нами оказался один из отпрысков белогвардейщины, которой обещан был возврат царской России и потерянное благоденствие.

Гусев, которого разыскивал бандит, — лицо не вымышленное. У «капитана» нашли письмо к шоферу Гусеву от сестры, проживающей в Белостоке. По характеру письма нетрудно было догадаться, что оно написано под дулом револьвера.

Мне приходилось много слышать и читать о том, какую роль играют шпионаж и диверсия в немецкой армии, но уже с первых дней отечественной войны я понял, что все мои сведения недостаточны, по сравнению с действительностью. Шпионаж, бандинизм и диверсия — неотъемлемая часть военных операций гитлеровщины. Шпионы комплекуются из самой отпетой, преступной публики, готовой за рубль, за бутылку водки или за хороший посул идти на любую «работу» в наш тыл.

В Германии существуют специальные школы для детей и подростков, готовые из них шпионов. Тысячи детей и юношей уже подготовлены для войны с нашей страной. Основной контингент этих школ, — малолетние преступники, дефективные выродки, сироты.

Близ станции К. расположилась наша артиллерийская часть. Мы готовились к предстоящему бою. Был вечер. К станции подошел эшелон со снаряжением для фронта. Каждый из нас сознавал ценность этого эшелона. Уверечь его от хищного врага и в целости доставить к линии фронта — было од-

ной из боевых задач наших частей и тыла.

Не успел паровоз остановиться, как над нами зарокотали вражеские разведчики и бомбардировщики. Наша часть была хорошо замаскирована в лесу, но эшелон оказался в более опасном положении и мог стать добычей врага.

Ночь прикрыла эшелон от стервятников, круживших несколько минут над лесом и станцией. Наши зенитки молчали, чтобы не привлечь внимания врага. Когда самолеты, не солоно хлебавши, уже покидали нашу территорию, на опушке леса, неподалеку от крайней платформы эшелона, вспыхнула желто-зеленая ракета и взвилась вверх.

Это была сигнализация вражеским самолетам.

Если бы ракета взвилась несколькими секундами раньше, эшелону не миновать яростной бомбежки.

Я отдал бойцам приказание немедленно окружить примыкающую к станции часть леса и во что бы то ни стало разыскать негодяев.

Понадобилось всего несколько минут, чтобы часть леса была плотно окружена. Кольцо сжималось, наши бойцы действовали быстро и уверенно.

Вскоре ко мне привели девочку и мальчика, насмерть перепуганных и поникших. Это был первый случай, когда я смог воочию убедиться в том, что в бандитских рядах фашистов имеются и подростки.

У юных бандитов были обнаружены советские деньги и ракетницы в виде пистолетов. Ракеты были разных цветов.

С любопытством я рассматривал малолетних диверсантов. По внешности они походили на наших школьников: простая, скромная одежда, довольно правильная русская речь и красные галстуки со значком Ким. Только изредка в их разговоре попадались слова, давно вышедшие из обращения.

— Что побудило вас идти против нас? — спросил я у них. — Неужели вы так любите Гитлера?

Девочка тихо ответила:

— Мы ничего не знаем. нас кормили, поили, обучали.

Мальчик немного оживился и произнес:

— Это очень трудно... Мы не знали, что это так опасно. Мы ночуем в лесах, мы боимся... Ведь идти в Россию — это смерть...

— Почему же вы не пришли к нам добровольно? — спросил я у них. — Мы хорошо приняли бы вас...

— Нет! — истерично воскликнула девочка. — Мы не могли этого сделать! Мы боялись, за нами следили...

Она испуганно замолкла. И стало понятно, что ими руководит матерый фашистский волк, контролируя все их действия. Побуждаемые страхом, эти юнцы выполняют приказания своих руководителей, орудуя у нас в тылу.

Я передал подросткам органам НКВД для точного расследования и поручил своим бойцам тщательно осматривать и прочесывать встречные леса и рощи.

Боевые дни убедительно доказали, что все происки и «подвиги» гитлеровцев — от шпионажа и диверсии до обстрела наших санитарных поездов — все это проявление самой подлой трусости. «Отвагу» они проявляют лишь в том случае, когда их части не встречают крепкого отпора. В первые дни злодейского нападения на нашу страну фашистские громилы думали, что двери всей России открыты перед ними настезь.

Жизнь показала истинную цену немецкой «отваги». Получив жестокий и сокрушающий отпор Красной Армии, гитлеровские молодчики забыли «блицкриг». Встречи с пленными раскрыли передо мной картину боевой жизни немецкой пехоты. Офицер держит солдат в подчинении угрозой расстрела.

Я неоднократно наблюдал с вышки за поведением немцев во время нашей воздушной бомбежки.

Кому не известно, что во время воздушного налета нужно смиренно лежать на земле. Это знают и немцы, но трусость и паника берут верх над рассуд-

ком. Герои «молниеносной войны» после первой же нашей бомбы или артиллерийского снаряда начинают метаться, бегут в разные стороны и падают, чтобы никогда больше не встать.

Я наблюдал их трусость и животный страх при разрывах наших мин, бомб и гранат. Они выползают из своих окопов и, толкая друг друга, рассыпаются по сторонам, закрывают лицо руками, затыкают уши и бегут, бегут.

Ожесточенно дерутся в германской армии только молодые фашисты, преимущественно танкисты и летчики. Эти сумасброды с пьяной «самоотверженностью» идут на явную смерть во имя хищных гитлеровских идей.

Однако таких уже немного осталось во вражеском стане. Мы, фронтовики, встречаем больше всего зеленых юнцов и мрачных пожилых людей, воюющих, как правило, по принуждению, из-под дула пистолета.

Однажды, в сумерки, мы увидели группу фашистских самолетов, приземлившихся неподалеку от нашей части, за молодым лесом. Очевидно, там был аэродром. Наша батарея открыла огонь.

Только спустя несколько минут в воздух взвились самолеты и исчезли вдали. Их было немного. Остальные, вполне готовые к полету, остались на аэродроме. Летчики, оглушенные и испуганные нашими залпами, побросали «юнкерсы» и скрылись в лесу.

Немецкие фашисты считают себя гениями молниеносной войны. Действительно, если «молниеносная» им удастся, тогда плохо противнику. Война в Западной Европе доказала это. Но если «молниеносная» переходит в войну упорную и длительную, «богатыри» теряют свою храбрость.

Близится день, когда народы, разгромленные и угнетенные Гитлером, предъявят ему и его кровожадной шайке свой счет за миллионы убитых, искалеченных, ограбленных, обманутых.

РАЗГРОМ ФАШИСТСКОГО ШТАБА

ЛЕЙТЕНАНТ МИХАИЛ СОЛОМКО

Мы расположились в 20 километрах от города Б., на южной стороне большого озера. Вдоль берега тянулся старый дубовый лес. Готовясь к бою, мы ждали приказа командования дивизии. Разведка донесла, что поблизости врага нет.

Был вечер. Внезапно из-за озера донесся гул самолетов. Вскоре показался фашистский разведчик и стал рыскать над озером и лесом. Вражеский хищник оставил над нашей головой темную дымовую струю — примета для бомбардировщиков.

Зная, что теперь неизбежно появятся другие фашистские самолеты, мы быстро рассредоточились и замаскировались. Устроили ложные окопы. Открывать огонь из зенитных орудий нам не разрешили, чтобы не привлекать внимания врага.

Как и следовало ожидать, через 15—20 минут с двух сторон показались легкие пикирующие бомбардировщики; они метали небольшие фугасные бомбы, затем долго прочесывали лес из крупнокалиберных пулеметов.

Когда самолеты скрылись и был объявлен отбой, мы подсчитали наши потери: ранено восемь человек, из них пятеро легко. Боеприпасы и снаряжение не пострадали. Но враг, повидимому, сделал иной вывод: немцы были твердо убеждены в нашем полном разгроме.

Часов в 10 утра мы увидели такую картину: на противоположной стороне озера показалась группа немцев в трусах. Немцы тащили с собой бутылки с вином и корзины с закусками. За первой группой появились новые «купальщики». Спустя полчаса весь берег озера был густо усеян немцами. Они галдели во всю мочь, чокались и пили, пьяно хохотали и группами бегали к озеру купаться.

Не подозревая о том, что мы следим за ними, они вели себя беспечно, предаваясь пьяному веселью.

Генерал-майор Козлов, наблюдавший ва всей этой вакханалией, при-

казал подготовиться и ждать указаний. Все наши орудия, минометы и пулеметы были обращены жерлами в сторону фашистов. Товарищу Козлов не торопился, он дал немцам возможность охмелеть.

Между тем, пьяное веселье фашистских бандитов достигло высшей точки. Гуляки плясали и выли дикие песни и играли на губных гармошках, сопровождая все это неистовым уничтожением спиртных напитков. Периодическое погружение в воду уже бессильно было стрезвить пьяниц, от которых Гитлер уверенно ждет «спасения мировой цивилизации».

Примерно в два часа дня командование полка отдало приказ: открыть артиллерийский и пулеметный огонь по усеянной немцами площадке. Четыре мощных батареи и два десятка станковых пулеметов ударили одновременно. Это произвело ошеломляющий эффект. Мне трудно описать все, что произошло на этом «пляже».

Первые наши залпы вызвали невероятную панику и смятение. Немцы неистово орали, сбивали друг друга с ног, бросались в воду, но всюду их наступал наш смертоносный огонь. Многие из них, не сообразив, откуда стреляют, бросались навстречу огню. Сотни фашистских солдат и офицеров ложились мертвыми среди бутылок и корзин.

Спустя 30—40 минут, когда более половины немцев уже валялись на песке или бездыханными потонули в озере, из лесу, что за озером, появились вражеские танки и бронемашинны. Загрохотала артиллерия. Противник палил прямо из чащи леса, наугад. Снаряды и мины разрывались или далеко позади нас, или по сторонам, или падали в воду.

Был дан приказ обойти озеро с двух сторон и разгромить фашистскую дивизию. Мы обошли значительную часть леса и кольцом окружили противника. Наша артиллерия и пулеметы непрерывно осыпали врага сотнями снарядов и десятками тысяч пуль.

Бой длился более двух часов и закончился полным уничтожением вражеской части.

Командование полка поручило мне и нескольким моим товарищам осмотреть территорию сражения и подсчитать трофеи.

Выполнить это задание оказалось делом не совсем простым: разбитые танки и бронемашинны смешались с грудями трупов, всюду дымилась взорванные боеприпасы. Группами стояли пленные — поникшие и жалкие.

Только к вечеру было установлено, что враг оставил на поле боя 86 танков, 123 бронемашинны, 24 орудия, 250 мотоциклов, несколько десятков грузовых машин, груды боеприпасов и продовольствия, 8 зенитных пушек. Количество убитых и раненых подсчитать не удалось, их было не менее 700. В плен мы захватили 84 солдата и четырех офицеров. Части немцев удалось бежать в самом начале боя.

Но самое ценное мы нашли в лесу: там находился штаб фашистской дивизии.

До глубокой ночи мы разбирали документы, захваченные в штабе. Бумаг было так много, что рассмотреть удалось лишь основное, представлявшее бесспорный военный интерес. Одними географическими картами советской территории, изданными в Берлине в 1940 году, мы нагрузили две машины.

Любопытный документ был обнаружен в неогороженном шкафу: план молниеносного захвата Москвы, Ленинграда и Киева. Плотная глазированная бумага была испещрена бредовыми требованиями Гитлера о стремительном нападении на основные центры нашей страны и овладении ими любой ценой.

По «генеральному плану» фашистов германское правительство, в лице Гитлера, 24 июля должно было предложить Советскому Правительству сдать Москву без боя в целях сохранения промышленных объектов и городских строений. Если Советское Правительство откажется выполнить требуемое, — Москва, Ленинград и Киев в недельный срок будут превращены немецкой авиа-

цией в руины и после этого оккупированы.

Весь следующий день мы продвигались к новой линии фронта. Поздно вечером показалось соединение немецких «юнкеров» и принялось поспешно забрасывать нас бомбами, словно желая поскорее избавиться от опасного груза и уйти во-свойси. Только последние две-три бомбы нанесли некоторый ущерб нашим автомашинам.

Вскоре появилась новая многочисленная группа бомбардировщиков; рыская над лесом, они временами пикировали над нами. Командир полка подполковник Тихонов отдал приказ приготовить зенитные орудия, накануне захваченные у немцев, и открыть интенсивный огонь по вражеским бомбардировщикам. Снарядов было много, и наши зенитчики принялись усердно палить по кружившим «юнкерам», преследуя их на большой высоте. Немецкие снаряды удачно находили своих же стервятников и метко сбивали их. В этот вечер нами было сбито 18 самолетов.

Легко представить себе ярость фашистских летчиков, отлично понимавших, что их уничтожают не советские, а их же германские пушки: авиатор без труда отличит свои зенитки от чужих.

К утру мы свернули на просторное шоссе, ведущее к городу В. Разведка сообщила, что со стороны города О. движется крупная мотомехчасть противника, численностью около двух полков.

Наше командование поручило саперной части немедленно заминировать мост через реку Л. Это был большой арочный мост, соединявший два высоких и крутых берега. Если разрушить мост, танки никаким образом не перешагнут реку. Саперам понадобилось менее получаса, чтобы заложить ящики со взрывчаткой. Расчет был такой: когда вражеская колонна достигнет середины моста — произойдет разрушительный взрыв.

Наряду с этим были созданы истребительные отряды для уничтожения танков на близком расстоянии. Были заготовлены бутылки с горючим и связки гранат. Расположившись в лесу, по

обочинам шоссе и вокруг моста, мы замаскировались.

Прошло около часа. Донесся грохот приближающихся танков. Полк насторожился. Показались первые тяжелые танки, за ними средние и легкие машины, дальше — мотоколонны и, повидимому, пехота. Танки, оглушительно громыхая и звеня сталью, взошли на мост. Едва достигли они середины, — раздался страшный раскатистый взрыв, и мост, со всем своим подвижным грузом, взлетел в воздух. В воду мирной лесной реки обрушились тонны металла, дерева, камня, сотни людей.

Отпрянуть назад и разметаться немцам не удалось: по обеим сторонам шоссе стоял густой крепкий лес, вражеские танки не могли развернуться, ни повернуть вспять. Началось смятение.

Наша артиллерия открыла планомерный и меткий огонь по скоплению танков и мотомехчастям противника. Истребительные отряды швыряли в хвостовые танки бугылки с горючим, выводя из строя машины — одну за другой. Я находился в это время в центре вражеской колонны и руководил своим отрядом, уничтожавшим из пулеметов немцев-беглецов. Они бросали машины

и кучками бежали в лес, навстречу нашим пулям. Многие из них охотно сдавались в плен. Были среди них мальчишки, трепетавшие от страха и не знавшие, что делать, и немолодые, утомленные люди, робко поднимавшие руки, приклоняясь к соснам.

Из глубины леса подросла вражеская артиллерия и минометные части. Разгорелся бой, длившийся до рассвета. К утру все стихло. Мы пошли осматривать местность. На шоссе и вдоль леса торчали обломки танков и бронемашин. В воронках валялись трупы. Две немецкие батареи были разворочены. Среди пленных оказались полковник и два подполковника.

Мы осмотрели танки. Эти боевые машины напоминали парфюмерные и галантерейные магазины: они были набиты ящиками с духами, мылом, чулками, обувью, папиросами, безделушками — всего не перечислить. Я спросил пленного офицера, откуда это богатство? Он угрюмо покосился на груды галантерей и косметики и как-то вяло произнес: «Да, позор».

Через несколько часов мы присоединились к советской части, стоявшей у местечка Л. Здесь мы впервые за двое суток позволили себе отдохнуть.

Все для Родины

ВЛ. СТАВСКИЙ

★

НА ФРОНТЕ

В сосновой роще, на песчаных буграх, стоят палатки медсанбата. Порывистый ветер раскачивает ветви, сшибая хлопья снега, вызывая обледеневшей своей.

По разбитой дороге к фронту непрерывным грохочущим потоком движутся орудия, грузовики, танки. С фронта возвращаются порожние автомашины, санитарки. Сквозь гул и рев движения слышатся глухие раскаты артиллерийского огня.

В операционной палатке на столе лежит раненый танкист. На бледном лице, на лбу его, блестят крупные капли пота. Он изредка обводит языком сухие посиневшие губы. Руки его с черными от боевой копоти пальцами тянутся к ногам. Обе голени его разбиты, на штанах — залубневшая от мороза кровь. Выше колен — врезавшиеся в тело резиновые жгуты.

Хирурги переглядываются. Им очень ясно, что нужна немедленная операция, но это крайне опасно.

Доктор Филатов, доцент Ленинградского института переливания крови, решительно выступает вперед. Серо-голубые глаза его строги и ясны.

— Сейчас же надо раненому перелить кровь! — говорит Филатов. Его поддерживает доктор Кухарчик, директор Института переливания крови. Военные хирурги соглашаются. Но в медсан-

бате запас консервированной крови исчерпан.

— У нас есть консервированная кровь! Мы захватили с собой! — говорит доктор Кухарчик.

Пока раненому обнажают руку, промывают ее спиртом в локтевом сгибе, — доктор Кухарчик достает из ящика четырехугольную банку. Он осматривает густую, вишневую на свет, кровь. Заменяет стеклянную притертую пробку гутаперчевой, с стеклянной трубочкой в самом ее центре. К этой трубочке присоединяется резиновая трубка. Она заканчивается полый иглой для переливания. Ловкие руки Кухарчика не касаются иглы. Доктор поднимает вверх и быстро опрокидывает банку. Теперь в трубочке кровь и — совсем нет воздуха. Металлический зажим на резиновой трубке не дает крови переливаться. Доктор Филатов, вымывший руки спиртом, нащупывает вены у танкиста в сгибе локтя. Потом, — отняв зажимы, пропустив через иглу кровь, чтобы там не было воздуха совсем, — уверенным, точным движением вводит иглу под кожу и в вену.

Уровень крови в приподнятой банке вздрагивает и идет вниз. Танкист вздыхает глубоко, глубоко. Двадцать кубиков уже перешло в его вену. Зажим перехватывает резиновую трубку. Врачи проверяют пульс, всматриваются в лицо раненого. Сделана биологическая проба. Все хорошо. Можно продолжать. Зажим

на трубке снят. Снова вздрагивает уровень крови. И по мере того, как пустеет банка, — лицо танкиста преобразается. Исчезает синева на губах. На впалых землистых щеках загораются краски. Дыхание все глубже, ровнее, и пульс становится все более полным.

Теперь раненого можно оперировать. После операции, которая проходит удачно, вновь делают переливание крови.

Доктор Филатов встречается с взглядом танкиста — молчаливым и полным признательности. Жизнь товарища спасена.

Прибывают еще раненые. У красноармейца пуля пробила легкое. Он хрюкает сгустками крови, и воздух, хлюпая, проходит через рану.

Но ни слова жалобы, ни стопа. И ему переливают кровь. Порозовевший, с оживленным горячим взглядом, раненый говорит:

— Теперь мне лучше!

Филатов оглядывает военных врачей с прямодушным и гордым удовлетворением.

«Какие люди! Какие у нас люди! И это очень хорошо, когда больной говорит, что ему лучше! — думает Филатов. — И это же бесспорно, что переливание не только возмещает потерю крови, — оно вселяет раненому веру в свои силы!»

Днем позже Кухарчик и Филатов работают в другом полевом госпитале. Они — оба хирурга — оперируют раненых и здесь же переливают кровь.

В отдельной комнате большого финского дома лежит тяжело раненный командир. Его заботливо поместили сюда, в лучшее место. В камине полыхают дрова. Раненого надо немедленно эвакуировать для сложной операции в клинической обстановке. Но пульс его — тоненький, нитевидный, и лицо в холодном поту. Раненый ко всему относится с глубоким безразличием.

Это тяжелый шок. Переливание крови может спасти раненого. Но малые дозы крови — по сто, по двести кубиков — не дают желаемого результата. Кухарчик и Филатов решают перелить большую дозу — до тысячи кубических сантиметров.

Они взволнованно и внимательно наблюдают за раненым. Как и другие, он уже во время переливания оживает, румянец разливается на щеках.

Повернув голову, раненый говорит тихо и проникновенно:

— Спасибо, доктор, вам. И тому спасибо, кто дал кровь! А теперь чайку бы и уснуть.

Выпив горячего ароматного чая, он погружается в глубокий спокойный сон.

В эту ночь, как и в другие, вместе с военными врачами Кухарчик и Филатов работают в операционной.

Вдруг доносится низкий и тревожный рев. Врачи выглядывают из палаток. Тотчас же раздается грохот зенитных пулеметов. К безмятежно сияющим декабрьским звездам вздымаются густые снопы голубовато-зеленых трассирующих пуль. Вражеские авиабомбы взрываются в лесу, не причинив вреда. А вдали бьют и бьют орудия. Над горизонтом мечутся тревожные отблески пожаров.

Утром раненый командир, оправившийся от шока, эвакуируется в тыл.

Филатов и Кухарчик со своим запасом консервированной крови пробираются на ППМ — полковой пункт медпомощи.

На своей «эмочке» они благополучно проскакивают открытые места, простреливаемые артиллерией врага.

ППМ помещается в тесной палатке, спрятавшейся в сосновой роще. Чадит буржуйка. Бой идет за соснами, совсем недалеко. В палатке слышен сухой треск винтовок, резкий гул пулеметов, разрывы снарядов. Три девушки в белых халатах поверх полушубков быстро и умело перевязывают раненых.

Кухарчик и Филатов спрашивают их, умеют ли они переливать кровь. Нет, они этого не умеют. Да и возможно ли это здесь, в непосредственной близости от боя? Но именно здесь-то надо делать переливание крови, — убеждают их Кухарчик и Филатов, и оба невольно вздрагивают: вражеский снаряд падает и рвется совсем недалеко от палатки. Девушки — сестры и врач Новикова, — и внимания не обратив на разрыв, расспрашивают: как же переливать кровь здесь?

Филатов и Кухарчик, тотчас раскрыв ящики, показывают и объясняют практику переливания крови. И тут в палатку приносят раненного в руку и ногу политработника. Его зацепили осколки последнего снаряда. Потеря крови угрожающа.

— Надо ли переливать кровь? — спрашивает врача Новикова доктор Кухарчик.

— Да! Безусловно.

— Правильно. Вы сами и перелете. Приготовьте руки.

И врач Новикова, волнуясь, но внешне спокойная, переливает кровь. На смуглом лице ее сияет счастливая улыбка, черные глаза блестят, и она вдруг целует раненого. Тот улыбается и говорит:

— Жаль, что мало я повоевал! К дотам подошел вплотную, тут меня и ранили.

— Но вы же легко ранены! — успокаивает его Новикова.

— Значит, — буду в дотах!

Кухарчик и Филатов обмениваются взглядами, полными восхищения.

Позднее они встречают политработника в медсанбате в хорошем состоянии. Но если бы не переливание крови — там, в палатке, в тесноте, под грохотом разрывов, — спасти политработника едва ли удалось бы!

И с новым приливом сил, с еще большим жаром убеждений, подкрепленных практикой здесь, на фронте, Кухарчик и Филатов пробираются из одного полкового пункта в другой, едут и работают ночи и дни напролет в медсанбатах.

Эти поездки на фронт — врозь и вместе — серьезнейшая проверка всего опыта, накопленного Ленинградским институтом переливания крови.

Давно ли — всего двадцать с лишним лет тому назад, в 1919 году, — когда молодая Советская Республика разбивала огненное кольцо блокады и интервенции, В. Н. Шамов впервые в нашей стране перелил кровь больному. Эта операция прошла удачно. Но как еще было далеко от этого до широкого признания. Ведь спорили же в Харькове юристы, не является ли донорство за оплату злостной спекуляцией!..

В первое время Шамову удавалось сделать всего по три переливания ежегодно. В 1928 году — восемь переливаний.

Но теперь уже вся страна признала значение переливания крови для жизни. Практика первых дней войны ставит все новые и новые вопросы...

В ГОРОДЕ

Ленинград затемнен. Могучий и грозный город живет напряженной жизнью. Невидимые в темноте, работают фабрики, заводы, все предприятия. Город Ленина героически кует победу на фронте. По улицам грохочет артиллерия, танки, движутся войска. Памятны дороги — через Кировский и Литейный мосты на фронт, на Карельский перешеек.

Ленинград — колыбель социалистической революции — живет интересами фронта, интересами победы.

Заведующая донорским отделом Института переливания крови Любовь Григорьевна Богомолова все эти дни лишь на часок отлучается домой посмотреть, как и что с маленьким сыном. И снова она на своем посту.

Словно прошли многие годы, вспоминается первый день военной работы. Военное ведомство требует консервированной крови в несколько раз больше, чем предполагалось ранее. Но как заготовить эту кровь в течение нескольких часов?

Лицо Богомоловой — крупные черты, серые прекрасные глаза, полные решимости и энергии. Она спокойна. В ее низком контральто спокойствие и ясность убежденного человека, продумавшего все до конца. Она собирает сотрудников, и они вызывают по телефону старых доноров — проверенные годами кадры. Вызваны и врачи. В несколько мгновений развертывает свою работу донорский отдел.

Доноров вызывают и пришедшие на подмогу студенты Института народов Севера, и домохозяйки из Общества Красного креста Смольнинского района. Донорам летят заготовленные заранее открытки, на которых сейчас только проставлено число и месяц. Заведующая донорским отделом уверена в своих

старых кадрах. Она знает каждого со всеми их радостями и невзгодами. Богомоллова заведует донорским отделом с 1934 года, а три года перед этим развертывала по области станции переливания крови.

Врач-хирург, свою работу в донорском отделе она начала с того, что сама дала кровь для переливания больному. И сама испытала неизъяснимое чувство высокого удовлетворения, сердечной радости, видя, как ее кровь живительно и благотворно подействовала на больного.

И, рассказывая об этом, рассказывая о деятельности других доноров, Богомоллова привлекла многих и многих ленинградцев в кадры?

Кто они, ее кадры?

Вера Николаевна Лейферт, портниха артели «Футлярщик», лет восемь тому назад случайно услышала, что у соседки ее умирает брат — ленинградский рабочий, и что спасти его можно только переливанием крови. Лейферт — в благодарном порыве сочувствия и из желания помочь — предложила свою кровь. С тех пор она дала уже больше 28 литров крови. Энтузиастка переливания крови, она перешла на работу в институт лаборанткой. Веселая и нежная, полная и подвижная Вера Николаевна Лейферт помогает Богомолловой в ее общественной, разъяснительной работе.

В первый же день военной работы Вера Николаевна Лейферт первая дала кровь — 400 кубиков — и сейчас же, плотно пообедав, побежала вызывать других доноров.

А они уже шли в институт в донорский отдел. Приходит семья Груниных: Демид Миронович — асфальтер завода «Степан Разин», с 30-летним стажем этой профессии, его жена Валентина Владимировна — браковщица завода, ее отец Александров Владимир Ефимович — бухгалтер со стажем работы в 41 год.

Валентина Владимировна — пышная, круглолицая и румяная, сверкая серыми глазами, говорит о своем возмущении, о своей ненависти к негодяям, навязавшим нам войну.

— Мы старые почетные доноры, берите у нас крови, сколько надо, лишь

бы была помощь дорогим нашим товарищам на фронте, — продолжает она. — Имейте в виду, что у меня старшей дочери уже исполнилось 19 лет, она такая же здоровая, как я, и она тоже хочет давать кровь.

Позднее старшая дочь ее Татьяна, комсомолка, расчетчица фабрики «Красный Октябрь», не раз давала свою кровь.

Рослые, здоровые Грунины дают по 500 кубиков крови. Они выходят из института, обещая привести новых доноров из своих родных, из своих знакомых.

Приходит Ульяна Петровна Иванова — беловейка. Вместе со своим мужем — вагоновожатым, они оба доноры с восьмилетним стажем. Стали они донорами после того, как их маленького сына спасло переливание крови. С тех пор они дали десятки раз свою кровь. В те годы кровь от донора бралась и переливалась больным тут же. И все время доноры вспоминают, волнуясь, с чувством гордости и радости, как на их глазах больные после переливания крови чувствовали себя лучше, как помогала им перелитая кровь.

Ульяна Петровна Иванова приходит в донорскую одна. Ее муж на работе. Она дает 450 кубиков крови. Она, как и Грунины, обещает привести еще новых доноров и, как только придет с работы муж, тотчас же прислать его в институт.

В два часа ночи, закончив работу, возвращается домой вагоновожатый Иванов Михаил Никифорович. Ульяна Петровна рассказывает ему, что она уже дала кровь и что ему надо тоже спешить туда. Она быстро собирает его покушать и потом провожает его. Перескакивая с одного трамвая на другой — вагоны возвращаются в парки, — Иванов добирается до института. Он поднимает на ноги усталых работников и заставляет взять у себя 450 кубиков крови.

— В извещении сказано, что я должен явиться в любое время дня и ночи. Ведь мы — доноры — считаем себя мобилизованными, и вот я явился по первому зову, когда загрохотала война!

Домой Иванов вернулся в пятом часу — удовлетворенный, полный решимости и дальше давать кровь и привлекать новых доноров. Они говорили с женой, они вспоминали о том, как в их же доме к ним относились не все хорошо. Одна женщина упрекала их, что они спекулируют своей кровью. Но вот сына ее мобилизовали в армию, и она приходит к ним утром, в глазах у нее и смущение, и признание своей вины, и надежда.

— Вы уже дали кровь. Мой сын на войне, может быть, ему понадобится кровь! Какие вы хорошие! — говорит она, и на глазах у нее блестят слезы.

Иванов отвечает ей:

— Я так считаю, что по крайней мере 100 человек больных спасла от смерти и тяжелых страданий моя кровь; и это дает мне в жизни большую радость. Я — советский донор, я не торгую кровью, как это бывает в капиталистических странах. Своей донорской деятельностью я делаю большое и важное государственное дело. Получаемая же мною компенсация целиком идет на улучшение питания, и это вновь обеспечивает мне возможность давать кровь, столь нужную для больных. Должен также заявить, что на моем здоровье донорство сказалось в лучшую сторону. Я обязан вести правильный образ жизни. Я нахожусь под наблюдением врачей постоянно, и то, что я даю кровь, это не только не приносит вреда моему здоровью, а, наоборот, приносит только пользу.

Приходят в Институт переливания крови в первые же дни военной работы старые доноры. Четко работают врачи, обследуя доноров. Ошибиться нельзя, ошибки могут быть роковыми.

Л. Г. Богомоллова успевает всюду. Она следит, она организует работу донорского отдела, помогает консервационному отделу и только-что созданному экспедиционному отделу, который отправляет кровь на фронт.

Часы летят; до срока выполнения задания времени остается мало.

И тут Богомоллова обращается к своим сотрудникам с просьбой сейчас же дать кровь, которой нехватает. Весь коллектив ее сотрудников тотчас же дает

кровь. И боевое задание выполнено. Богомоллова выходит из института: над домами, в стороне Карельского перешейка, полыхают тревожные отблески далеких пожаров. Богомоллова думает, что кадров доноров нехватит. Перед войной, за несколько месяцев, ее сотрудниками проводилась по городу серьезная разъяснительная работа с целью создания широких кадров доноров. Партийные и общественные организации помогали ей.

Первый же день войны показал, что работу эту надо умножить, умножить, умножить.

Неизгладимо, на всю жизнь, врезается в память Богомолловой: на собрании домохозяек Смольнинского района две женщины после лекции о переливании крови и призыва стать донорами заявили:

— Что вы, что вы, у нас и так крови мало!

Но эти же домохозяйки в первый день военной работы приходят в институт и предлагают свою кровь. Они требуют, чтобы у них взяли кровь.

И сейчас, вновь и вновь продумывая итоги и впечатления, твердо зная, что надо привлечь многие тысячи доноров, Богомоллова думает с глубоким и страстным убеждением:

«Неисчерпаема сила советских патриотов! Все дело в том, чтобы найти пути к их сердцам».

НАУКУ НА СЛУЖБУ РОДИНЕ!

Вернулись с фронта Филатов и Кухарчик. Они рассказывали о том, что видели, о беспримерном героизме бойцов, командиров и политработников Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Они рассказывали и о том, как важно переливание крови на фронте. На собрании сотрудников была строгая тишина. Но у каждого блестели глаза, и сердца пламенели, и каждый понимал всем своим существом, что он на своем посту тоже боец за Родину, за город Ленина, и каждый твердо и непоколебимо решал утроить, удесятить свои усилия.

Жизнь, боевая практика поставили много новых вопросов.

Надо было удлинить сроки консервирования крови. 14 дней было недостаточно. Работники института — Филатов, Демп, Петров, Блинов, Бирюков и другие — вели уже научные работы в этой области. Сейчас настало время посмотреть, использовать, применить на деле весь научный, ценнейший опыт. Сотрудник Бирюков предлагает свой способ продления сроков. Надо смешивать кровь с глюкозно-цитратным раствором непосредственно у выхода крови из вены донора. И тогда по трубке кровь идет уже смешанная, а это имеет огромное значение. Раньше этого не делалось. Кровь соприкасалась, проходя трубку, с внешней средой, и это ограничивало срок ее существования в консервированном виде. Теперь же кровь сохранялась в течение 25—30 дней.

Но вот наступают страшные холода. Как сохранить температуру крови в 8 градусов тепла? При другой температуре кровь может погибнуть.

Весь коллектив сотрудников продумывает эту проблему. Экспедиторы, которые доставляли консервированную кровь на фронт, подсказывали новые предложения. Экспедитор Гендельштейн с товарищами однажды с целью сохранения крови сняли свои полшубки и укутали ящики, в которых хранилась кровь в специальных стеклянных сосудах. После этого были пошиты специальные овчинные одеяла для укутывания ящиков.

Экспедирование крови на фронт очень сложно и ответственно. Ничего нельзя перепутать, ни одной надписи, ни одного сосуда с кровью. Начальник экспедиционного отдела Григорий Гуревич эти дни живет в институте, в своем экспедиционном отделе, лично проверяя все, и ошибок в работе экспедиционного отдела нет.

Опыт работы на фронте поставил проблему создания такого сосуда для консервированной крови, который позволял бы избегать взбалтывания крови при перевозке, который позволял бы брать из сосуда переливать кровь, без соприкосновения с внешней средой, в вену больному.

Доктора Филатов и Бирюков не-

сколько суток не выходят из кабинета, думают над этой проблемой и решают ее, усовершенствовав круглую ампулу, предложенную Московским институтом переливания крови. Кровь в их ампуле, емкостью в 250 кубиков, не взбалтывается при перевозках: ампула перевозится в вертикальном положении. Сбоку у этой ампулы — два рожка. К ним прикреплены резиновые трубки. Одна резиновая трубка заканчивается иглой — полый внутри — для переливания крови; через другой рожок кровь наливается в ампулу. Резиновые трубки зажимаются резиновыми кольцами на сгибах. Достаточно потянуть трубку, и кольцо скользит, и кровь можно переливать. Это очень удобно. Подогревать кровь в этой ампуле тоже очень удобно: достаточно опустить ее до рожков в теплую воду. И ампула, и трубки, естественно, доставляются на фронт в идеально стерильном состоянии.

Изготовить эту ампулу могут искусные руки стеклодувов. Доктор Кухарчик обращается за помощью. Рабочие завода «Светлана» быстро, со всем искусством и рвением изготавливают ампулы.

И вновь едут на фронт работники Института переливания крови. Вновь они помогают военным врачам и оперировать раненых, и переливать кровь. И вновь все шире и шире внедряют они практику переливания крови на самой линии фронта.

ПУТЬ К СЕРДЦАМ

Фронт требовал крови больше и больше. Кадры доноров должны быть неизмеримо большими.

В Смольном, на другой же день после обращения сотрудников института, собирается совещание работников партийных организаций, районных здравотделов и обществ Красного креста. И вот на предприятиях, в учреждениях и в вузах Ленинграда гремит горячий призыв к советским патриотам:

— Раненым на фронте защитникам родины нужна кровь. Записывайтесь в доноры, идите в Институт переливания крови.

На этот призыв отозвались десятки тысяч советских патриотов.

Студенты Педагогического института имени Герцена во главе со своими педагогами, преподавателями пришли как доноры в Институт переливания крови.

Студенты Лесотехнической академии во главе со всем руководством академии пришли как доноры в Институт переливания крови.

С фабрик и заводов на грузовиках приезжали группы рабочих и давали свою кровь.

Жены военнослужащих — боевые подруги — после дежурств в госпиталях и лазаретах приходили в Институт переливания крови и давали свою кровь.

Многие отказывались даже от компенсации, которая полагается советскому донору на усиленное питание. А старые доноры, да и многие новые доноры показывали себя опытными пропагандистами и организаторами.

Ревизор железной дороги Каралис Николай Павлович — донор с 1938 года. Он увидел, как попала под колеса трамвая женщина. Ей отрезало ногу. Он услышал, что ее могло бы спасти переливание крови, и с тех пор он стал активным донором. В первый день войны он дал одним из первых свою кровь. А потом, на Финляндском вокзале, он рассказывал про священную войну за родину. Он объяснял оперативные сводки, говорил о переливании крови. Проводники слушали его и изъявляли желание стать донорами. Ему задали вопрос:

— Как это так — давать кровь? Это же опасно.

— А вот я даю по 400 кубиков. Жирный петух никогда боевым не бывает, — ответил Каралис.

И эти слова его в сочетании с неутомимой, кипучей деятельностью оказались одним из самых лучших аргументов. Они доходили до самого сердца. Донор Каралис за время войны привлек к донорству 70 человек.

На фабрике «Красная работница» после лекции донорами стали многие работницы.

Смуглая девушка с блестящими черными глазами обратилась после собра-

ния к своей подруге. Она просила рассказать ей поподробнее, объяснить все, о чем говорил лектор. Ей не все было понятно. Она еще не совсем хорошо понимала русский язык.

Подруга старательно рассказала ей обо всем. Смуглая девушка слушала, на лице ее были и волнение, и глубокое раздумье.

— И я тоже пойду, и я дам кровь. — И она дала кровь и не взяла компенсации.

Она рассказала, что старший брат ее в фашистской тюрьме, что младший брат ее расстрелян. Она рассказала о том, как она больше года была на фронте под Овиедо, в героической Астурии. Она — доброволец Астурийского батальона, комсомолка Мария Дель Кармен Арасела Фернандес Гарсиа. Оттуда она переехала в Советский Союз в 1937 году с испанскими детьми. И многие работницы, глядя на нее, потерявшую родную Испанию и нашедшую здесь, в Ленинграде, новое любимое отечество, — тоже становились донорами.

★

В госпитале, в палате, движение. Лица у врача и сестер серьезные. У раненого правая нога — огромная, словно бревно, и болит, болит... Из-под одеяла несет смрадом. Выше колена — бронзовые пятна. Это газовая газ-грена. Но раненый не понимает, что с ним.

В сумеречном сознании встают сосенки за рекой, серое небо, испачканное разрывами шрапнели, вой снарядов, грохот разрывов. Батальон стремительно наступает. Серьезный успех уже одержан. Его надо развить. Вперед, только вперед. Вдруг сбоку встает, закрывает весь мир черная грохочущая стена, брызжут огненные стрелы. Потом раненый видит себя на снегу. Встает и падает, и вновь встает, и падает опять.

И вот он в госпитале.

Врачам ясно: положение очень серьезное, почти безнадежное. А раненый все еще не догадывается. Он вызывает врачей на соревнование — пускай они вылечат его в полмесяца, а он берет обяза-

тельство вновь биться до полной победы над врагом.

Гангренозные пятна уже у самого бедра. Врачи переливают кровь. Еще и еще. Четыре раза они переливают кровь. Жизнь раненого спасена. И нога его тоже спасена. И только потом, когда миновала всякая опасность, по обрывкам разговора, по случайным словам и обмолвкам раненый понимает, что с ним было.

Глубоко потрясенный, он просит врачей, он просит сестер рассказать ему, чья же кровь спасла его, кому он должен сказать спасибо, кому поклониться в ноги. И ему рассказывают об Инсти-

туте переливания крови, о сотнях и тысячах ленинградцев, которые шли и отдавали свою кровь. Старая медицинская сестра — она работает в госпитале 33 года — говорит раненому, и в голосе ее сила, ясность мысли и пламень большого патриотического сердца:

— Чья кровь? — Народная кровь! Народу в ноги поклонись! Советскому народу скажи спасибо!

И раненый молчит, взволнованный и потрясенный до глубины души, и в сознании его горят слова великого и такого родного человека:

«Если понадобится, всю кровь, каплю за каплей, отдам за нашу родину».

Люди Западного фронта

А. ХАМАДАН

★

УТРО

С вечера зарядил снег, запуржил. Противник вел с короткими передышками беспокоящий огонь. На дальней дистанции — снарядами, на ближней — крыл во-всю из минометов. Иногда он сразу посылал к нам залп за залпом — снаряды и мины вместе.

Немцу не нравилась эта пурга, первый подмосковный морозец, глубокие снежные навалы на полях и дорогах. Он боялся ее прихода. Она пришла, крепкая, хрустящая, вся в сверкающих блестях, — зима. В городе, на улицах, снежок подтаивает, прязнится. А здесь, на открытых холодному ветру полях, снег лежит крепкий, зимний, смерзшийся.

Вечер сегодня особенный, волнующий, напряженный. Всем хотелось в этот, именно в этот, вечер совершить что-то необычное, незабываемое. Но еще днем стало известно, что особые обстоятельства не позволяют должным образом отметить канун великого, торжественного праздника. Враг близок — порох надо держать сухим. Все силы, все внимание, всю ярость и все напряжение — против близкого, бешеного врага.

Поет свою песнь ветер, намечает сугробы. Люди пристально смотрят в вечернюю муть, прислушиваются. А мысли летят в Москву, в Ленинград, в Сибирь, на станцию Завитую, откуда родом пулеметчик Ценин Иван. Сейчас везде, повсюду в нашей огромной

стране октябрьские вечера. Иван Ценин вспоминает, как на таком вот вечере его премировали патефоном и двадцатью пятью пластинками.

— Если бы жена догадалась сыграть сейчас — услышал бы, — говорит он.

Только высокое волнение может убедить человека в том, что он услышит звуки патефона из далекой Сибири, со станции Завитой...

Командир полка майор Николаевский и комиссар Грачев о чем-то шепчутся. Они смотрят друг на друга, улыбаются. Николаевский говорит:

— Сейчас в честь великого праздника организуем иллюминацию, фейерверк, как в Московском парке культуры и отдыха, за счет фашистского казначейства.

Это неожиданно и непонятно. Но вскоре все делается ясным. Группа саперов исчезает в лесу. Затем в стороне, на поле, лежащем неглубокой ложинкой, вспыхивает гигантский костер. В окружающей его кромешной тьме огонь костра кажется сказочным. Широкие и длинные языки пламени лижут темноту, тянутся звзвь.

Умолкла фашистская артиллерия. Тишина. Враг поражен этим дерзким вызовом. Проходит несколько минут. И начинается яростная, несусветная какофония рева и грохота. В темноте, вокруг костра, падают снаряды, они разбиваются на сотни юрких, мечущихся огоньков. Десятки, сотни снарядов и

мин. Феерическое зрелище. Автоматчик Пронин в восторге говорит:

— Прямо, как на картинке!

Наконец, после уймы выпущенных снарядов, немцы попадают в костер. В черное небо взметнулись мириады искр, объятые огнем куски дерева. Это надо увидеть однажды, чтобы помнить всю жизнь.

Позвонили с командного пункта соединения и спросили:

— Что это за иллюминация около вас?

— В честь праздника, за фашистский счет.

Разметанный снарядами костер угасал на снегу. Ночь опять покрывала все непроницаемой, черной пеленой. Поняли ли немцы, какую шутку разыграли с ними? Едва ли. Они опять продолжали вести нервный, беспокоящий огонь по всему участку.

Горячая, обжигающая весть достигла полка уже за полночь: в Москве на торжественном заседании Московского Совета выступал Сталин.

Сам Сталин!

Эта весть взволновала бойцов и командиров. Значит, Москва, грозная и непоколебимая Москва, осталась верной себе. Там, в суровой обстановке, когда враг стоит у ворот столицы, на трибуну взшел Сталин.

Хуже всех чувствовал себя комиссар полка товарищ Грачев. Он взял на себя всю вину.

— Разве нельзя было установить несколько радиорупоров? Конечно, можно было. Надо было только подумать об этом.

Хмурый Грачев полез в блиндаж. Вскоре туда же прошел начальник связи, худой и веселый товарищ Трофимов. Мы слышали отрывки этой беседы.

Сперва говорил Грачев:

— Помни, друг, это может быть вполне. Сам понимаешь, политическое значение.

Потом голос Трофимова:

— Есть, товарищ комиссар, расшибусь, но сделаю.

Трофимов пропадал со своими связистами всю ночь. Они появились часов

в пять-шесть утра. Добыли откуда-то радиорупоры, установили их. Когда наступил рассвет, все было готово. Бойцы и командиры жадно слушали «Последние известия по радио». Говорила близкая и родная Москва. Передавали боевую сводку: «От Советского Информбюро...»

Грачев лежал прямо на снегу и слушал.

Когда радио умолкло, он тихо сказал мне:

— Понимаете, товарищ, я думал, что сегодня устрою такой праздник бойцам...

Вдруг что-то зашуршало в радиорупоре, точно кто-то гулко кашлянул. Грачев умолк и напряженно прислушался. Он посмотрел на часы: ровно восемь. Из рупора, наконец, прорвалось и загремело по всем укрытиям и блиндажам, по недалекому леску, по снежному полю — могучее, раскатистое «ура». Оно катилось, точно волна, набирая силу, ударяясь о невидимый берег и опять нарастая, — это знакомое, торжественное «ура».

— Красная площадь, — прошептал Грачев. — Парад...

Лицо его было ликующим и сияющим, как у ребенка, получившего любимый подарок. Вокруг стояли и лежали бойцы и командиры. Возле самого рупора стоял Трофимов, человек, свершивший неопенимое. Он улыбался всем своим лицом, гордый и счастливый.

Шум Красной площади утих. Наступила краткая тишина.

«— Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!..»

— Это Сталин, это говорит Сталин! — вырвалось у кого-то из бойцов.

Да, это говорил Сталин. Его ровный, решительный голос, неторопливые и уверенные слова, мужественные интонации. Затаив дыхание, бойцы слушали

голос своего вождя, великий голос своей родины. И когда вражеские снаряды ложились близко и на секунды бойцы теряли в грохоте несколько слов, кто-нибудь один быстро говорил: товарищ Сталин сказал сейчас то-то и то-то.

«...— Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на отечественную войну так же, как двадцать три года назад...»

«...— На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!..»

Головы бойцов тянулись ближе к рупору. Их лица, простые и суровые, покрытые копотью снарядных разрывов, светлели. Слова Сталина падали в их раскрытые души. И люди росли, делались выше и шире. Каждое новое сталинское слово делало их сильнее.

«...— Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Люди у рупора недвижны, молчаливы. Обаяние и величие сталинских слов потрясло их души. Их жжет огонь сталинского призыва — волнующий, вдохновляющий. Великий народ, великая родина устами Сталина на бессмертный подвиг, на великую победу призвали своих бесстрашных сыновей и дочерей, людей железного мужества и непреклонной решимости.

Долго, очень долго шумит, рукоплещет Красная площадь Москвы. Здесь это все сливается с грохотом неистового боя. И в шуме великой битвы за родную Москву набатом звучат пламенные слова:

«Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

СТОЙКОСТЬ

Стремительно и неожиданно часть майора Ильина, сломив сопротивление немцев, глубоко вклинилась в их распо-

ложение. Наступил вечер, и густая зимняя темнота окутала всю местность вокруг. Ильин приказал закрепиться на новых рубежах, освоить немецкие укрепления, блиндажи, окопы.

Всю ночь бойцы и командиры перестраивали систему немецких укреплений на «новый лад» — поворачивали ее огневыми точками в сторону врага. Почти во всех блиндажах и ДЗОТ'ах остались немецкие тяжелые пулеметы, минометы, масса патронов и мин. После быстрого осмотра их также приспособили к стрельбе по фашистам. К двум часам ночи немецкие рубежи были прочно освоены бойцами и командирами части майора Ильина.

Удар Ильина, очевидно, ошеломил немецких солдат, а фашистских генералов привел в дикую ярость. До трех часов ночи фашисты не произвели ни одного, даже винтовочного, выстрела. Но, начиная с 3 часов 00 минут, начался бешеный артиллерийский и минометный обстрел. В 4.30 над новым расположением части Ильина появились «юнкерсы» и «мессершмитты». Они сбросили более ста разнокалиберных фугасных бомб. В 5.30 воздушный налет повторился. Фашисты сбросили еще семьдесят бомб.

К 6 часам утра из всех подразделений были получены данные о результатах налетов: ни одного раненого и ни одного убитого. После страшного грохота, взрывов, рева и воя бомб, когда казалось, что земля разверзлась и превратилась в гигантский огнедышащий вулкан, — не верилось, что жертв нет. Майор Ильин приказал вторично опросить командиров подразделений. Ответ был такой же: жертв нет.

В 7 часов началась мгlistый рассвет. Привезли горячий завтрак: гуляш и чай. Горячая пища особенно приятна на крепком морозе. Бойцы и командиры с удовольствием ели и пили, то-и-дело подставляя котелки и чашки под повторные порции. Подносчик пищи узбек Алимов, разливая из термоса чай, приговаривал, иронически улыбаясь:

— Ай холодно, ай холодно, зато немцу жарко!

Этот южанин чувствовал себя на двадцатиградусном морозе так же хорошо, как в июльский зной в Ферганской долине.

Еще не был донит чай, когда немцы начали артиллерийскую канонаду. Они били с ближних и дальних дистанций. Разрезая воздух, немецкие мины издавали противный, похожий на глухой визг свиньи, звук. Мины и снаряды ложились близко, иногда падали на блиндажи. Осыпалась земля, съезжали скаты. Но блиндажи выдержали этот удар.

В блиндаж, где находился командный пункт Ильина, внезапно позвонили с крайнего левого фланга: идут немецкие танки — девятнадцать штук, за ними — фашистская пехота. Едва Ильин положил трубку, как телефон вновь запищал. Звонил «Король» с крайнего правого фланга: идут немецкие танки — девятнадцать штук, за ними — фашистская пехота. Ильин поморщился. Ему, конечно, не нравилась эта одновременная танковая атака с обоих флангов. Но война — есть война, ничего не поделаешь. Он попросил военкома части Гаврилова взять на себя руководство правым флангом.

— Ты уж там, друг, сделай с ними что-нибудь, с этими свиньями. Не позволяй им нахальничать.

Комиссар еще не успел выбраться из блиндажа, как телефон опять запищал. На этот раз двенадцать немецких танков острым клином двинулись прямо в центр занимаемого Ильиным рубежа. Дело принимало крутой оборот. Немцы не в шутку разъярились за свою вчерашнюю неудачу — потерю укрепленных позиций. Сегодня они, как видно, решили вернуть свои старые рубежи и заодно разделаться с частью Ильина, которая так решительно выбила их из обжитых, теплых блиндажей.

Майор Ильин побледнел, лицо его как-то заострилось, голос стал глухим, но, вместе с тем, ясным и четким. Чувствовалось, что в человеке поднялись, напряглись все его внутренние силы.

В этом человеке-командире все было ясно. В жизни каждого бывают такие минуты, когда все то, что прячется

внутри, выходит наружу. У Ильина это получилось так, как должно было случиться у мужественного честного русского человека. Вчера он одержал крупную победу, сегодня у него хотят ее вырвать.

Ильин снял трубку с телефонного ящика.

— Дайте Камчатку, — сказал он. — Камчатка! Камчатка! Здрóво, говорит Волга. Слышишь, говорит Волга. Пропустите танки. Да, все, сколько их будет, столько и пропустите. Сам знаешь, что делать. У тебя все есть? Молодец, держись. Потом, когда кончится, заходи в гости, будет тебе особая чашка.

— Король, привет! Слышу, у тебя земля дрожит? Ну, ничего, она у нас терпеливая. Знаешь русского мужика: молчит, молчит, а как даст по уху... Ближко? Ну, принимай, брат, меры, не подкачай, у тебя не бойцы, а орлы...

— Это Волга. Как у тебя там? Хорошо, хорошо. Ты вот что, Грозный, пропусти их, пехоту помню, как следует, и дуй дальше, вперед. Мы здесь сами управимся. Ну, если плохо будет, увидишь, придешь тогда обратно, на ручку.

Глубоко вздохнув, Ильин полсел на телефонную трубку на ящик, взял чашку остывшего чая и выпил ее залпом.

— До войны читал я одну нашу книгу про войну, товарищ корреспондент, — сказал он. — Так там написано, что командир стоял на командном пункте, как железный памятник, — невозмутимый, спокойный. Какая это чепуха, вы меня извините, пожалуйста. Человек — есть человек...

Ильин вылез из блиндажа. На широком участке лежало открытое снежное поле. За ним, откуда наступали немцы, — молодой березняк. На левом фланге — высокий кустарник. Справа чернели обдутые ветром болотные кочки. Все это пространство было пустынно и безлюдно. Наблюдать было с места, выбранного Ильиным, очень удобно. Все поле предстоящего боя раскрывалось цельной панорамой.

Сперва танки показались на левом фланге, на «Камчатке», там, где кустар-

ник. Показался головной, и за ним шли изогнутыми рядами остальные: в первом три, во втором четыре, в третьем пять и в четвертом шесть танков.

Немецкая артиллерия перенесла огонь в глубину, далеко за наши рубежи. В это время показались танки и в центре и на правом фланге; они шли таким же строем, как и первая группа.

Заговорили наши противотанковые орудия. В центре один танк засекал, стал. Остальные продолжали движение. На левом фланге раздался взрыв. Фашистский танк пылал. Но и там остальные танки продолжали идти вперед. Они наползали на окопы, круто разворачивались на них, приседали, разминая землю. И проходили дальше, вперед. Из разрушенных окопов неожиданно поднимались люди, в гусеницы танков летели гранаты.

На левом фланге уже подбито четыре танка, в центре — два. За линией наступающих танков идет ожесточенная стрельба из пулеметов и автоматов. Это Грозный отрезал фашистскую пехоту от танков и решит ее пулеметами. Там жаркий огонь, дело, очевидно, горячее. На правом фланге слышен грохот противотанковых пушек и разрывы гранат. Один танк наполовину завяз в болоте — ему никогда оттуда не выбраться.

Неожиданно в ближнем тылу раздается частая дробь немецких автоматов. Ильин даже не обернулся:

— Там уже есть мои люди, сами управятся, — говорит он и следит за боем на поле.

Танки упорно лезут вперед. Одни — фашистская пехота осталась далеко позади. Грозный калечит ее во всю силу своих пулеметов, гранат, штыков. Но за танками ничего не видно. В центре, на фашистском танке, на самой башне, сидят два наших бойца. Танк бешено кружится на месте. Он хочет сбросить наших бойцов. Это его последний, предсмертный танец.

Один из бойцов, потом узнали — это был Нестеров, льет в смотровые щели и на выхлопные трубы бензин. Танк пылает, как огромный факел. Бойцы прыгивают, лежат в мертвой, недося-

гаемой для пулеметов зоне. Потом они, низко пригибаясь, бегут к другому танку.

На правом фланге — пять подбитых танков и один горит. Остальные, не получив помощи от своей пехоты, повернули назад. На левом фланге ничего разобрать нельзя — семь танков стоят, из них три горят. Остальных не видно. Треск автоматов в ближнем тылу стих, а вскоре и совсем прекратился. Ильин улыбается впервые за пятьдесят минут боя.

В центре поля внезапно взвизывает сигнальная ракета. Фашисты дают сигнал к отступлению. Танки поворачивают и полным ходом мчат к себе, назад. Теперь они стремглав пронесются над нашими окопами, не мнут их больше, — не до этого им.

Бой стихает на всем участке фронта. Результат: 19 подбитых и сожженных танков, 280 фашистских пехотинцев, из них 60 автоматчиков, убито. Грозно расправился с фашистской пехотой товарищ Грозный!

В 10 часов 45 минут на командном пункте Ильина собрались старшие командиры. Первым пришел «Камчатка». Высокий, худой, со свежей повязкой на голове. Он коротко отрапортовал майору Ильину.

— Садитесь, капитан Васильев, сейчас попьем горячего чайку, закусим, — предложил Ильин.

За «Камчаткой», пришел «Король». В блиндаж ввалился мужчина-гигант с большой черной и блестящей бородой. Из этого «Короля» вышел бы настоящий император. У него веселые, довольные, добродушные глаза. Капитан Хасин сразу же берет телефонную трубку и кричит кому-то:

— Слушай-ка, гони ты сержанта Мокина в госпиталь. Он — герой, а герон нам нужны. Пусть подлечится.

Голос у Хасина, точно иерихонская труба. Блиндаж дрожит, когда он смеется или разговаривает.

Последним заходит «Грозный». Маленький, стройный, подвижной. Он сразу садится на подстилку, берет чашку чая и большими глотками льет крутой кипяток в горло. Он извиняется,

говорит, что изжога замучила его, так он ее травит кипятком. Потом «Грозный» смотрит на Короля-Хасина и спрашивает его:

— Ну что, царевич, в пот прошибало тебя?

— И не раз, — добродушно отвечает великан Хасин.

Ильин и военком Гаврилов опускаются рядом с капитанами. В блиндаже появляется боец Алимов с большой бутылкой. Он наливает прямо в железные кружки. Майор поднимает свою и говорит:

— За стойкость бойцов и командиров гвардейцев! За то, чтобы всегда стояли так, как сегодня!

— Гвардейцы будут стоять! — ответил за всех капитан Васильев.

ХЛАДНОКРОВИЕ

В шесть утра вдоль боевых рубежей, занимаемых частью майора Паныкина, пролетел фашистский самолет. Он летел низко, удушливый асфальтовый хрип моторов резко отдавался в ушах. Казалось, что он пролетает над головами.

Команда — «Воздух!»

Люди залегли в укрытия, в блиндажники и окопы. Долго возились с веселой «Танькой» — маленькой серой лошадкой. Она привезла горячий завтрак в двух больших термосах-бидонах. «Танька» упиралась, не хотела сойти в специальное укрытие. Боец Силин ласковым голосом, точно любимой девушке, говорил:

— Танюша, ведь убьет, он же сволочь, не разбирается.

Мы ждали треска пулеметов, взрывов бомб. Но ничего не было. Самолет покругил над нашими головами несколько долгих минут и улетел. Его никто не видел. В шесть утра здесь темно, как в середине ночи. Когда наступил мутный рассвет — около семи часов — мы увидели на снегу, на кустах, листовки. Бойцы собирали их. Одни читали, другие, не читая, приносили их комиссару части Котову.

Листовка была краткой: «Солдаты-красноармейцы! Верховное командование

германской армии обращается к вам с предложением. Сложите оружие, переходите к нам. Мы вам даем срок — ровно в 12 часов дня. В противном случае никто из вас не останется в живых. Ваша часть полностью окружена. Вы еще не знаете этого. Но леса и болота вокруг вас уже в наших руках. В 12 часов — оружие должно лежать на снегу».

Котов прочел эту листовку вслух окружившей его группе командиров и политработников. Несколько минут все молчали.

Силин принес горячий чай, разлил его в кружки. Невольно разговор коснулся «Таньки», ее упрямства. Над Силиным хотели посмеяться, пошутить, отвести душу.

— Что же это ты не ведешь воспитательной работы? Танюша не выполняет правил маскировки, — сказал один из командиров.

— Она чует, когда опасно, когда нет, — ответил Силин. — Конь вполне воспитанный, фашистской агитации не боится.

После завтрака и беседы с комиссаром командиры разошлись по своим подразделениям.

В девять часов началось. Отдельные винтовочные выстрелы сменились залпами. Потом залаяли минометы. Через полчаса на этом боевом участке дрожала земля, крихтел и ломался лес. Снег начал чернеть. Из торфяных болот взметались к небу густые фонтаны болотной грязи. Точно такая же картина была и по ту сторону леса — у немцев. Неистовый прохот, рев и свист продолжались еще часа полтора. И потом все стихло, сразу с обеих сторон. Наступила тишина.

На командный пункт майора Паныкина прибежал старший лейтенант Смирнов и доложил: только-что немцы кричали со своего переднего края в рупор: «Русские, скоро 12 часов, пожалейте своих жен, родителей, детей. Кладите оружие на снег. Не обманывайте».

— Ну, а ты что ответил? — спросил Паныкин.

— Ничего. Некоторые бойцы послали крикуна к богу.

— Так. А зачем пришел? Мог и по телефону доложить. Как настроение бойцов?

— В основном отличные. Есть некоторые, трусят.

— Вернитесь в подразделение, товарищ старший лейтенант, и не спускайте глаз с противника.

После ухода Смирнова майор вызвал офицера связи Гранкова и приказал ему неотлучно до 13 часов 00 минут находиться в подразделении Смирнова. Майор добавил:

— Есть там несколько трусов. Немец только и ждет случая напугать. Так вы там железной рукой наведете порядок.

В 12 часов звонили по очереди из всех подразделений. Немцы категорически требуют сдачи в плен.

В 12 часов 20 минут неожиданно из леса, находящегося в тылу расположения части Панькина, залаяли десятки автоматов. С фронта в лоб стали бить пулеметы и минометы. До батальона немцев вышло на крайний правый фланг — участок Смирнова. Бешеная кутерьма охватила весь участок фронта. Комиссар части Котов с двумя автоматчиками бросился к рубежу Смирнова. Немцы были в ста пятидесяти метрах от рубежа. Часть наших бойцов вела по противнику ружейный и пулеметный огонь. Смирнов лежал на снегу за бугорком и смотрел мертвыми глазами на приближающихся немцев. Рядом с ним лежал Гранков. Он был тоже мертв. Опять с тыла залаяли фашистские автоматы. Группа бойцов выскочила из окопа и побежала в сторону, на болото. Кто-то крикнул:

— Нас окружили!

Еще одна группа бойцов побежала к болоту. Котов кинулся наперерез.

— Стой! Ложись, окопайся снегом, — приказал он.

Бойцы легли, окопались. Но двое продолжали метаться по болоту, увязая в снегу. Они кричали:

— Немцы, немцы!

Неожиданно появился Силин с немецким автоматом в руках. Он пополз к болоту. Крики затихли. Котов вернул всех поднявшихся бойцов. Часть из них он повернул к лесу. После его команды

был открыт беглый пулеметный и винтовочный огонь по лесу. Автоматчики смолкли.

С болота появился Силин. Один. Он доложил комиссару:

— Думал, честные советские люди. А они, как паршивые овцы, могли всю часть погубить — панику развели.

— Командовать ротой сумеете? — спросил у него вдруг Котов.

— А почему нет. Попробовать надо.

— Примите команду.

— Есть принять команду.

По рубежу пронесся могучий голос Силина. Спокойный, бодрый. Было в этом голосе что-то веселое, радостное. Но главное заключалось в необычайной силе уверенности этого человека. Он точно наполнял людей отвагой, неустранимостью. Командир роты Силин, не склоняясь, прошел по своему боевому участку. Он говорил промком:

— Товарищи бойцы, вы ведь меня все знаете, кормил я вас. Так вот — я назад не отступаю. Но если пойду вперед, все, как один, за мной. Глаз у меня хороший, все видит...

А немцы подошли уже метров на пятьдесят-шестьдесят. Силин лег за снежный бугорок, примостил автомат и дал очередь. Его огонь дружно подхватили бойцы.

Немцы продолжали идти почти в рост, не стреляя. Это была психическая атака. Гитлеровцы демонстрировали свою фашистскую удаль. Они падали сперва по одному, а потом по пять-шесть сразу. Но продолжали идти вперед, на наших бойцов. Силин оглянулся на Котова. Комиссар, стиснув зубы, стрелял с колена из винтовки — на выбор.

Силин вскочил на ноги, бросил пустой автомат в снег, подхватил чью-то винтовку. Своим сильным голосом он поднял всю роту. Рядом с ним шел комиссар части Котов. Советские бойцы шли в полный рост, широкой, крепкой стеной, с винтовками наперевес. Психическая контраста! Стены сближались. Оставалось пятнадцать-двадцать метров. Силин крикнул:

— Коли штыком, бей прикладом немецкую сволочь!

Бойцы бросились вперед. Фашистская стенка дрогнула и рассыпалась. Немцы побежали обратно. Показная удаля гитлеровских молодчиков была сломлена железным хладнокровием советских бойцов..

Потом Силин рассказал: возвращался со своей «Танюшей» лесом. Ее убило осколком мины. Заметил немецкого автоматчика. Подкрался сзади, прицелился из винтовки и покончил с ним. Услышал со стороны правого фланга крики. Пошел.

— Это все — герои бойцы,—показал Силин на красноармейцев своей роты.— Но попадает, конечно, трус, паникер. Такого жалеть не надо. Пожалешь — всех погубишь.

Когда немцы были отброшены на свои исходные позиции, Силин приказал подсчитать оставшиеся на поле боя фашистские трупы. 127 немцев — результат психической контратаки бойцов подразделения молодого командира Силина.

ИЛЬЯ СЕМЕНОВИЧ

Грузовик выбрался на шоссе и остановился. Справа, рядом с обочиной — свеженасыпанный холмик. Два больших камня лежат на нем и между ними грубо отесанная доска. На ней черной краской большими неровными буквами написано:

«Красная Армия, русский народ никогда не забудут тебя! Спи спокойно, Илья Семенович, храбрый человек, наш боевой соратник. Прости, что не знаем твоей фамилии.

Бойцы и командиры РККА.»

Дальше, за холмом — выжженная и изрытая, без единой травинки, земля. Обугленные бревна, железные койки, операционный стол, умывальники, тазы — черные и искривленные, покрывают землю.

Недавно здесь была молодая, веселая рощица. В ней — полевой пункт первой хирургической помощи. Хирург, три сестры, четыре санитары, повар. В маленьких палатках, окружавших большую, просторную избу—операционную, — лежали раненые. Они получали здесь

только самую необходимую, первую помощь, затем их отправляли дальше, з тыл.

Однажды, на исходе дня, над рощей пролетел фашистский разведчик. Бомбардировщик снизился, сделал над палатками два круга и улетел, не сбросив ни одной бомбы. Он только покачал крыльями, точно сказал: «Да, вижу, здесь раненые. На палатках вижу знаки Красного креста».

Поздно вечером с линии фронта на машинах были доставлены раненые бойцы и командиры. В избе началась напряженная работа. Старый хирург занял свой боевой пост у операционного стола...

Ночью прилетели три фашистских бомбардировщика. Бомбы падали рядом, град осколков бил землю, деревья, кусты, палатки. Был тяжело ранен старый хирург. Девять бойцов и командиров ранены повторно. Три человека убиты: повар, сестра и один из раненых командиров.

Утром, когда над землей еще стелилась туманная дымка, на шоссе появилась большая толпа беженцев. Они проходили мимо рощи усталые, угрюмые, молчаливые. Это были беженцы из соседнего маленького поселка. Отстав от толпы, шел, сильно прихрамывая и опираясь на палку, молодой человек. Он был ранен осколком бомбы в ногу, когда фашисты бомбили поселок. Ему было трудно идти.

Старшая сестра вышла на шоссе и крикнула в толпу:

— Товарищи! Нет ли среди вас врача?

Ей ответили несколько голосов:

— Нет, нет.

Когда сестра повернулась, чтобы идти обратно к избе, с ней поровнялся стоявший от толпы человек. Он остановился, откинул со лба мокрую прядь черных волос и тихо сказал:

— Товарищ сестра, я врач, если нужен, пожалуйста...

Она привела его к раненому хирургу. Старик внимательно оглядел человека, спросил его имя и отчество. Они говорили о своих врачебных делах. Молодой врач что-то сказал старику-хи-

ругу извиняющимся голосом. Старик, это было заметно, подчеркнуто бодро ответил:

— Все это мелочи, дорогой коллега. Теперь вам предоставляется возможность стать и хирургом. Ну, с богом, Илья Семенович, приступайте.

Койку, на которой лежал раненый хирург, придвинули к операционному столу. Врачи договорились между собой: молодой — Илья Семенович — будет говорить старику — Владимиру Николаевичу Грызлову — о характере раны, о ее состоянии. Старик должен давать указания, советы, как оперировать. Илья Семенович, по специальности терапевт, будет оперировать.

Самыми трудными были первые часы. Илье Семеновичу надо было работать одна. Раненая нога нестерпимо болела. Сестра и раненые видели это. Они видели, как мгновенная бледность временами покрывала лицо врача. Он стискивал зубы, иногда пил воду, жадно, большими глотками.

Одного за другим к столу подносили раненых. В избе раздавался сперва голос Ильи Семеновича, какой-то далекий и глухой:

— Разорвана связка...

— Раздроблена кость...

Потом слышался голос Владимира Николаевича. Он лежал на койке с закрытыми глазами. Рана у него была тяжелая, ему впрыскивали уже раз камфару. Старику было трудно говорить. Он почему-то, когда отвечал, каждый раз переваливался на бок и открывал глаза. С минуту он молчал и потом скупо и точно говорил, что надо делать, как надо делать.

Так они работали весь день и всю ночь. На следующее утро старый хирург Владимир Николаевич Грызлов умер. Илья Семенович, молодой хирург, остался один. Он отдыхал полчаса, пока сестра, Софья Борисовна Полякова, меняла перевязку на его раненой ноге. Потом подошли три санитарные машины. Они привезли раненых с фронта и укатили обратно. Илья Семенович опять склонился над операционным столом.

Днем прилетели два фашистских «юнкерса» и сбросили пять фугасных бомб на рощу. Но ни пункт, ни раненые не пострадали. Взрывной волной были сорваны и унесены палатки. Сорвало крышу с избы. Одно бревно повисло над операционным столом. Санитары раскачали его и выгасили. Илья Семенович казался глухим, бесчувственным. На столе перед ним лежал раненый. Врач ни на секунду не прервал хода операции.

Пришел санитар и сказал, что нашли одну свободную машину и послали ее за врачом-хирургом. Скоро он, наверно, придет, и тогда Илья Семенович отдохнет. Его самого отправят в госпиталь, чтобы там посмотрели рану на ноге. Илья Семенович устал улыбку и сказал:

— Вот и отлично. Признаться, я уже обессилел. Меня клонит ко сну...

Врач и сестра продолжали работать до вечерней темноты. Поздно вечером приехал хирург. С ним прибыло несколько санитарных машин для эвакуации пункта. Илья Семенович опустился на койку, на которой лежал раньше Владимир Николаевич. Он заснул мгновенно.

Товарищи решили не тревожить его, закончить погрузку раненых и потом уже устроить на машине Илью Семеновича. Все работали молча, если и говорили, то шопотом, чтобы не беспокоить измученного человека.

Ночью, когда эвакуация пункта подходила к концу, в небе послышался рык моторов. Прилетели четыре бомбардировщика. В рощу, одна за другой, падали тяжелые бомбы. Один из легко раненных бойцов вбежал в избу, разбудил Илью Семеновича. Боец бережно поддерживал врача по дороге к машине.

Бомба упала совсем близко. Илья Семенович был убит.

Утром раненые бойцы и командиры торжественно похоронили молодого хирурга. Насыпали холм, уложили камни. Нашли доску и на ней написали трогательные до слез и суровые, как боевая клятва, слова о неизвестном герое.

Германия Гитлера против Германии Гете

И. ЗИЛЬБЕРФАРБ

★

До недавнего времени весь цивилизованный мир знал Германию как «страну мыслителей и поэтов». Наиболее ярким, живым воплощением ее был великий немец Гете, гениальный поэт, философ и ученый, обессмертивший образ доктора Фауста с его глубоким гуманизмом и беспокойным творческим умом, ищущим наиболее полного знания мира и озаренных светом такого знания новых путей организации человеческой активности.

«Страна мыслителей и поэтов» дала человечеству Лессинга, Шиллера и Гейне, Баха, Бетховена и Вагнера, Канта, Гегеля и Маркса, Гумбольта, Гельмгольца и Эйнштейна — десятки замечательных мастеров науки и искусства, имена которых составляют гордость не только Германии, но и всего культурного человечества.

Эти выдающиеся творцы культуры могли родиться и развернуть свои творческие способности только среди народа с высоко развитой материальной и духовной культурой, среди народа, любящего науку, литературу, музыку, живопись и зодчество, народа образованного и трудолюбивого, народа, давшего в своем массовом творчестве образцы организованным человеческим разумом и проникнутого любовью к человеку и его нуждам труда.

Но на пути культурного развития

германского народа не раз выступали как препятствие представители паразитических классов с их хищническими устремлениями, с их империализмом и милитаризмом. Они создали культ пруссачества и солдатчины, олицетворенный в тупом короле-солдафоне «великом Фрице». Не раз пытались они свратить германский народ с пути творческого мирного труда и увлечь его на путь разрушительных, грабительских войн во имя чуждых ему интересов. Эти войны приносили германскому народу невероятные лишения и страдания, они были для страны гнетущим бременем, они кончались тяжелой расплатой за слепое следование воинствующим «псам-рыцарям».

Одной из таких трагических для Германии войн была вызванная кайзеровским империализмом война 1914 — 18 годов, окончившаяся разгромом германской армии и приведшая германский народ к величайшим бедствиям. 9 ноября 1918 года народные массы Германии в своем революционном порыве покончили с режимом империализма и милитаризма. Они проявили свою волю к миру, к свободе, к созидательному труду, к социальному обновлению. Но реакции удалось хитростью и насилем подавить этот революционный порыв. Движение, которое выступило под лживой маской «нацио-

нального социализма», использовало справедливые устремления народа к национальной свободе и к социальным преобразованиям, чтобы увести этот народ снова на путь истребительной войны.

И снова Германия Гете, Германия творческой мысли и созидательного труда была оттеснена Германией тупой солдатчины и разрушительных военных авантюр. «Новое» заключалось только в том, что воинствующий германский империализм возглавил на сей раз не коронованный прусский солдафон, а проходимец из Австрии, ловкий шулер, кликушествовавший ефрейтор, заболевший манией величия и одержимый кровавым психозом.

Новоявленный «вождь германского народа» на всю жизнь остался недоучкой. Он объявил свою «непреоборенность образованием» добродетелью, достойной всяческого подражания. «Я благодарю судьбу,—заявил он в кругу своих приспешников,—за то, что она лишила меня научного образования... Я могу быть свободным от многочисленных недостатков...»

Все лучшее, что создано было веками культурного развития Германии, было разгромлено в Третьей империи Гитлером, в этом мрачном царстве средневековой реакции, мракобесия и варварства. Носители высокой культуры, люди, которыми гордилось все человечество, были физически уничтожены или устранены. Под фальшивым названием «германской культуры» массам германского народа стала преподноситься омерзительная стяпня из духовных отбросов прошлого, одобренная острым соусом демагогической лжи из идеологической кухни черносотенного «мифотворца», апологета «веры крови» Альфреда Розенберга и гнусного физического и нравственного уroda Иозефа Геббельса. «Германская культура» гитлеровских каннибалов, как откровенно признает один из них, Карл Мирке, в статье «Германская культура и германская солдатчина», — это «культура» истребительной войны, «культура» озверелой солдатни.

★

Германия Гете, Германия немецкого народа всегда преклонялась перед наукой, перед образованием. Это преклонение германского народа перед наукой ярко проявилось еще в средние века, когда этот народ создал героический образ ученого — доктора Фауста, который торжество научного познания ставит выше вечного райского блаженства и ради познания реального мира идет на величайшее преступление против предписаний церкви — на союз с дьяволом. В этом замечательном творении германского народа с исключительной выразительностью проявился протест этого народа против средневекового мракобесия, вера народа во всепобеждающую силу науки.

Перечеркивая всю культурную традицию германского народа, Гитлер объявил науку величайшим злом, национальным бедствием. «Именно потому,— писал он в «Майн кампф», — немцы проиграли последнюю войну, что они были слишком образованы». «Народ ученых, — поучал он в другом месте своей книги, — никогда не сможет штурмовать небеса. Он даже не способен обеспечить наше существование на этой земле, тем более, что у ученых нет никакой воли и что они — лишь трусливые пацифисты».

Ненависть воинствующего недоучки-ефрейтора к науке и ее носителям, к людям мирного созидательного труда, поистине, не имеет предела. Он заявляет, что «культура, цивилизация, гуманность и т. п. есть выражение помеси глупости, трусости и самоненания». Но на протяжении многих столетий германский народ был воспитан именно в духе культуры, цивилизации и гуманности, от лучших своих людей он усвоил глубокое уважение и любовь к науке, стремление к научному образованию. Это-то вековое наследие германского народа Гитлер решил отнять у народа, разрушить, уничтожить, ибо оно препятствовало превращению германского народа в слепо повинующуюся армию солдат-автоматов.

«Моя задача, — говорил Гитлер своим друзьям, — более трудна, чем задача Бисмарка и других государственных деятелей. Прежде чем приступить к выполнению стоящих перед нами национальных задач, я должен сначала создать нацию». «Создать нацию» на все извращающем фашистском языке означало: лишить германскую нацию ее национальной культуры. Отсюда — объявление культуры, науки, образования «предрасудками», вредной иллюзией. «Мы, — провозгласил Гитлер, — освобождаем себя от всех научных и гуманитарных предрасудков». Германский народ, чтобы стать слепым орудием хищнических замыслов коричневой банды «завоевателей мира», должен освободиться от того, что нацистские «культуроборцы» называют «иллюзией объективности» и «тщеславием образования». Отсюда — удушение культуры, науки, просвещения, отсюда — провозглашенное Георгом Узаделем требование «преодоления интеллигентной скотины в германском человеке», отсюда — жестокие преследования передовой интеллигенции в Третьей империи.

Нацистская «культура» солдатчины объявила беспощадную войну всему, что было мыслящего в германском народе. Под флагом «защиты чистоты германской культуры от разрушительных чужерасовых влияний» гитлеровцы изолировали германский народ от всего культурного человечества и от значительной части национального культурного наследия самого германского народа. В отличие от культуры всего цивилизованного мира, в отличие от славной культуры германского прошлого, гитлеровская «культура» основана не на творческом человеческом разуме, а на разрушительных звериных инстинктах. Пророки «пробудившейся великолепной белокурой бестии» ополчаются против всего рационального. На одной из нацистских партийных конференций по вопросам культуры «начальник по мировоззрению» чистых кровей «арийцев» выступил с восславлением «простого воззрения на мир», освобожденного от всяких «вымудренных теорий» и исходящего из «непреобремененного

образованностью инстинкта». Режим, не имеющий и не могущий найти себе никакого разумного оправдания, вызывает к самым низким инстинктам, пытается увлечь за собой обманутых, одураченных людей.

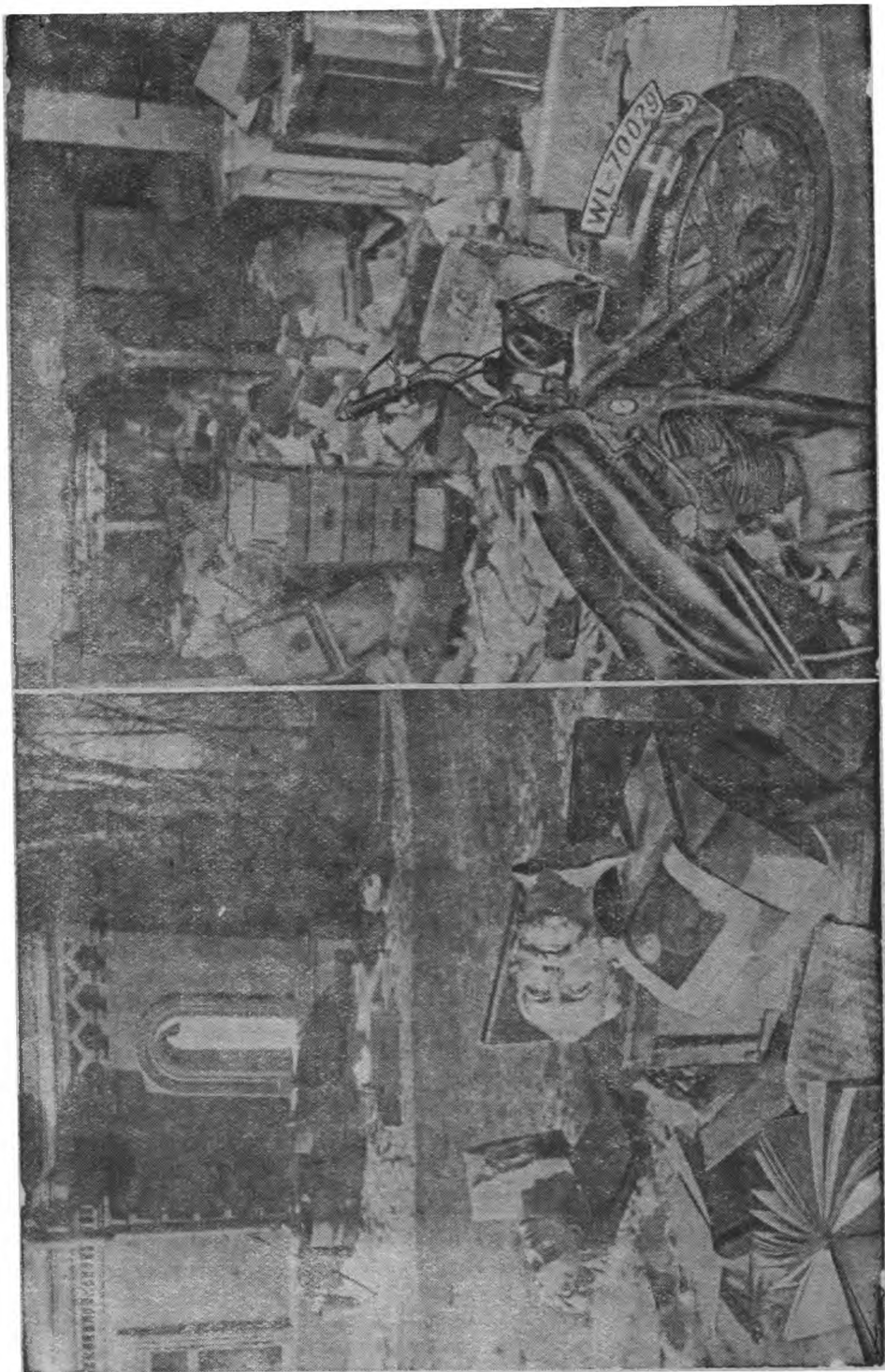
Чтобы превратить немцев в орды разбойников, насильников и грабителей, творящих свое преступное дело в слепом послушании кровожадным, хищным главарям, гитлеровцы стремятся искоренить всякое проявление человеческого разума. «Чем разумнее становится человек, — цинично признал коричневый министр «просвещения» Бернгард Руст, — тем меньше его чувство лояльности». «Интеллект, — по словам Геббельса, — это опасность для образования характера». Интеллект — это вообще «расово-чуждая» принадлежность, от которой немцы должны совершенно избавиться, ибо —

«Никогда не может муж германской
породы
Быть человеком, в ком жив
интеллект».

А раз так, нужно признать, что посвоему последователен Герман Гартнаке, один из нацистских министров, когда он восклицает: «Как хорошо было бы избавиться от господства разума!», — сокрушаясь при этом, что «совсем без разума, к сожалению, прожить невозможно».

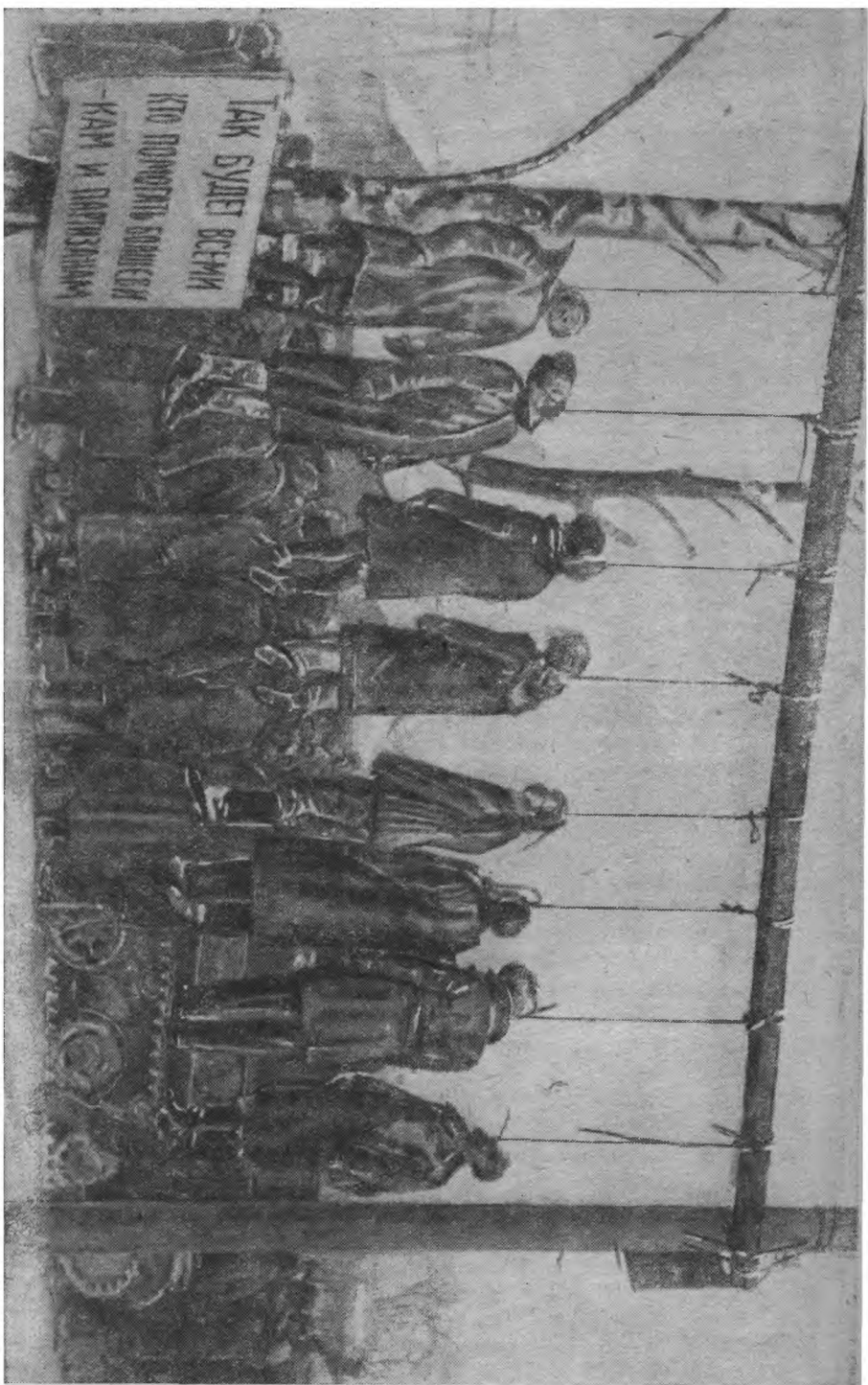
Гитлеризм мобилизует тупых «людей инстинкта» против «людей разума». Он организует дикий поход против интеллигенции, проповедует ненависть к интеллигенции как носительнице творческого разума. «Когда я слышу слово «культура», — заявляет Шлагетер, «герой» пьесы Ганса Юста, — я снимаю предохранитель своего браунинга». Эти слова наиболее верно и наиболее ярко выражают взгляды гитлеровских «культуртрегеров».

Гитлеровцы уверяют, что «так называемая» культура — вовсе не высшее достижение человечества, а лишь заблуждение, тягостный пережиток. Они воспевают «элементарные силы жизни и воспроизводства». Они требуют, что-

Дом-музей П. И. Чайковского в Клину, разгромленный фашистскими дикарями.

Фото С. Гурарий.

Траурный митинг на одной из площадей освобожденного Волоколамска, где перед своим бегством из города гитлеровские палачи повесили восемь мирных жителей.

Фото Р. Кармен.

бы все, что не содействует этим грубым животным силам, как изящно выражается нацистский «культуровед» Эрнст Крик, «поскорее забрал чорт на топливо для своей печи». Действительно, обанкротившийся коричневый горе-теоретик кричит о «банкротстве культуры» и зовет назад, к примитивному животному существованию, к разгрому и сожжению всего, что создано многовековой культурой человечества, к утверждению дикой силы нового варварства. Беснующийся шаман коричневого бога громил, бандитов, насильников и грабителей вопит: «Отступитесь от вавилонского культуростроительства!.. Пусть нас клянут варварами! Мы не хотим культуры!..»

Но совершенно устранить культуру из жизни германского народа все же оказалось невозможным. Поэтому после разгрома культурной жизни Германии гитлеровцы попытались подменить настоящую культуру фашистско-милитаристским культур-эрацем. Они попытались овладеть некоторой частью культурного наследия прошлого германского народа, выхолостить великие идеи его и превратить их в свою противоположность. Гитлеровцы хотят лишить народ действительной культуры при внешнем сохранении видимости ее. Тем самым они пытаются духовно мобилизовать массы германского народа на службу враждебному этому народу делу — делу империалистической войны.

Эссенская «Националь-цейтунг», газета Германа Геринга, в свое время писала, что «литература, музыка, всякое искусство вообще нужны только для войны и имеют ценность только тогда, когда они, как военный марш, воодушевляют народные массы на войну». Исходя из такого взгляда на культуру, как один из видов вооружения, нацисты ввели военно-фашистскую отраву во все проявления культурной жизни Германии. В первую очередь это было сделано в области искусства, ибо через искусство легче всего можно влиять на чувства, по возможности обходя столь ненавистный гитлеровцам разум. Но и во всех других отраслях культурной жизни проделана коренная перестройка

в духе гитлеризма, в духе разбойничьей войны.

Альфред Розенберг зовет к «реконструкции культуры», к «культурному возрождению», которое должно выразиться в отказе от всех достижений новейшего времени. Если бы современная война не требовала усовершенствованной техники, воинствующий мракобес Розенберг призывал бы к разрушению больших городов, этих средоточий современной культуры. При нынешних условиях он вынужден ограничиваться тем, что выражает свою «глубокую боль» при виде больших городов и заводов, которые «оскверняют лицо германского ландшафта». Но не столько против материальной культуры, сколько против духовной культуры новейшего времени направлен поход гитлеровцев. «Новый Ренессанс искусства арийского человека», который провозгласил в одной из своих бесчисленных речей Гитлер, направлен, как откровенно признается в статье некоего Оскара Лисковского на страницах «Фелькшер беобахтер», против всей линии культурного прогресса, «против просвещения от Руссо до Маркса и Ленина», «против этой великой духовной державы Запада», которую так ненавидят и которой так боятся гитлеровские мракобесы. Германия, — по словам этого представителя воинствующего коричневого обскурантизма, — должна быть отброшена на много столетий назад, она должна вернуться к своему древнейшему мировоззренческому сокровенному потоку, идущему от источников крови, к мистике, которую когда-то олицетворял средневековый монах мейстер Эккехарт, а ныне представляет новоявленный апостол мистики «крови и почвы», пресловутый Альфред Розенберг.

★

Германия Гитлера в своей борьбе против Германии Гете произвела потрясающий разгром передовой германской науки. Нет ни одной отрасли теоретического знания, которая не пострадала бы от этого беспрецедентного погрома. Сохранены были только те отрасли

прикладного знания, которые необходимы коричневым хищникам для использования новейшей техники в целях разбойничьей войны. А наряду с этим, в качестве психологического оружия гитлеровского империализма, созданы были всевозможные шулерские фальшивки, которые оглуленным и оглушенным нацистской словесностью и муштрой верноподданным Третьей империи преподносятся как последние откровения «истинно немецкой науки».

Гете, который, как известно, был не только гениальным мастером художественного слова, но и выдающимся мыслителем и ученым своего времени, высказывая свои требования к науке, говорил: «Was fruchtbar ist, allein ist wahr». Это означало, что научная истина должна не только правильно отражать объективную реальность мира, что полноценна только та научная истина, которая, к тому же, будучи проверена на практике, докажет, что она приносит человечеству полезные плоды. Нацистские жулики от науки, действуя по испытанным методам Гитлера и Геббельса, решили по-своему использовать себе на потребу это изречение великого немца. Слова «Was fruchtbar ist, allein ist wahr» они истолковали в том смысле, что для истины совсем не имеет значения, соответствует ли она объективной реальности, ибо критерием истинности является только плодородность, полезная для гитлеризма. Как бы нелепы, как бы смехотворны ни были те или иные теоретические построения и измышления гитлеровских лже-ученых, они признаются бесспорной истиной, если только они полезны для человеконенавистнического дела фашистских разбойников.

Наиболее разительным примером этого фашистского лженаучного «творчества» является так называемая «расовая теория», эта «наука наук» германского фашизма. Эту, выражаясь словами товарища Сталина, «...странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли», осудили люди самых различных убеждений. Она давно стала посмешищем всего света, и даже итальянские фашисты до того, как они

стали холопами Берлина, высмеивали эту «теорию», называя ее «прямым доказательством невежества», «психологией случайного пункта», «мировоззрением для кур и лошадей». Впрочем, вздорность своей «расово-теоретической» болтовни прекрасно сознают и сами нацистские вожаки. Нисколько не веря в эту бредовую чушь, они умышленно используют ее лишь для одурачивания народных масс. Известно, что Геббельс в ответ на замечание одного иностранного корреспондента по поводу нелепости «расовой теории» цинично возразил: «Почему вы всерьез принимаете расовую теорию? Разве вы не понимаете, что она предназначена для народа?..»

Пусть эта «теория» не имеет ничего общего с тем, что цивилизованное человечество признает наукой, пусть она нелепа и смехотворна, но она приносит пользу гитлеровской клике в качестве орудия обмана, оглуления и озверения германского народа в качестве идеологического прикрытия для преступного дела порабощения других народов и черносотенных погромов. Как сказал Гитлер, «для выполнения этой задачи понятие расы очень подходит. Оно опрокидывает старые идеи и открывает возможности для новых комбинаций». А раз так, если «расовая теория» столь плодородна для гитлеризма, этого уже вполне достаточно, чтобы признать ее «наукой», даже важнейшей, ведущей «наукой», основой всего реакционнейшего «мировоззрения» Третьей империи.

«Расовая теория» определяет лицо всех наук в нацистском царстве. Нет ни одной отрасли науки, которая не подверглась бы расистской «чистке» и «обновлению». Больше всего пострадали, разумеется, общественные, особенно исторические, науки: все они преобразованы в фальшивки, призванные оправдывать и обосновывать разбойничьи планы гитлеровского империализма. Удушены и биологические науки: расовая мистика крови вытесняет здесь рациональное познание, и все биологические факты и процессы подвергаются дематериализации или мистификации в духе этой «новой веры». В области медицины фашистские каннибалы призы-

вают вернуться к магии, ополчаются против вивисекции, вакцинации и серотерапии, приветствуют эпидемии как путь к «расовому очищению», насильственную массовую стерилизацию «расово-неполноценных» и оправдывают физическое истребление стариков и безнадежно больных как «ненужного баласта».

Дикий расизм ведет наступление и на фронте точных наук. Конечно, физические, химические и иные исследования необходимы для оснащения современной войны, а посему научные исследования, имеющие военно-техническую направленность, всячески поощряются гитлеровской Германией. Но зато наука теоретическая представляется фашистам делом не только ненужным, но даже вредным. Передовые научные теории и их носители подвергаются всяческим преследованиям, а на их место выдвигаются всевозможные фальшивки гитлеровских холуев от науки, как «германская физика» Ленарда, «германская математика» Бибераха и т. п.

Наряду с искоренением науки и заменой ее всевозможными фальсификациями, гитлеровские невежды отличились сотворением своих, особых «оригинальных», «истинно немецких» лженаук, которые вместе с «расовой теорией» и в дополнение к ней обслуживают гитлеровскую практику обмана масс, душения культуры, разбоя, грабежа, черносотенных погромов, порабощения и искоренения целых народов. Так, например, в качестве «теории» захвата и грабежа чужих земель действует так называемая «геополитика», возглавляемая профессором-генералом Карлом Гаузгофером. Всеистребляющую «тотальную» войну обосновывает созданная Эвальдом Банзе «наука о войне», особенно рекомендуемая химические и биологические средства истребления мирного населения враждебных стран. Вопросами увеличения «народного приплода», сокращения образования и другими предпосылками создания «народа солдат» занимается «народонаселенческая политика», вдохновляемая ветеринаром Вальтером Дарре и его присными. О «пруско-солдатском воспитании на-

ции» заботятся Эрнст Крик в своем учении о «формировании людей», Альфред Боймлер в своей «политической педагогике» и тому подобные апологеты удушения сознания и «дрессировки характера», создания «людей крови и почвы». Методы обмана народных масс разрабатывает фашистская «политическая психология», которую стряпают Вальтер Поппельройтер и прочие продажные ученые, «теоретически» развивающие гнусно циничные установки Гитлера и омерзительную практику Геббельса. Организованный голод, которому подвергается германский народ вот уже на протяжении почти девяти лет, «научно» обосновывает «учение о народном питании» нацистского профессора Ноннебруха.

Как своеобразны работы современных германских научных учреждений, до какой степени нравственного падения доходят фашистские «ученые», можно судить хотя бы по статье, появившейся в феврале текущего года в газете «Фелькшер беобахтер» под заглавием «Вши — наш капитал». Здесь подробно сообщалось о «высоконаучной» работе одного из специальных институтов, в задачи которого входит производство сыпно-тифозного яда для грядущей «биологической войны». При этом институте организован большой питомник вшей — носителей этой заразы. Для питания паразитов институт, по словам фашистской газеты, имеет в своем распоряжении соответствующий живой корм, а именно «штат питателей из нескольких десятков людей «низшей расы»...

Фашистская «наука» оправдывает не только изуверское глумление над теми, кого она относит к «низшим расам». Она прикрывает также самые гнусные издевательства над самим немецким народом, самые безнравственные покушения на человеческую личность, самые бесчеловечные действия. Вальтер Дарре, возведенный Гитлером в сан министра продовольствия и «руководителя германского имперского сословия питания» (то-есть крестьянства), в свое время выступал с планом организации в Германии «породистого человековод-

ства». Отобрать лучших «производителей и производительниц расы», стерилизовать «неполноценных», учредить по всей стране специальные «племенные дворы», возглавляемые особыми «блюстителями породы» с неограниченным правом контроля над семейной жизнью германских граждан, — таков этот план, с одобрением встреченный не только нацистскими политиками, но и «учеными» Третьей империи. Были и другие предложения, как например, о жестокое преследовании «расосмесительства» и «расового предательства» (так называют гитлеровцы, исходя из своей дикой «расовой теории», брак немца или немки с человеком, которого они относят к «чужакам»); об установлении многоженства и введении института наложниц; о допущении для «мужа высшей расы» насилия над женщиной как «расово-полезного акта целомудрия»; о восстановлении средневекового «права первой ночи» с предоставлением его фашистским вожакам, «руководителям расы»; о введении «помощников-производителей» в семье, где нет детей по вине мужа, и ряд иных предложений в том же плане. Некоторые из этих диких предложений стали законом гитлеровской Германии, другие осуществлялись только частично, в виде отдельных «опытов».

★

Не меньший урон, чем германской науке, нанесла Германия Гитлера и германскому искусству.

Еще недавно весь мир знал и ценил великую германскую литературу, которая немало обогатила сокровищницу мировой литературы творениями Гете и Шиллера, Лессинга и Клопшток, Гельдерлина и Гейне, а в новейшее время — Генриха и Томаса Манна, Стефана Цвейга, Лиона Фейхтвангера и других, творениями, замечательными по своим прогрессивным и гуманистическим идеям, как и по высокому художественному мастерству. Германия Гитлера не менее грубо, не менее варварски расправилась с культурным прошлым и в этой области.

Началось с публичного сожжения негодных фашистским мракобесам книг. В течение десяти дней в Берлине было уничтожено около одного миллиона книг и столько же по другим городам Германии. Но вскоре оказалось, что сжигать книги невыгодно, и произведения лучших писателей стали изымать и экспортировать за границу (валюта ведь нужна для ввоза военного сырья), остальные же книги — отправлять на бумажные фабрики для переработки на бумагу. Зато преследование писателей развернулось во-всю. Ярким примером этих преследований является взволновавшее в свое время весь культурный мир дело известного германского писателя, лауреата Нобелевской премии мира, Карла Осецкого.

В результате преследований гестапо из сотни писателей, пользовавшихся наибольшей популярностью в Германии, не более десятка продолжает жить в этой стране, а из германских писателей с мировым именем в Третьей империи не осталось почти никого.

Преследованиям подвергаются не только писатели-современники, но и классики германской и всемирной литературы.

Больше всего ненавидят фашистские держиморды от литературы Генриха Гейне: его носят всяческими непотребными словами, произведения его изъяты и сожжены, а заправила родного города великого поэта на посланный в музей Гейне запрос одного парижского издателя о некоторых данных, касающихся рукописей, дали на бланке музея ответ: «Город Дюссельдорф не знает и знать не хочет о Генрихе Гейне». Но так как некоторые произведения поэта стали народными песнями, гитлеровцы не в силах вытравить их из памяти немцев. И вот мы видим замечательное зрелище: в новых массовых изданиях известное стихотворение «Лорелея» помещается с подписью: «Автор неизвестен»!

Если Генриха Гейне легко просто предать анафеме, то по отношению к другим германским классикам гитлеровцам приходится прибегнуть к иным мерам. Так, например, некий заслуженный

штурмовик Ганс Фабрициус выступил с сочинением, в котором Шиллер толкуется, ни больше, ни меньше, как «соратник Гитлера». Но эта точка зрения оспаривается другими гитлеровскими молодчиками: если Фабрициус характеризует трагедию «Дон Карлос» как «разоблачение слабости, гнилого либерализма и указания пути к человеку-господину», то руководящий журнал гитлеровской молодежи резко обрушивается на это же произведение из-за свободолюбивых речей маркиза Позы. Даже Гете вызывает подозрения у фашистских «критиков»: некий Вальтер Раухенбергер подвергает творчество гениального писателя «расометрическому» анализу и обнаруживает в нем зловредные примеси «средиземноморской», «малоазиатской» и иных рас, а Вернер Дейблер и Матильда Людendorф «разоблачают» Гете как ...алкоголика и предателя расы. Нужно добавить, что в издаваемую в гитлеровской Германии «Библиотеку для юношества» из произведений величайшего писателя Германии не включено ничего.

Разделавшись с классиками германской и мировой литературы, как и с современниками, фашисты суетливо приступили к заполнению освободившихся мест своими людьми. «Величайшим литературным произведением» была, конечно, признана безграмотная (в буквальном смысле этого слова) книга самого «фюрера». К литературе были причислены и писания разных прочих «вождей» и «вождят», в частности Геббельса, Розенберга, Шираха и тому подобных, ничего общего с искусством слова не имеющих. Дополнительный том известной энциклопедии Брокгауза, составленный по указке нацистского идеологического руководства, насчитывает до 400 таких новоявленных «писателей». В фашистский литературный актив попали и некоторые гнусные карьеристы из германских писателей до-гитлеровского периода, которые еще за год до изъявления верноподданничества Гитлеру подписали воззвание о всенародной подписке на сооружение памятника Гейне. Среди этих, заслуживших вечный позор, продажных тварей, находят-

ся и Ганнс Иост, за свою поэму «Шлагетер» удостоившийся даже первой «гитлеровской премии» по художественной литературе. Здесь же и окончательно спившийся и потерявший образ человеческий старик Гергардт Гауптман. Таков тот сброд, который «творит литературу» в гитлеровской Германии.

Что представляет собой продукция этих «писателей»? В большинстве — это произведения, восхваляющие войну, смерть, разрушение, «стальную романтику», по выражению Геббельса. «Каждая мысль, доведенная до конца, означает: стреляй!» — читаем мы у Иоста, изречение которого о культуре было уже приведено выше. «Вы рождены для того, чтобы добиться высшей чести — умереть на поле брани», — восклицает Эрнст Заломон в романе «Кадеты». Но ради чего умирать? — Ради убийства других, «чужаков», людей иной расы, — отвечает фашистская литература, служа делу разбойничьей войны, оснащенной новейшей техникой человекоубийства. «Никогда еще, — с упоением пишет нацистский писатель Юнгер, — люди не направлялись в бой, как мы... на стальных птицах, под прикрытием огня и туч смертельного газа. Земля носила ихтиозавров и страшных зверей, но ни одно животное не было вооружено так, как мы. Вперед! Вперед, без страха и сострадания!». То, о чем писал Юнгер, его свастиконосные соплеменники ныне осуществляют на многочисленных полях новой мировой войны. «Литература» гнуснейших мерзавцев XX века сослужила свое противное человечеству дело.

«Перлом» новейшей гитлеровской литературы является премированный роман некоего Эбергардта-Вольфганга Меллера «Замок в Венгрии», который, по отзыву геббельсовского министерства пропаганды, «превзошел все когда-либо предъявлявшиеся к художественному произведению требования». Чтобы дать представление об этом произведении, достаточно привести из него несколько строк, где «герой» повествует о своей борьбе с политическим противником: «Я наносил в бешенстве удары и стал душисть его изо всех сил, пока под моими руками его лицо не стало бледнеть!

пока глаза его не выступили из орбит и пока он не испустил, наконец, дух. Тогда я вскочил и выбежал, шатаюсь. Меня стало пронизывать неопишное чувство счастья. Я думал о том, что именно так должен чувствовать себя человек, который выполнил задачу всей своей жизни и который затем имеет возможность жить в деревне на свою достойным образом заработанную ренту»...

Другой образчик нацистского «литературного творчества» — описание «славных» встреч с мирным польским населением гитлеровца Иоганна Шрама, «героя» романа «СС», принадлежащего перу Арнольда Броннена:

«С первым поляком он столкнулся возле Малого Болота. Увидев Шрама, поляк бросился бежать. Гневное рычание Шрама заставило его остановиться. Шрам внимательно в него всматривался, ожидая, что поляк будет защищаться. Обнаружив, к своему разочарованию, что поляк продолжает дрожать от страха. Шрам раскрыл ему прикладом череп.

Он сразу почувствовал себя лучше, настроение поднялось. Двух поляков он убил, разорвав их на части их же собственными ручными гранатами. Третьего он заколол штыком. Десять поляков пытались бежать, но он их убил, одного за другим, ударами приклада. Особенно весистые удары он нанес десятому поляку, после чего немного передохнул. Ему стало легче.

Он никогда не брал в плен — это нововведение ему нравилось.

— Бегите или стреляйте! — этими словами он оглушал поляков, сдавшихся в плен.

Они продолжали вопить от страха и просить о пощаде. Что же оставалось делать Шраму, как не пристреливать таких людей?..»

В таком бандитско-разбойничьем духе выдержана почти вся «художественная» литература гитлеровской Германии. Махровым цветом оасцвела на гнилой почве Третьей империи нацистская «поэзия»: это — либо низкопробная рифмованная военно-фашистская пропаганда, либо попытки уйти от мрачной действи-

тельности в «заоблачные выси», либо жульническое протаскивание гитлеровского дурмана в форме подражания народным песням. Все это литературное варево настолько отвратительно, что германский читатель бойкотирует отечественные произведения и ищет отдушину в переводной литературе.

Точно так же бойкотирует германский читатель и прессу «Третьей империи». Миллионные тиражи догитлеровской печати уже в первые годы фашистской диктатуры сменились жалкими тиражами казенных листов; резко сократилось также и число изданий.

Германский фашизм сознательно проводит политику вытеснения печатного слова. На страницах книги Гитлера утверждается, что печатное слово вообще не годится для пропаганды, и это естественно, поскольку нацистская пропаганда — это обман масс, идеологическое одурманивание. Напечатанное ведь можно перечитать, спокойно продумать, критически проанализировать и отвергнуть. Поэтому-то для гитлеровских обманщиков народа предпочтительна пропаганда оглушительными истерическими криками, к тому же проводимая в условиях, устраняющих возможность критического отношения слушателя. Если бы это было в его силах, Гитлер охотно совсем ликвидировал бы в Германии печать и вернул бы страну к тому «доброму старому времени», о котором Гейне когда-то так метко сказал:

И мы вспоминаем о средних веках,
Благородных пажух, холопах:
Они верность носили в сердцах
И знаки гербов на ж...
И мы вспоминаем крестовый поход,
Турниры, сонеты, —
Тот непечатный духовный век,
Когда не читали газеты.

Отрицательно относясь к печатному слову, гитлеровцы обратили особое внимание на иные формы воздействия на массы, особенно на музыку, театр, кино. При этом они славословят «новое возрождение искусства арийского человека», провозглашенное Гитлером. Сами «столпы» германского фашизма — Гит-

лер, Геринг и Геббельс всячески подчеркивают свои «заботы» об искусстве, особенно о музыке. В результате этих «забот» и в области искусства произведен полный разгром лучших достижений прогресса, и средства искусства используются исключительно для мероприятий в духе мракобесия и войны.

Нацистское музыковедение, следуя общим методам фашистской лженауки, представляет в расистски-извращающей интерпретации творчество величайших немецких композиторов. Военно-фашистская переоценка музыкальных ценностей изгнала из репертуара произведения «расовых чужаков» и «подверженных чужерасовым влияниям» Мендельсона, Малера, Мейербаха, Оффенбаха и многих других выдающихся композиторов. Преследуются джаз и вообще всякие музыкально-вокальные произведения (включая и танцы), где заметно якобы «разлагающее германскую народность» влияние негритянской культуры. Крупнейшие из современных германских композиторов (Хиндемит, Шенберг, Эйслер и др.) и дирижеров (Клемперер, Фрид и др.) были вынуждены покинуть свою поработенную фашистами родину. Оставшиеся в стране второразрядные композиторы, верноподданные холопы Гитлера и Геббельса, стряпают не имеющие никакой художественной ценности крикливые «творения», восхваляющие «старого Фрица», «фюрера» и «по-солдатски простой мир». Прежде бывшая страной богатого музыкального творчества и высокой музыкально-исполнительской культуры, Германия ныне, под гнетом гитлеровской тирании, не только не дала миру ни одного сколько-нибудь выдающегося композитора, но и оказывается неизменно на заднем плане в международных состязаниях музыкальных исполнителей.

Используя любовь германского народа к музыкальной самодеятельности, гитлеровцы под видом «возрождения старинной немецкой хоровой культуры» увлекают массы в специальные нацистские музыкально-хоровые организации. Здесь народная музыка и песня используются для шовинистического одурманивания. «Народные хоралы» и

«сборное» музицирование средневековья возрождаются для насаждения расистской мистики. Военно-фашистские песнопения всякого рода возбуждают ненависть к другим народам, устремления к завоеванию чужих земель, они пробуждают кровожадные, разрушительные инстинкты.

Велик ущерб, нанесенный гитлеризмом германскому театру. Многие из лучших театров Германии были с приходом Гитлера к власти закрыты, другие «реорганизованы в нацистском духе. То же произошло и с артистическими союзами. Ведущих режиссеров и актеров постигла та же участь, что ученых и писателей: преследования, аресты, концлагери, эмиграция (Макс Рейнгардт, Эрвин Пискатор, Александр Моисси, Конрад Вейдт и мн. др.).

В количественно обильной драматургической продукции Третьей империи невозможно найти что-либо художественно-значительное. Культивируется «театр фронтового духа», пропагандирующий зверское массовое истребление людей и чудовищные разрушения, воспевающий военный грабеж и захватническую войну. Есть в репертуаре фашистского театра и специальные антисоветские пьесы, как, например, «Крестовый поход 1921 года» некоего Михаила Гаупта, бездарная контрреволюционная пошлятина, где восхваляются «подвиги» белогвардейского изверга Унгер-Штернберга в Монголии. А так как подобные постановки мало прельщают даже самую невзыскательную публику, то театральная администрация, чтобы спастись от материального краха, вынуждена обходить установки «имперской палаты культуры» и ставить пьесы классиков, иногда даже не-немецких (Шекспира, Бернарда Шоу, Чехова). Но такие пьесы нередко подвергаются «исправлениям» в нацистском духе. Так, например, в «Аиде» Верди героиня выведена не как эфиопская принцесса, а как «женщина северного типа».

Особенно сильно пострадал эстрадный театр. Попытки оживить репертуар песнями с сатирическими намеками на некоторые явления жизни «счастливой Германии» повлекли за собой закрытие

ряда театров и заключение их руководителей и актеров в концлагери.

Разрушение театрального искусства сопровождается в фашистской Германии насаждением различных форм театрализованной пропаганды — пышных шествий, парадов и игр, сильно напоминающих колдовские действия воинственных дикарей.

Такой же процесс идейного и художественного вырождения в результате разгрома всех творческих сил произошел в гитлеровской Германии и в области кино. Только здесь еще более интенсивно, чем в театре, действует разлагающий яд военно-фашистской идеологии.

Наряду с «мировоззренческими» фильмами, которые, один за другим, быстро проваливались и убирались с экрана, делаются попытки протаскивать нацистскую пропаганду в различных картинах, фальсифицирующих исторические факты, в детективных фильмах, воспевающих шпионаж и диверсии германских агентов, во всевозможных шовинистических, империалистических и милитаристических фильмах. Но и эти картины не имеют успеха не только на зарубежных, но и на отечественных экранах. И кинофирмы гитлеровской Германии поправляют свои дела тем, что выпускают в огромном количестве самые вульгарные, мещанские и бульварные картины, как «Двойной жених», «Охотно целовал я женщин», «Такою ты мне нравишься», «Женский рай» и многие прочие в том же стиле.

Без всякого преувеличения можно сказать, что кино как искусство в современной Германии более не существует. Его заменила экранизированная грубая фашистская агитка и сентиментальная пошлость.

Крайний упадок и вульгаризация наблюдаются и в области изобразительных искусств. Лучшие художники Германии (Георг Гросс, Кетэ Кольвиц, Джон Харфильд, Оскар Кокошка и др.) были вынуждены эмигрировать. Их произведения объявлены «общественно-опасными и не имеющими ничего общего с искусством». Нацистские «руководители культуры» настолько неуклюжи,

что даже не связали концов с концами: ведь опасность произведений таких мастеров для гитлеровского режима и страх фашистов перед ними только подтверждают большую художественную силу этих произведений.

Что касается положения оставшихся в Германии художников, то о нем можно судить по тому, что с целью «содействовать расцвету изобразительного искусства» художникам, не желающим служить кровавому делу гитлеризма, угрожают стерилизацией или тюрьмой. «Либо, — изрек Гитлер, — эти так называемые художники страдают зрительными недостатками, и тогда министерство внутренних дел должно принять меры, чтобы помешать их размножению, либо они недобросовестны, и тогда подлежат уголовному кодексу». Одно время нацистские изуверы собрали все «вредные» картины и объявили о предстоящем публичном сожжении их. Этот невероятный акт варварства, превосходящий даже сожжение книг (ибо, картина — ведь уникал), не состоялся только потому, что некоторые гитлеровские заправилы сообразили, что выгоднее продать картины за границу, получив за них столь дефицитную валюту для закупок военного сырья.

★

Одним из величайших исторических достижений германского народа было всеобщее образование. Культурная Германия, Германия Гете, приложила немало усилий, чтобы осуществить всеобщее образование народных масс. Германия давно осуществила всеобщее начальное обучение и стояла на пути к осуществлению всеобщего среднего образования. Германская школьная структура признавалась образцом во многих странах Старого и Нового Света. Германская педагогика дала миру Песталлоцци, Фребеля, Гербарта и других выдающихся представителей педагогической мысли. После революции 1918 года, несмотря на половинчатость проведенной реформы народного образования, произошла демократизация германской школьной структуры и проведены

были интересные опыты в деле обновления организации и методов учебно-воспитательной работы, равно как и в области школьного строительства и технического оснащения школы. Трагические для германского народа и печальные для всего человечества дни конца января 1933 года стали началом разращения всех этих замечательных достижений, и под военно-фашистским руководством в Германии осуществлен был разгром народного образования, а в качественном своем содержании германская школа стала школой коричневого варварства.

Фашистские преступники, которых Горький справедливо назвал «жалкими выродками истории», с первых же дней своего господства повели решительную борьбу против народного образования. Развивая в своей книге безумный план территориальных завоеваний, Гитлер сам признал, что такая захватническая политика осуществима только «при таком гигантском развитии военных средств, при котором культурные задачи были бы отодвинуты на 40 или 50 лет на задний план». С приходом Гитлера к власти культурное развитие страны было целиком принесено в жертву хищническим аппетитам гитлеровского империализма.

В Германии Гитлера всеобщее образование было объявлено «расово-опасным» для народа. Касаясь «того, что называют культурой и воспитанием», Гитлер требует прежде всего «раз и навсегда покончить с тем, что называют всеобщим образованием», ибо, по его словам, «всеобщее образование — это яд наиболее опасный и разлагающий». И вот — устами «культур-политика» Георга Узаделя — провозглашается идеал «всеобщего необразования», «уравнения в невежестве» как лучший путь к «национальному социализму», и германская школа превращается в орудие насаждения бредового расизма и отупляющей муштры.

Вслед за ликвидацией массового образования Германия Гитлера изгоняет и из средней и высшей школы все, что не необходимо для гитлеровской «тотальной войны». Воинствующий тевтон-

ский «союз мужей», как гитлеровцы называют свой университет, не нуждается в широко образованном человеке. «Можно, — заявляет коричневый «профессор» Альфред Боймлер, — одним словом сказать, что представляет собой национал-социализм в духовном отношении: замену образованного человека типом солдата». А фашистский солдат, в том числе и дипломированный, прежде всего не должен мыслить. «Воспитание солдата, — разъясняет Боймлер, — не считается с образом мыслей. Это для него слишком тонкое понятие». Развитие мысли должно быть заменено «духовной шагистикой», ибо, как выразился Рудольф Паульсен на страницах «Фелькишер беобахтер», только «вымаршированные мысли» — наилучшие, а посему даже «сам дух должен научиться маршировать».

Люди Германии Гете, люди культурной Германии выше всего ставили всестороннее развитие свободной человеческой личности, которая в величайших творческих устремлениях своего духа созидает неумирающие ценности. Германии Гитлера такие культурные ценности не нужны — они враждебны ей, и она разрушает их. Творческие устремления человеческого духа для нее в высшей степени опасны. Поэтому в Третьей империи нет и не может быть места свободному и всестороннему развитию личности. «Многосторонности, — заявляет один из нацистских апологетов солдатчины, — мы противопоставляем замкнутость, гармонии — силу, утонченности — простоту, сложному внутреннему содержанию — верность внешней выправки». Фашистский «психолог» Люкке открыто провозглашает «деиндивидуализацию», обезличение человека идеалом нацистского «солдатского воспитания».

Люди Германии Гете были носителями передовых идей своего времени. Сам Гете, отнюдь не будучи революционером и демократом, понимал великое значение Французской революции: недаром он приветствовал победу армии революционной демократической Франции, разгромившей при Вальми немецких интервентов, как «начало новой

эры мировой истории». Лессинг в своем «Натане Мудром» страстно и убедительно осудил национальное и расовое неравенство и утверждал принципы нравственности, основанной на свободе и человечности. Клопшток, вдохновенно приветствовавший Французскую революцию, в великолепной оде «Они — не мы» показал превосходство революционных демократов Франции над реакционными филистерами Германии. Демократические идеи свободы и равенства, идеи человечности вдохновляли на творчество и борьбу за лучшее будущее своего народа и всего человечества многих выдающихся мыслителей и поэтов, всех лучших людей Германии на протяжении полутора столетий.

Ныне духовные пигмеи и нравственные дегенераты, в своей беспредельной наглости объявившие себя «вождями германского народа», хотят повернуть ход истории вспять и вернуться к мрачному средневековию. Гитлер на страницах своей гнусной книги обливает демократию самыми грязными помоями клеветы, особенно грубо обрушиваясь на идеалы свободы и равенства и издеваясь над правами личности, как и над правами народа и народов. Непревзойденный в своем словоблудии маленький шут Геббельс, как бы возражая великому Гете, произносит сакраментальную фразу о том, что «1789 год вычеркивается из истории». Беглый балтийский белогвардеец Розенберг, ныне мировоззренческий главарь Гитлерии, клянет всяческими непотребностями великие идеи Просвещения, которые нанесли удар столь близкому Розенбергу по духу средневековому мракобесию и реакции, и принесли утверждение разума, материалистической науки, свободы личности и народовластия. Величайший грех демократии, по Розенбергу, в том, что она провозгласила всеобщее равенство и привела к преступной, с точки зрения гитлеровцев, тройкой эмансипации — эмансипации евреев, женщин и негров.

С утверждением в Германии гитлеровской тирании все эти враждебные свободному развитию личности и народа слова превратились в ужасающую

действительность. Под мрачной тенью свастики в Германии царит полное бесправие. Гитлеризм уничтожил в поращенной им Германии все гражданские свободы и подчинил немцев неограниченному произволу сатрапов «фюрера». Даже личная жизнь этих бесправных людей, вплоть до самых интимных проявлений ее, подчинена контролю коричневых мерзавцев. В гитлеровской Германии нет места свободе мысли, и нацистские палачи жестоко расправляются с каждым честным человеком, кто поднимает голос совести против несправедливой разбойничьей войны, против фашистского гнета и зверства. Гитлеризм отрицает все права человека и гражданина, все права народа. Он утверждает только одно право — право хищника, право грубой и дикой, враждебной человеку и человечеству, силы.

Гитлеровская Германия, стремясь искоренить в германском народе великое наследие Германии Гете, объявила войну всему человечеству. Гитлер провозгласил, что эпоха разума пришла к концу, что «суверенитет мысли является патологической деградацией нормальной жизни», что «интеллект стал болезнью века», а посему с «господством разума» пора покончить. Разум, как и совесть, как и все человеческое, объявлен в Германии «чужерасовой принадлежностью», недостойной чистых кровей арийцев, и Гитлер заявил, что «мы не должны доверять интеллекту и совести, а верить нашим инстинктам».

«Провидение установило, — изрек «фюрер», — чтобы я был величайшим освободителем человечества. Я освобождаю людей от оков разума, ...от химеры, именуемой совестью и нравственностью, и от требований свободы и независимости личности...» Восславляя «оружие голого насилия», Гитлер издевается в своей книге над «так называемой человечностью». Попирая славное наследие германской гуманистической культуры, он призывает своих приверженцев «освободиться» от всего человеческого и доходит до того, что открыто высказывается за «зверскость» (Bestialität).

Человеконенавистничество и зверство

лежат в основе гитлеровского аморализма. Гитлер открыто объявил о своем намерении отобрать «слой, чуждый морали жалости», для утверждения мирового господства фашистской «высшей расы». Он задался целью воспитать «молодежь, перед которой содрогнется весь мир», молодежь, которая «походила бы на молодых диких зверей». И нужно сказать, что он достиг этой цели. Бывший друг Гитлера Герман Раушнинг писал об этой гитлеровской молодежи: «Растет поколение, в отношении которого можно сказать лишь одно, — что оно дьявольски воспитано в ложном направлении; поколение, для которого все человеческое является чуждым; люди, которые созданы как какие-то патентованные машины; люди, у которых моральные сдерживающие центры отсутствуют и духовная личность которых парализована; животные, живущие лишь текущим моментом, без будущего и без надежды, и специально созданные для этого как живые совокупности мышц и нервов». И эти-то возвращенные Гитлером люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость выступать теперь в роли «носителей европейской культуры и цивилизации» и силой своего оружия душиать народы Европы, уничтожать их

национальную независимость, свободу и культуру.

Человекообразные чудовища со звериными инстинктами захватили Германию, отняли у германского народа его вековую культуру, культуру человечности, и превратили его в орудие своих диких хищнических вождений. При помощи дьявольски-хитроумной комбинации обмана и насилия это им временно удалось. Германия Гитлера временно торжествует в жутком мраке возрожденного средневековья, при зловещем зареве пожаров новой мировой войны, среди потоков крови обманутых немцев. Но это торжество недолговечно. Пусть коричневые двуногие звери XX столетия в своем безумном остервенении сжигают книги, разрушают памятники искусства, убивают передовых представителей культуры, — они бессильны убить культуру. Она живет и будет жить в умах и сердцах миллионов свободолюбивых людей всех стран, в первую очередь — советских людей, которые в эти грозные дни с оружием в руках защищают дело культурного человечества от величайшей в истории опасности.

Объединенные силы культурного человечества победят бешеное чудовище — гитлеризм. Оно будет уничтожено и стерто с лица земли.

Русские художники-баталисты прошлого

И. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Когда мысленно оглядываешь историю русской батальной живописи прошлого, то с чувством недоумения замечаешь, что одна из самых потрясающих русских войн — Отечественная война 1812 года — почти не отражена силами русских художников того времени. Мы знаем сатирические и героические народные листы И. Теребенева, два десятка таких же листов А. Венецианова, немного листов И. Иванова, несколько изображений русских войск в Париже уже в 1814 году в ряде работ А. Зауэрвейда — и только. Все баталии 1812-го года в изображении того времени дошли до нас в произведениях иностранных художников, широко распространенных в гравюрах и в литографиях. Лишь с годами творческая мысль наших художников не раз привлекается отдельными эпизодами Отечественной войны 1812 года, и среди этих художников впереди других вспоминается А. Кившенко и его полная замечательной простоты и выразительности картина «Военный совет в Филях». Завершает, так сказать, историю изображения Отечественной войны 1812 года в живописных произведениях большой цикл картин, исполненный художником В. Верещагиным. К сожалению, эти картины написаны художником тогда, когда его талант и сила шли на убыль и уже снижалась художественная и историческая ценность его работ. Хотя и

тут Верещагин дал картину большого зрительного воздействия, изображающую партизан в заснеженном лесу, поджидающих неприятеля. «Пожалуйте, путь свободен», — так назвал художник свою картину.

Первым русским баталистом можно считать скромного, но точного и внимательного художника М. Иванова, и его изображения сражений при Пруте или при Очакове смотрятся и сейчас с неизменным интересом.

Русская батальная живопись первой половины XIX века почти целиком прошла под властным и самодурным руководством царя Николая I. Он считал себя тонким знатоком искусства, «каким должен быть всякий в его положении», по угодливому определению николаевского современника. Нужды нет, что на поверку этот знаток являлся одним из грубейших вандалов. Николай ненавидел свою бабушку Екатерину II и, мстя ее памяти, приказал выкинуть из Эрмитажа мраморную статую Вольтера гениального Гудона, а заодно и всю библиотеку философа. Множество картин, чем-то напоминавших ему его бабушку, и среди них произведения таких художников как Рембрандта, Рубенса, Джордано, Луки Лейденского и др., по царскому приказу буквально за гроши проданы на эрмитажном аукционе 1854 года. Часть вещей навсегда пропала по частным владениям, часть

же снова скупалась Эрмитажем, но уже в следующем царствовании. Этот вандал и самодур деспотически держал в своих руках в течение тридцати лет все русское искусство, особенное внимание обращая на батальную живопись. Все баталисты того времени — трое Зауэрвейдов, А. Коцебу, Б. Виллевалде, А. Швабэ, А. Орловский и менее известные — В. Мошков, С. Шукаев, Ф. Алексеев, В. Максутов и, наконец, приглашенные царем иностранцы во главе со знаменитостью своего века французом, художником-баталистом Орасом Верне, все они изображали браважные марши парадов и смотров и баталии, где все было так же прибрано и аккуратно, как на тех же смотрах. «Им бы все торжества, многочисленные схватки, развевающие знамена, премящие трубы, внешняя декорация. Глубокая истина, интимная, внутренняя сторона войны — им это отроду и в голову не приходит», — писал в восьмидесятых годах прошлого столетия В. Стасов.

В эпоху кавказских войн внимание художников более всего привлекали 1834—1855 годы, когда царское правительство подавляло восстание под руководством Шамиля. Много художников стремилось попасть в кавказскую армию, привлеченные и красотой пейзажа, и яркими типами кавказцев. Для нас же среди этих художников особенно интересен поэт М. Ю. Лермонтов.

Даром художника Лермонтов обладал в полной мере. И если его живописные произведения суховаты и в них не чувствуется живописец, свободно владевший своим мастерством, то рисунки Лермонтова, острые и меткие, с замечательно схваченными характерными чертами типов солдата и горца, с редкой силой выразительности в сценах военной жизни, — свидетельствуют о его больших художественных способностях. По дошедшему до нас графическому наследию Лермонтова видно, как он стремился тотчас занести на бумагу штрихом ли карандаша, мазком ли акварельной кисти все то, что волновало и останавливало его внимание. Но на Кавказе, особенно во второй свой приезд, во время боев на Чечне, Лермонтов

уже не расставался со своим альбомом. Листы его полны зарисовками необычайной экспрессии и в то же время решенными с наибольшей простотой и лаконизмом. В жаркие схватки июльских дней 1840 года, в бои сентября-октября того же года, Лермонтов неизменно находил время заносить в свой альбом не только отдельные типы или боевые сценки, но и сложные зарисовки, как

«Пожалуйте, путь свободен».

Фото С. Гурарий.

рисунок эпизода битвы при Валерике 11 июля 1840 года.

Одновременно с Лермонтовым на кавказских боевых позициях находился художник Г. Г. Гагарин, приятель поэта, высоко ценивший его дарование рисовальщика. В то время, как в художественных произведениях Лермонтова, особенно в его живописных вещах, чувствуются элементы любительства, Гагарин являлся художником значительного мастерства. Но он не знал той пылкости чувств художника, которая ключом била в Лермонтове. Все же влияние Гагарина, в смысле техники художественного мастерства, на Лермонтова было несомненно, и оно было благо-

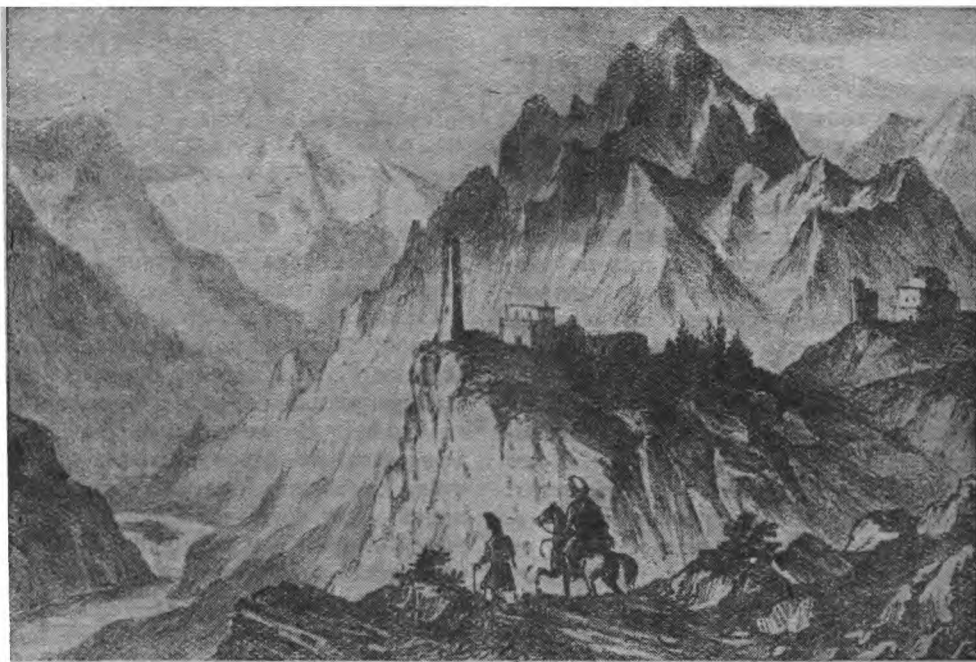
творным, так как Гагарин владел прекрасным рисунком и чувством цвета. Много работ Гагарина, хранящихся в Русском музее в Ленинграде, говорит о серьезности его дарования. Несомненно, Лермонтов показывал Гагарину все свои кавказские зарисовки. По некоторым из них Гагарин «проходил» акварелью, как например, по упомянутому рисунку эпизода битвы при Валерике. Случалось, что они вместе разрабатывали намеченную Лермонтовым тему или вдвоем писали, или рисовали одну и ту же вещь.

Несколько позже Лермонтова и Гагарина на Кавказе много работал художник Ф. Горшельт. Иностранец, почти не говоривший по-русски, Горшельт на Кавказе не только «художник военных действий»; он сам увлекся этими действиями и стал в ряды русской армии.

Но у Лермонтова и Гагарина все их работы проникнуты каким-то особенным теплым чувством к изображаемым ими людям — то ли к нашему солдату, то ли к горцу, всеми силами отстаивавшему свою родную землю. У Горшельта же все очень точно, но и очень протокольно, почти бесстрастно, хотя и от-

лично с технической стороны. И только в немногих рисунках проглядывало искреннее увлечение художника героическими эпизодами кавказской войны.

На Кавказе еще далеко не было подавлено движение, руководившееся Шамилем, а всеобщее внимание уже было приковано к другому театру войны — Крымской кампании 1854—1856 гг. Особенно же — к одиннадцатимесячной осаде Севастополя армией и флотом Англии, Франции и Турции и к проявлению героизма и любви к родине со стороны русских воинов, защищавших Севастополь. Естественно, что в Крыму побывали все наши художники-баталисты и те художники, тогда совершенно новой в России формации, которые действовали как художественные корреспонденты. Надо вспомнить что как-раз в эти годы в России существовал один из интереснейших художественных журналов в истории иллюстрированной периодической печати — «Художественный листок». Он был задуман, издавался и на три четверти заполнялся прекрасным рисовальщиком художником В. Тиммом. Количество

Гора Крестовая и ущелье близ Коби. Автолитография М. Ю. Лермонтова.

М. Ю. Лермонтов и Г. Г. Гагарин. Эпизод Кавказской войны. Акварель.

исполненных им рисунков поистине фантастично. Но Тимм никогда не снижал их высокого качества как в отношении самой техники, так и их тематической стороны. Он не знал усталости и мчался туда, где чувствовал необходимость быть самому на месте. Война Кавказа, Крымская кампания — отражены в его зарисовках. Ни одна из русских войн XIX столетия так разнообразно и артистично не отражена в художественных иллюстрациях, как Крымская кампания благодаря тиммовскому «Художественному листку». Эти иллюстрации акцентировали не внешнюю сторону тех или иных боевых эпизодов. В них изображалась война такой, какой она была в то время, и особенно подчеркивались подвиги простых русских воинов — солдат армии и флота и их любимых начальников — адмиралов Корнилова и Нахимова. За одну из иллюстраций «Ху-

дожественного листка» — с изображением осады Одессы 1854 года — Тимм получил выражение неудовольствия со стороны высшего начальства, так как иллюстрация была обрамлена портретными изображениями героев одесской обороны из «нижних чинов».

Минуло почти двадцать лет со времени окончания Крымской кампании, как Россия снова открыла военные действия в Русско-турецкой войне 1877 — 1878 года. Правда, то не была «передышка» в полном смысле. За эти годы царизм вел в Средней Азии жесточайшие поработительные войны. И в живописном отражении этих войн выдвинулся художник, заставивший говорить о себе все громче и громче, вплоть до того, что личность его стала почти легендарной, — то был В. Верещагин. Он дважды предпринимал поездки в Туркестанский край в период 1867—1870

годов. Военный по воспитанию (Верещагин окончил морской корпус первым учеником), художник всегда стремился сам принять участие в боевых действиях. За участие в боях под Самаркандом он получил знак военного ордена. Из Туркестана Верещагин доставил такой обильный материал, что ему понадобилось три года, чтобы привести его в порядок. Только в 1874 году Верещагин устроил в Петербурге выставку своих работ. Она имела ошеломляющий успех. «Залы были всякий день от 10 часов утра до 5 часов пополудни переполнены до такой степени, что в них едва можно было двигаться и полиция вынуждена впускать публику лишь отдельными группами», — писал очевидец. Впервые на верещагинской выставке увидели изображение военных боевых действий во всей их правде, и это было поразительным контрастом с теми лакированными солдатиками, которых, под видом батальной живописи, преподносили некоторые другие художники. Тут нельзя снова не вспомнить слова В. Стасова: «Грубо ошибался бы тот, кто подумал бы, что Верещагин есть только живописец военный. Никогда! Солдаты Верещагина — это все тот же народ... Его солдаты такие же, ни на единую минуту не прекращающие жить народной жизнью люди, как солдаты Льва Толстого в его гениальных кавказских и севастопольских картинах». И дальше писал Стасов: «У художника всего громче звучит нота негодования и протеста против варварства, бессердечия и холодного зверства». Протест был почувствован всеми.

Как только началась Русско-турецкая война, Верещагин поехал к месту военных действий. И тут он стремился принять участие в боевых операциях. 8-го июня 1877 года художник, будучи волонтером, находился среди команды русского военного катера на смелом нападении на турецкий монитор, показавшийся на Дунае. Верещагин получил довольно серьезную рану в тазобедренную кость и должен был лечь в лазарет. Но уже 30 августа он присутствовал при плевенской битве, в которой

был убит его брат, молодой художник С. Верещагин, и ранен другой его брат, А. Верещагин, ординарец генерала Скобелева. А спустя еще несколько времени Верещагин «объездил все главные места больших и малых битв в Болгарии и набросал красками, иногда под градом пуль и гранат (как например, в шипкинском проходе), множество этюдов для будущих своих картин». Наибольшее значение меж ними имели картины — «Перевязочный пункт», «Панихида» и «Дорога пленных»; о них Стасов совершенно правильно сказал: «Это живая история, написанная так, как никогда прежде история не бывала написана». В декабре 1880 года Верещагин устроил в Петербурге выставку картин Русско-турецкой войны. За 40 дней ее посетило 200.000 человек.

Подводя итоги сделанному Верещагин, нужно сказать, что это был лучший и самый значительный из русских баталистов прошлого. Почти все иные баталисты в те времена — за самыми редкими исключениями и то лишь в отдельных произведениях — были, кто лучше, кто хуже, живописателями только внешних сторон военных и боевых эпизодов. И судьбе было угодно, чтобы художник нашел свой конец на самом театре военных действий. Как известно, Верещагин погиб 31 марта 1904 года на взорванном японцами броненосце «Петропавловск».

Верещагин обладал неисчерпаемой любовью к людям. Для художника ничего не было ценней человеческой жизни. «У него есть искренняя, ни с чем несравнимая любовь к человечеству вообще и к народу в особенности», — прекрасно отметил Стасов. Эта черта с необыкновенной выпуклостью отражалась во всех произведениях Верещагина, передавалась зрителю и оставляла глубокое впечатление. И не было баталиста, кроме Верещагина, который развертывал бы картину той или иной войны в целых циклах живописных произведений. Столь законченной спецификой художника-баталиста и такой силой психологического воздействия своими работами не обладал ни один из художников не только русского,

но и западного живописного искусства.

После Русско-турецкой войны 1877—1878 года художникам батальной живописи на долгое время не представлялось поле для широкой деятельности. В отражении той же Русско-турецкой войны оставили след своими произведениями художники Н. Дмитриев-Оренбургский, Н. Сверчков, П. Ковалевский, затем в историю русской батальной живописи вошли Р. Френц, В. Мазуровский и, в особенности, Н. Самокиш. Русско-японская война 1904—1905 года и империалистическая война 1914—1917 гг. с полной очевидностью выяснили, что батальное искусство окончательно принимает те новые формы своего выражения, которые впервые наметились еще в Крымскую кампанию 1854—1856 гг. и еще яснее вырисовались в Русско-турецкую войну 1877—1878 года, а именно форму художественно-изобразительной корреспонденции. Группы художников в Русско-турецкую войну (Н. Каразин, П. Соколов, М. Микешин, М. Зичи и др.), в Русско-японскую войну (И. Табурин, Н. Самокиш, Н. Кравченко и др.) и, наконец, в войну 1914—1918 гг. (Н. Самокиш, М. Авилон, И. Владимиров, М. Греков, В. Сварог, Е. Лансере и др.) заполняли своими рисунками с театров военных действий тогдашние иллюстрированные журналы и по их оригиналам выходили хромотографированные народные картинки. Законченных же в композиционном и художественно-изобразительном отношении батальных картин в эти две последние войны было очень мало, и особой художественной ценности они не имели. Необходимо лишь указать на две большие, прекрасно исполненные панорамы: Севастопольской обороны и Бородино. Первая исполнена художником Ф. Рубо, вторая — Н. Самокишем с их академическими учениками и молодыми художниками.

Когда подводить итоги всему тому художественному наследству, которое оставили нам русские баталисты прошлого, то встает картина проявлений с их стороны любви к родине, к ее рядовому защитнику, показывавшему стель-

ко примеров храбрости, отваги, высокого духа патриотизма и беззаветной преданности своей стране. Ведь мы уже заметили, что даже холодные официальные «изобразители» парадов и войн николаевского времени в своих походных альбомах и зарисовках давали волнующие образы и военных эпизодов и отдельных характеристик бойцов сухопутной армии и морского флота. Но эти художники не смели дальше разрабатывать свои материалы, ибо всякий намек на жизненную правду, малейшее отражение действительного ужаса и кошмара войны жестоко изгонялось заказчиком-царем: он желал видеть в «своих войсках» только разряженных, замуштрованных солдат, выступающих такими же стройными рядами в военных схватках, как выступали в парадах на Царицыном лугу. Царя совершенно не заботило то, что это была ложь от начала до конца.

Когда же минуло николаевское время и батальное искусство стало принимать характер небольших «корреспондентского вида» вещей, то в них эта любовь наших художников к солдату, желание подчеркнуть и выявить его храбрость и беззаветность — надо отдать им должное — проявлялись с большой искренностью и увлечением. Художники сами проявляли много случаев военной храбрости, находясь на полях сражений или совсем около них. Не вина тогдашних художников в том, что им почти не приходилось развивать свои темы в более законченные и развернутые художественные композиции: ими никто не интересовался — правительственные заказы стали чрезвычайно редки, собирателей картины на военные сюжеты мало привлекали.

Только с возникновением Советской власти искусство батальной живописи вновь становится полнокровным, и большие полотна пришли на смену «военным художественным корреспонденциям», как однажды метко назвал свои тогдашние работы теперь маститый Н. Самокиш. Красная армия и Военно-Морской Флот стали давать нашим художникам волнующие и захватывающие темы с такими живописными и психоло-

гическими заданиями, что искусство батальной живописи вновь стало подниматься все выше, развиваясь на основе новой формы социалистического реализма.

И художники-баталисты, выросшие еще в стенах дореволюционной Академии художеств под направлением такого замечательного руководителя, каким

был профессор Н. Самокиш, — М. Азюлов, Г. Савицкий, П. Покаржевский, П. Котов, В. Пшеничников и уже скончавшийся М. Греков, только в советские годы, только в картинах боевых подвигов Красной Армии и Военно-Морского Флота смогли полностью развернуть свои способности и дарования.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГОЛОС НАРОДА*

Строки и строфы скупой и сдержанной «Верности» полны раздумья о судьбе двух народов — Франции и Испании, о путях человека, о доблести и славе борцов с фашизмом, о бессмертии и немеркнущем величии сражений с темными и звериными силами.

Поэтическое мастерство Эренбурга, ясность, точность и сила мысли обусловлены не только чисто литературным опытом писателя, но и правдой жизни, выраженной в его стихах.

В стихотворении «Кино» рассказано, как «в кастильском нищенском селении», в церкви, показывали бойцам народной испанской армии советский фильм:

Как камень, сумрачны и стойки,
Молчали смутные бойцы.
Вдруг я услышал — русской тройки
Звенели лихо бубенцы,
И, памятью меня измаяв,
Расталкивая всех святых,
На стенке бушевал Чапаев,
Сзывал живых и неживых!
.....
Земля моя, земли ты шире.
Страна, ты вышла из страны,
Ты стала воздухом, и в мире
Им дышат мужества сыны.

Так жизнь народного русского героя становится поучительной для металлистов Бильбао, крестьян Валенсии и батраков Кастилии.

Народная Испания была предана и побеждена. Об этой горечи поражения, о жертвах народа и его бессмертии говорит писатель.

С сыновьями испанского народа, уходившими на чужбину изгнанниками, был Илья Эренбург. В одном из своих очерков тех дней он рассказывал о рождении ребенка в пути. Этот образ возникает снова в одном из его стихотворений:

* Илья Эренбург. «Верность». «Плененный Париж». Гослитиздат, 1941. «Бешеные волки». Воениздат, 1941.

В Испании, я видел, среди развалин
Рожала женщина, в тоске крича.

Среди разрушений, крови и смерти, на опаленных войной полях рождается человек. Это рождение в гражданской поэзии Эренбурга — философский и вечный символ того, что человечество, жизнь нельзя уничтожить, что бредовой «идее» фашистов противостоит бессмертие народов мира.

Ублюдок Гитлер сделал из Европы «мертвецкую», в которой против его воли все же искрится жизнь.

Грудь обнажив в простоте совершенства,
Женщина бережно кормит младенца.
Что ей ваятели? Созданы ею
Хрупкие руки и нежная шея.
Чмокают губы, и звук этот детский
Нов и невятен в высокой мертвецкой.

В каждом новом стихотворении поэт призывает к ненависти, к надежде на скорое избавление от варваров. Разделы в книге — «Верность», «Испания», «Перед войной», «Париж 1940», «Ненависть» и другие — даны как этапы размышлений поэта.

В очерке «Плененный Париж», насыщенном ненавистью и презрением к фашизму, Эренбург говорит о надругательстве гитлеровских ублюдков над сердцем Франции — ее столицей, о страданиях французов. После грабежа столицы Франции фашисты пытались быть вежливыми. Эренбург рассказывает, как немец хотел погладить детей французской молочницы, «... но они заплакали. Молочница только кивнула головой. А когда немец отошел, сказала: «Самое ужасное, что я его пожалела. А теперь не нужно жалеть... Теперь нужны бомбы.»

Также ответил старичок в кафэ на берегу Луары: «Плакать нечего — надо убивать». Так накапливается ненависть, неотвратимое возмездие за все: за поруганных матерей, за

рухнувшие от бомб города, за одичавшие поля.

Этот Париж, эта Франция живут в стихах поэта. Великий город пленен и осквернен фашистской поганью.

В стихах «сборника «Верность» Эренбург защищает труд свободного человека, его мирную жизнь. В некоторых стихотворениях появляется традиционный образ гончара, которого воспевал в своих четверостишиях Омар Хаям.

После боя или бомбардировки, после разрушения и смерти —

От мусора очищен тротуар,

И в глубине прохладного сарая

Над глиной трудится старик-гончар.

Я много жил, я ничего не понял

И в изумлении глажу один,

Как, повинувшись старческой ладони,

Из темноты рождается кувшин.

Образ «горшечника, кладущего глазурь», древен и традиционен. Человек создал очаг для тепла, кувшин для воды, горшок для еды. Как в своих стихах о матерях, рождающих и кормящих детей, так и в строфах о старике-гончаре Эренбург призывает защищать человеческую жизнь, человеческий труд.

В ярости, в ненависти приходит грозное слово и, как пуля в обойму, ложится в строку.

Другом никогда не станет недруг,

Будь ты, ненависть, густой и щедрой,

Чтоб не давать врагам ни сна, ни хлеба.

Чтоб не было над ними неба,

Чтоб не ладились к ним дома звери,

Чтоб не знать, не говорить, не верить,

Чтоб мудрость нас не обманула,

Чтоб дулу отвечало дуло,

Чтоб прорваться с боем через реку

К утреннему розовому веку.

И наступает бой, смертный бой с фашизмом:

Высокая военная порука —

Не выдать друга, не отдать без боя

Ни детства, ни глубокого покоя.

★

ПЕСНИ ПАРТИЗАН*

Книга «Партизанские песни» вышла в дни, когда гитлеровские орды поработили родину поэта — Черногорию. Она посвящена ожесточенной, мужественной борьбе сербов против немецких захватчиков.

В «Партизанских песнях» нашло свое отражение стремление к свободе гордых народов. Многовековая история Черногории насчитывает немало побед над сильным и опасным врагом. Римский император Диоклетиан не смог удержать в своих руках власти над землей нынешней Югославии; венецианские пираты бросали оружие в сражениях с южными и западными славянами. Наполеон тоже не смог покорить черногорского народа.

* Радуде М. Стийенский. «Партизанские песни». Отп. Москва, 1941.

Если в книге «Верность» враг не прямо назван, то в очерках «Плененный Париж» и зарисовках «Бешеные волки» он назван своим именем. Это выродок Гитлер. В книжке «Бешеные волки» зло и метко рассказано о Гитлере, Геринге, Геббельсе, Гиммлере, Розенберге и других заправках германского фашизма.

«Казалось бы, Гитлер должен являться образцом «благородной германской расы». Предоставим слово виднейшему антропологу Германии, профессору Макс фон Груберу. Этот профессор до воцарения Гитлера выступил на заседании мюнхенского суда. Вот что он сказал о внешности Гитлера: «Низкий, покатый лоб, некрасивый нос, широкие скулы, маленькие глаза» и т. д. Перечисляя многочисленные титулы, напечатанные на визитной карточке Геринга, Эренбург одной фразой разоблачает этого титулованного бандита: «Об одном звании Геринг скромно умалчивает: он состоит директором крупного металлургического треста «Герман Геринг». Он наживается на каждом оружии, на каждом снаряде.»

В книге «Плененный Париж» Эренбург говорит о лживом плакате немцев, расклеенном по Парижу, «на котором был изображен немецкий солдат с грудным ребенком. Женщина доверчиво улыбается немецкому солдату. Эти звери любят сосокать... На плакате написано: «Вот покровитель французского населения», а ниже: «За повреждение плаката полагается расстрел».

В творчестве Ильи Эренбурга — бойца, писателя, автора блистательных очерков, язвительных и разящих фельетонов, романа «Падение Парижа», пронизанного болью и любовью к Франции, — книга стихотворений «Верность» занимает важное и большое место. Здесь каждое стихотворение рождалось по велению жизни, по законам суровой борьбы. Здесь каждая строка прочувствована и написана кровью сердца.

М. Красноставский

Стихи Стийенского поэтически отображают борьбу партизан Югославии. В авангарде движения всего прогрессивного человечества против фашизма находится Союз ССР. И, естественно, что первое стихотворение в книге посвящено Москве. Для воплощения своих чувств, связанных с Москвой, где «в Кремле неустанно работает Сталина мудрый гений», Стийенский находит убедительные и вместе с тем выразительно простые слова. Поэт восторженно воспевае Москву, ее героический народ, отдающий все силы для борьбы с врагом.

Великая Москва, ты — как могучий воин

Стоишь в броне стальной.

Всемирной славы ты — воинству! — достоин,
Бессмертный город мой.

Ты у станков стоишь, сплотившись
воедино, —

И сыновья твои
В Советской Армии, в бесстрашной стае
львиной —

Там, где идут бои.

Поэт убежден, что победа будет за прогрессивными антифашистскими силами. Заканчивая свое стихотворение, он восклицает, обращаясь к советскому народу:

Свой богатый меч нам завещали деды,
Наш враг падет во прах.

Я вижу, как цветет зеленый лавр победы
В твоих руках.

Поэт обращается к широкой народной аудитории. Он рассказывает о народном горе, он обращается к славянской молодежи с призывом подниматься на борьбу с фашистскими поработителями. В стихотворении «Балканской молодежи» Стиенский пишет:

Молодежь балканская, к оружию!

Вот прохочут фашистские танки.

Оскверняют священную землю.

Топчут прадедов наших могилы,

Попирают славные кости.

Не тебе ли доблестные предки

Истинную храбрость завещали.

Не тебя ли отцы седые

Смелости и ловкости учили?

Соберись в боевые дружины,

Взвейся, точно ветер над горами.

Не к румяной щеке омалянки

Ты прижми загорелую щеку,

А к прикладу боевой винтовки.

Бей без промаха в черное сердце.

В сердцевину свастики проклятой.

Юность, в бой! Тебя зовет отчина!

Защищай юнацкую свободу, —

Всюду бей врага, не зная страха,

Не давай укрепиться позору.

Поэтически описывает Радуге Стиенский партизан; их доблесть и подвиги, высокие боевые и моральные черты. Этой теме посвящено стихотворение «Смерть партизана Вука Стойовича».

Непомерно долгая дорога утомила предводителя партизанского отряда Вука Стойовича. Он прилег у скалы и задремал. Во сне партизан видит свой народ, страдающий под гнетом скупантов, от боли сжимается его сердце. Но Стойовича предали. Перед

смертью мужественный партизан, обращаясь к продажному убийце, восклицает:

Завтра же на место Вука станет

Заря, Манойло, или Блажко.

Я бы мог погибнуть в ста сраженьях,

Смерть приняв не от тебя — слепого

И бессмысленного балабана.

Ни убийства, ни расстрелы, ни виселицы не могут приостановить партизанского движения.

С большой эмоциональной силой написаны стихотворения, в которых дан лирический образ женщины-партизанки. В этом смысле выразительно стихотворение «Партизанке». Отдельные строфы его поражают чеканностью образа, силой чувства.

Мать родила тебя

В пещере ледяной,

Травой младенца пеленала —

И стала ты грозой,

И песнью боевой,

И сталью гневного кинжала.

К таким же выразительным, эмоциональным произведениям относятся стихи «Песня о битве на горе», «Ответ на письмо матери», «Сталин с нами — победа с нами». Лучшие черты дарования Стиенского нашли здесь свое законченное выражение.

Стиенский — поэт действия. Основной герой его стихотворений — это активная человеческая личность, живущая судьбами своей родины. Стиенский — поэт-публицист, вдохновленный пафосом национально-освободительной борьбы. Родная Черногория, ее горы, леса и поля, борьба черногорского народа с захватчиками-немцами, славные боевые деяния славян прошлого, восставших как бы из мертвых для сегодняшней борьбы, — все это вдохновляет и волнует Стиенского. Даже тогда, когда он «уходит в историю», когда говорит о подвиге славян в борьбе с венецианскими разбойниками, с Наполеоном, ощущение современности не покидает читателя.

Однако политическая страстность, эмоциональность Стиенского, придающие боевой характер его лучшим стихам, не всегда выражены яркими поэтическими строками. В некоторых стихотворениях наблюдаются растянutosть и многословие.

Стихотворения Стиенского удачно переведены Арсением Тарковским. Наиболее выразительно и хорошо переведены стихотворения «Балканской молодежи», «Смерть партизана Вука Стойовича» и «Партизанке».

И. Макаров

★

ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА*

«Дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего», — писал в июле

* Ф. Н. Глинка. «Письма русского офицера». «Очерки Бородинского сражения». Гослитиздат, 1941.

1812 года из Смоленска будущий декабрист, поэт Федор Глинка. Отличный писатель и один из прогрессивных людей своего времени, Глинка принимал горячее участие в борьбе русского народа с армиями Наполеона, вторгшимися в Россию.

Произведения Глинки — война и поэта — всегда привлекали интерес читателей. Широко известны его патриотические стихи. О прозе Глинки положительно отзывался Белинский. «Письма русского офицера» и «Очерки Бородинского сражения» Глинки дали весьма полное и яркое изображение событий Отечественной войны 1812 года и полны тем высоким патриотическим духом, который двигал этим мужественным человеком на полях сражений. В 1941 году Гослитиздат выпустил в свет в сокращенном виде «Письма русского офицера» и отдельные части из «Очерков Бородинского сражения».

Глинка принадлежал к числу тех людей, которые вскоре после перехода армии Наполеона через русскую границу поняли, сколь непохожа будет эта война на те войны, что вел Наполеон в Западной Европе. Наполеон в России «будет покорять только землю, а не людей», — пишет Глинка. Навстречу громадной армии Наполеона поднимался народ, единый в своей решимости победить врага, «попирающего родную землю». «Война народная, — пишет Глинка, — час от часу язвлется в новом блеске. Кажется, что сгорающие села возжигают огонь мщения в жителях. Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оружие оборонительное, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются.»

Интересные сведения сообщает Глинка о десяти тысячном смоленском ополчении, об ожесточенном бое за Смоленск. В письме от 8 августа 1812 года Глинка пишет: «4 числа неприятель устремился к Смоленску и встречен под стенами его горстью неустрашимых россиян. 5 числа, с ранней зари до позднего вечера, 12 часов продолжалось сражение под стенами, на стенах и за стенами Смоленска. Русские не уступали ни на шаг; дрались, как львы. Французы в бешеном наступлении лезли на стены, домились в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противоборством наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью». Знаменательно, что Глинка был уверен в победе русского народа даже в те дни, когда «неисчислимое воинство» Наполеона продолжало еще катиться к сердцу России, к Москве. «Под самыми пушками французскими, — пишет Глинка, — русские с твердой решимостью не отступать приросли к земле ногами, — как видно, что земля эта их родная». Предвестником победы прозвучало Бородино, решительно утвердившее непоколебимую силу русского оружия. Глинка приводит замечательные слова рядового. На вопрос, почему «в Бородине дрались так храбро», этот солдат ответил: «Оттого, сударь, что тогда никто не сызлался и не

надеялся на других, а всякий сам себе говорил — хоть все беги, я буду стоять! Хоть все сдайся, я умру, а не сдамся!»

Заслуживает внимания свидетельство Глинки об одном из моментов Бородинского сражения: «В первом периоде сражения несколько конных полков французских вдруг заскакали в тыл 6-му и 7-му корпусам. Линия казалась разорванной, но полки Дохтурова и Раевского нисколько не смешались — им пришла самая простая, естественная мысль: «Неприятель сзади, выворотимся наизнанку, станем бить по передним — с передних, по задним — с задних фасов!» И, развернув эти фасы, они открыли такой огонь, что неприятель, неистово прометчивый в своих наскоках, сам не знал, что с собою делать!»

Русский народ победил в этой войне. Солдаты Наполеона бежали из России по «той самой дороге, по которой шли они так гордо в Москву»; на этой дороге «они валялись в великом множестве мертвыми, умирающими, или в беднейших рубищах, окровавленные ползали по грудам конских и человеческих трупов» (письмо из Дорогобужа от 26 октября).

В «Войне и мире» Л. Н. Толстой писал, что «причиной гибели французских войск Наполеона был характер, который приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе». О великом гневе русского народа пишет и Глинка, создавая в своих «Письмах» и «Очерках» правдивое изображение разгрома чужеземных войск, вторгнувшихся на территорию России.

В дни, когда советский народ поднялся на Отечественную войну с фашистскими варварами, поработившими многие народы Западной Европы, события 1812 года напоминают о великой силе русского народа и его «свободолюбии. На родине Глинки, в Смоленской области, фашистские людоеды разгромили города и села, предали огню великолепные ценности русской культуры. Но с каждым днем растет сила контрудара, который наносит советский народ по фашистам. И недаром немецким войскам все чаще и чаще приходится на ум судьба наполеоновской армии, нашедшей свою могилу на русской земле. А о судьбе наполеоновской армии, пришедшей «покорить Россию», хорошо сказал Глинка: «На... кострах горели кости уроженцев счастливых стран Лангедока и Прованса, кости потомков древних французских рыцарей, старинных князей, новых графов и генералов новой Империи Французской, потомков древних феодалов, сильных баронов германских, кости гренадер, егерей и мускетеров... И горели, прогорали и разрушались кости вооруженных орд двадцати народов нашествия.»

А. Котов

В ОКУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ*

Брошюра тов. Варги «Грабеж и насилие гитлеровцев в оккупированных странах» — настоящая научная работа. Автор — крупнейший знаток конкретной экономики, многие годы систематически исследовавший мировое хозяйство и мировую политику. Научность совмещается здесь с большой агитационной силой. Умнее выбрать факты, наиболее выразительно раскрывающие ужас фашистского господства, говорит о превосходном знании материала.

Тов. Варга в этой работе показывает, что немецкий грабеж 1914—1918 годов ничто в сравнении с теперешним гитлеровским бандитизмом.

Окупируемые страны обязаны возмещать «расходы по оккупации». Чтобы цифры отчетливей говорили, автор сопоставляет их друг с другом. Так обнаруживается, что за один год Франция выплатила Германии столько, «сколько Германия после поражения в первой мировой войне должна была выплатить за три года» (Варга, стр. 6), что «Германия отбирает от одной трети до половины сильно снизившегося вследствие войны годового дохода Франции», что «на каждого немецкого солдата ежедневно выплачивается дань в 400 франков» (стр. 9). Гастон Ришар устанавливает, что французские выплаты немцам в два раза превышают весь государственный бюджет Франции 1939 года. У Дании, которая не сопротивлялась немецкому вторжению, немецкие фашисты отняли почти одну треть национального дохода. По подсчетам тов. Варги, с каждой датской семьи Германия получила 230 американских долларов. Норвегия вынуждена отдавать немецким фашистам треть своего довоенного национального дохода (К. Марков, стр. 5).

В экономической технике грабежа большое место занимает выпуск «оккупационных марок». Они имеют хождение только в оккупированной стране. Немцам марки ничего не стоят, а страны эти ничего не могут на них купить. Новая страница в учении о функциях денег: деньги односторонние, роль которых сводится к тому, чтобы поработитель брал у порабощенного все, что угодно; они могли бы быть заменены любым клочком, на котором было бы написано просто и ясно: «Взял бесплатно». Пересчет этих марок на валюту порабощенной страны устанавливается в фантастически выгодном для поработителей соотношении: одна оккупационная марка приравнивается к двадцати французским, десяти бельгийским франкам, десяти чешским кронам.

* Е. Варга. Грабеж и насилие гитлеровцев в оккупированных странах. Стр. 16; К. Готвальд. Чешский народ в борьбе против фашистских поработителей. Стр. 20; Гастон Ришар. Франция под пятой германских фашистских варваров. Стр. 24; К. Марков. Фашистский разбой в Норвегии. Стр. 16; Под игом фашистских захватчиков. Вып. 2, стр. 32.
О первых брошюрах этой серии уже говорилось на страницах «Нового мира».

Тов. Готвальд в брошюре, показывающей все этапы расчленения и оккупации Чехословацкой республики и нарастание народного протеста против оккупантов, говорит о грабеже «оптовом» и «розничном». «Фашисты буквально штурмовали разные магазины, расхватывая обувь, белье, платье, кожаные товары, галантерейные, что в Германии стало редкостью или стоило очень дорого. С быстротой молнии оккупанты очистили все магазины» (Готвальд, стр. 11).

Это — «розничный» грабеж. «Оптовый» заключается в организованном, массовом увозе из оккупированных стран военного снаряжения, продовольствия, сырья, топлива, промышленных изделий, машин, железнодорожных составов и т. д. «Оккупанты, — пишет тов. Готвальд, — растаскивали все, от самолетов до солдатских портянок. Одного только оружия и военного снаряжения было награблено примерно на 20 миллиардов чешских крон... При фашистских воинских частях были образованы специально вымуштрованные особые команды по ограблению занятых районов... Очень скоро на многих дверях и объектах появились наклейки с надписью: «Собственность Германской империи». Опечатано и реквизировано было большинство хлебных запасов чешской зерновой монополии. Все запасы масла крестьянских молочных кооперативов и частных молочных сразу перешли в «собственность Германской империи». Та же участь постигла оптовые фирмы, имеющие такие продукты, как смалец, сало, консервированное мясо, сахар, муку, яйца, бобы. Не пощадили и огромных хранилищ спирта и бензина. Тщательно разыскивали по всей стране всевозможные текстильные изделия» (стр. 11). «Фашистские хищники, — пишет тов. Марков, — насильственно забирали у норвежских крестьян лошадей, хлеб, картофель, семена для посева, мясо, угоняли скот. С норвежских рабочих промыслов были вывезены в Германию все запасы рыбы. 300 тысяч тонн картофеля — единственный и последний запас, который норвежцы берегли на зиму — было вывезено в Германию. У раненых, находившихся в норвежских госпиталях, немецкие мародеры отобрали 50 тысяч рождественских пирогов». «Они конфисковали медь, алюминий, цинк, железную руду, свыше 200 тысяч автопокрышек, цемент, лесоматериалы, гвозди...» (стр. 5).

Французские оккупационные платежи значительно превышают «фактические расходы по оккупации».

«Летом 1940 года, — пишет Гастон Ришар, — 14 рабочих завода Рено были расстреляны только за то, что они выразили свое недовольство оккупационным режимом. Недавно в Конкарно был арестован и приговорен к смерти один рыбак за то, что осмелился кулаками защищаться от нападавших на него фашистов из штурмовой секции. Чтобы спастись, рыбак выпрыгнул из окна, но при

этом сломал себе обе ноги. Фашистские изувечы наложили ему на ноги гипс, на носилках перенесли его из больницы на место казни и расстреляли» (стр. 13).

«До сих пор не установлено, сколько людей при захвате Судетской области и после него было расстреляно, повешено и замучено до смерти» (К. Готвальд, стр. 7).

Недавно в «Правде» было опубликовано сообщение югославской колонии в Стамбуле: в Югославии немецкими, итальянскими, венгерскими фашистами убито сто тысяч сербов.

Тюрьмы переполнены в оккупированных странах. В Судетах в тюрьмы и концентрационные лагеря превращались «школы, танцклассы, опустевшие фабричные здания» (К. Готвальд, стр. 7).

Шведка, проехавшая через Бельгию, рассказывает: «Старые женщины и дети бежали рядом с поездом, кричали, выпрашивали подающие... Несколько раз я видела, как машинист выбрасывал несколько лопат угля, а старухи и дети набрасывались на этот уголь, как на драгоценные бриллианты» (Андре Фольен, стр. 6).

Германские оккупанты без всякого предупреждения изгоняют из городов Западной Польши десятки и сотни тысяч жителей. Изгоняемым разрешается взять с собой лишь небольшие узелки и ничтожное количество денег. Квартиры и все ценности, годами накопленные польским населением, достаются фашистским грабителям.»

Инженер, вернувшийся из Германии, рассказывает о своей встрече с польским рабочим. К его костюму был пришит знак «Р» — такое клеймо носят все поляки в «третьей империи». Этого рабочего разлучили с женой и детьми и послали работать в Германию на рудники. С дрожью в голосе он говорил: «Слушайте, я учился в русской школе, я люблю русских. Скажите, когда все это кончится? Нам сделали рабами, закалили...» («Под игом фашистских захватчиков», стр. 30).

За общение с французскими пленными выносятся приговоры немецким рабочим. Не только рабочим. Немцам, кто бы они ни были, запрещены все проявления человечности. Тов. Варга цитирует сообщение газеты «Нейе Таг»: «Барон Готлиб фон Брандт-Копаль из Киржёнбирка и его дочь Альберта были осуждены к 10 и 2 месяцам тюрьмы. Эгерский суд счел доказанным, что одному из восьми имеющихся в имени французских военно-

пленных после ранения была наложена повязка до того, как он был отведен к врачу. Он был также накормлен ужином. Другой французский военнопленный несколько часов находился в доме помещика, где он ремонтировал электричество, при этом ему было выдано несколько сигарет. Барон и его дочь разговаривали с военнопленным по-французски, угощали его чаем, печеньем и фруктами, тогда как запрещено вступать с военнопленным в какие-либо общественные или личные отношения».

Этот факт, — справедливо замечает тов. Варга, — «особенно ярко показывает степень варварства, до которой дошла гитлеровская Германия» (стр. 12).

★

Все рецензируемые брошюры изображают не только угнетенные оккупированных немецкими фашистами стран, но и рост антифашистского движения в этих странах, рост, которого не могут остановить самые жестокие репрессии.

Формы этого антифашистского движения чрезвычайно разнообразны. Бойкот предателей, сотрудничающих с фашистами (вроде квислинговцев в Норвегии или усташей в Хорватии), своеобразный «заговор молчания», который был организован в Норвегии; там же — отказ рабочих ехать в Германию; демонстрации протеста; стачки, саботаж на промышленных предприятиях; взрывы военных складов; разрушение телеграфной и телефонной связи; воинские эшелоны врага, пущенные под откос; уничтожение отдельных солдат и офицеров (многие погибли, например, в амстердамских каналах) и целых отрядов противника; вооруженная борьба партизан. Тов. Готвальд говорит о том, как активизировалась антифашистская борьба чешского народа после подписания соглашения между СССР и Чехословакией.

Хотя эти брошюры писались и печатались в срочном порядке, их материал, разумеется, запаздывает по сравнению с газетной информацией. Из газет мы знаем, например, какой широкий и действенный отклик встретило в балканских странах обращение Всеславянского митинга в Москве; знаем, какой размах приобретает партизанское движение в Югославии.

Героическая борьба Красной Армии дает народам оккупированных стран надежду, веру в свои силы, волю к борьбе и победе.

В. Александров

★

ПУТЬ ВЕЛ ЧЕРЕЗ НАРВИК*

После того, как в сентябре 1939 года пало польское государство, после того, как Польшу заняли германские оккупанты, после

*) Ksawery Pruszyński. «Droga wiodła przez Narvik». Londyn, Kwiecień. 1941. Wydawnictwo Kolin. Ксаверий Прушинский. «Путь вел через Нарвик». Лондон, 1941. издательство Коллин.

того, как сдалась Варшава, — кое-где продолжали еще сражаться отдельные польские военные отряды.

Свое место в ненаписанной еще истории тех времен занял один польский отряд, действовавший в восточной части Люблинской области. В боях пал его командир, генерал Клебер.

По всем доступным и недоступным дорогам прокладывали себе путь в трагические дни сентября 1939 года польские военные отдельные группы и солдаты-одиночки. С оружием и безоружные пробирались они за границу страны, захваченной гитлеровцами.

Куда шли они? Они шли, несдавшиеся, несогнувшиеся, к новым фронтам. Они пробирались во Францию: через покрытые первым снегом хребты Карпатских гор, через Румынию, Словакию, Югославию, Венгрию...

Их преследовали правительства некоторых из этих стран, уже тогда творивших волю Берлина. Но их поддерживало население — кормило, одевало, перебрасывало через границу. Многие из этих воинов перебравшись таким путем даже через фашистскую Италию.

Во французский порт Марсель прибывали остатки разбитой польской армии; они формировались в регулярные отряды, направлявшиеся в Париж или в бретонские лагеря. Они прибывали на торговых судах, на парусниках, в рыбацких шаландах.

В Париж в это же время прибыл генерал Владислав Сикорский. Он решил стать во главе остатков польской армии и создать, хотя бы вдали от родины, военную силу, способную вновь вступить в борьбу с гитлеровскими захватчиками. Польская армия на чужбине пополнялась добровольцами из среды польских рабочих и крестьян, многие годы уже живших во Франции и в Америке; в эту армию влились также польские добровольцы, участники героической борьбы против фашизма в Испании.

Имя генерала Сикорского, о котором было известно, что он в течение многих лет находился в оппозиции к тому правительству, которое своей про-немецкой ориентацией привело Польшу к разрухе и поражению, — скрепляло ряды польских солдат на чужбине.

Из главного лагеря в Бретани вышли первые молодые польские подпрапорщики; оттуда двинулись польские солдаты к новым фронтам, к линии Мажино.

Так объединялся польский народ в борьбе за родину, далекую родину, к которой вел окольный путь, — его надо было прокладывать с оружием в руках. В одних рядах очутились и польский горняк из Франции, и польский дипломат из Берлина, и доброволец из республиканской Испании, и такой же доброволец из отрядов, защищавших Варшаву, и польский крестьянин, и профессор, и писатель.

Во Франции формируется 1-я дивизия гренадеров западной Польши под командованием генерала Духа; 2-я дивизия генерала Пругар-Кетлинга, танковая бригада генерала Мачека и, наконец, бригада карпатских стрелков под командованием генерала Шишко-Богуша.

Эта последняя весной 1940 года после захвата немцами Норвегии и Дании, двинулась на крайний север Норвегии, где находится порт Нарвик.

В конце апреля 1940 года поползли из Бреста на французских кораблях польские солдаты из

Карпатской бригады — после годичного перерыва снова на фронт. Среди крестьян и горняков, эмигрировавших во Францию, среди добровольцев, которые боролись в Испании, и старых польских солдат нашлись и молодые патриоты, только-что обученные во Франции. В их числе был молодой польский журналист, подпрапорщик Ксаверий Прушинский.

Прушинский-журналист, Прушинский-солдат стяжал себе в нарвикском походе польской бригады не только солдатскую славу, но и писательскую известность. Именно там, в боях за Нарвик, родилась его первая книга о борьбе польского солдата на чужбине, о героизме солдат, лишенных своей родной земли и прокладывающих к ней дорогу оружием.

«Путь вел через Нарвик» — так называется книга Прушинского, изданная на польском языке в Лондоне. Свои военные воспоминания автор посвящает своим товарищам по оружию из бригады карпатских стрелков, с которыми он проделал весь нарвикский поход.

Во вступлении к своей книге Прушинский пишет:

«... Не столько точную картину военных операций хочет передать этот рассказ, сколько самую точную правду о процессах мысли, о психологических переменах, о настроениях, которые родились в гуле сражений на крайнем севере. Автор ставит себе задачу рассказать для современности и для будущего то, о чем думало, о чем горевало, за что боролось, о чем болело душой, на что надеялось молодое поколение, которое пришло в эту армию через многие праницы, горы и леса...»

Книга Прушинского дает картину польской эмиграции во Франции в социальном разрезе, а после падения Франции — картину той же эмиграции в Англии и Шотландии, куда снова приходилось пробираться польской армии, до этого борющейся на линии Мажино. Одновременно эта книга является фрагментом новейшей истории польской армии, — ее борьбы с гитлеризмом.

На страницах книги Прушинского встает перед нами польский солдат, который не только слепо повинуется долгу, но и хочет понять стоящую перед ним великую задачу, глубоко верит в правоту дела, за которое проливает кровь на далеких от родины дорогах; он знает, что дороги эти ценою крови и страданий ведут его к освобождению.

Отдельные эпизоды борьбы, мастерски изображенные автором, производят сильное впечатление; некоторые выведенные в ней лица врезаются надолго в память. Трудно забыть горца Пружанского, который один, взобравшись на отвесную скалу, поливал из пулемета немцев, удиравших на судах по синей глади фиорда. Горец продолжал стрелять даже тогда, когда на него дождем стали падать острые обломки скалы, обстреливаемой из немецкого пулемета...

«... Подпрапорщик не ранен. — рассказывает об этом эпизоде Прушинский. — Только голова его, наклоненная спина, грудь пронизаны пулями, многократно и насковозь... Когда

снимут тело Пружанского с этой скалы, высящейся, как цоколь памятника, все увидят, что тело его совершенно обескровлено, шлем врезался в кости черепа, вместе с ними продырявленный, будто гвоздями...»

Так принял смерть за родину подпрапорщик Пружанский, польский солдат, погибший на далеких скалах северной Норвегии.

Не он один верил, что нарвикская дорога ведет к свободной Польше. Образ подпрапорщика Пружанского олицетворяет всех польских солдат, которые в боях за родину, против гитлеризма героически борются до последнего дыхания. Он олицетворяет польских солдат, погибших на полях Франции, и тех, которые сражаются с той же верой в песках Западной пустыни, кто завладел Тобруком, портом итальянской Ливии.

Героические горды Пружанские имеются и среди польских моряков, плавающих на океанских просторах. Многих Пружанских найдем мы и среди славного летного «Дивизиона 303», который на англо-польских самолетах успешно бомбардирует Кельн, Гамбург, Бремен, Берлин.

Сотни Пружанских воспитываются и подготавливаются и среди польских дивизий, формирующихся в Советском Союзе.

Ксаверий Прушинский впервые создал в эмиграции прекрасную повесть о польском солдате, которого Гитлер намеревался окончательно уничтожить в Польше в 1939 году. Гитлер не думал, что этот, казалось бы, навсегда побежденный польский солдат возродится во всех частях света, что на всех фронтах, которые вскоре окружат гитлеровских бандитов, среди миллионов мстителей поляк станет в один ряд с русским, украинцем, белорусом, чехом, сербом.

Немало ярких образов имеется в книге Прушинского. Среди них запоминается подпрапорщик Стецкий, историк и пианист, маленький Кетлер, ведущий бурные дискуссии с немецким военнопленным, крестьянин Михалек и горняк Кукуруц, — оба тоскующие о Польше на дальнем норвежском севере.

Но автор не лакирует действительность. Наряду со многими героическими и честными польскими патриотами, он яркими штрихами рисует омерзительный образ предателя Земянского, подхалима и шантажиста. Предателя видит насквозь и понимает до конца капрал Труда, борющийся раньше в республиканской Испании. Но не видит и не может разгадать Земянского его командир, поручик, который плохо разбирается в людях, не умеет ценить своих лучших солдат, не умеет идти в ногу с переменами, совершающимися в молодом поколении Польши, том героическом поколении, которое шло через «горы и леса», чтобы бороться за новую, свободную родину.

Двадцать глав книги ведут нас шаг за шагом вместе с польским отрядом. Мы на первой линии фронта, где бьют пулеметные очереди, мы попадаем под огонь минометов, совершаем трудные переходы. Мы среди раненых в прелево госпитале, у солдатских могил, в сожженных предместьях Нарвика, мы посреди взорванных тоннелей, заграждающих доступ шведской руде на германские заводы.

Автор знакомит нас с мыслями и настроениями новой польской армии. Его книга — прекрасный подарок польской литературе, развивающейся вопреки гнету гитлеровцев, связывающей разбросанных по миру поляков и вдохновляющей их на беспощадную борьбу за свободу и независимость родины.

Янина Броневская.

★

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ*

В Москве вышло интереснейшее издание — прекрасно исполненный альбом, посвященный жизни и творчеству М. Ю. Лермонтова.

Богато оформленный художником Н. В. Ильиным и безукоризненно выполненный работниками 1 Образцовой типографии Огиза, альбом представляет собой яркое и неоспоримое свидетельство того, что, несмотря на всю сложность и серьезность военной обстановки, несмотря на яростный натиск врага на нашу советскую столицу, в ней не прерывается большая созидательная, культурная работа.

«Настоящее издание, — читаем в предисловии, — имеет целью показать жизнь и творчество великого русского поэта при помощи художественно изобразительного и документаль-

ного материала. Творческий путь Лермонтова развернут на широком фоне общественно-политической жизни России 20-х и 30-х годов XIX столетия».

Сотрудники Института мировой литературы имени А. М. Горького под руководством тов. М. Голосовкера проработали громадную работу по подбору как литературного, так и художественного материала; достаточно сказать, что в альбоме приведено свыше 400 репродукций.

Благодаря высокой полиграфической технике все эти репродукции, в особенности многоцветные, производят остро запоминающееся зрительное впечатление.

Наиболее интересны отделы альбома, посвященные первой и второй ссылке М. Ю. Лермонтова на Кавказ, а также дуэли и смерти поэта. В зарисовках самого поэта, его современников, главным образом, его друга рисовальщика Г. Гагарина, проходит знаменательный период жизни Лермонтова, когда он храб-

* Академия наук СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. 1814—1841». Государственное издательство «Искусство». Москва—Ленинград. 1941 г. 313 стр. 35 цветн. репрод.

ро сражался на Кавказе во имя родины и где, по молчаливому наущению царя, его сразила пуля убийцы. Следует отметить, что в альбоме впервые воспроизведены детские рисунки и акварель Лермонтова. Внимательно, с большой тщательностью собрано содержание альбома, однако, не вполне ровно. Насколько продумана и полна историческая часть изобразительного материала, настолько случайно все то, что специально исполнено для этого издания советскими художниками. Не говоря уже о том, что в альбоме почему-то представлены работы только одних московских графиков, среди помещенных иллюстраций встречаются просто слабые вещи. Запоминаются лишь темпераментная иллюстрация Н. Тоидзе к «Мицери», акварели В. Бехтеева «Лермонтов и Краевский», Т. Мавриной «Смерть поэта», работы А. Ванециана, Н. Давыдова и М. Милашевского.

Серьезный недостаток альбома и в том, что

ни одна из множества цитат — самих по себе хорошо подобранных — не имеет указания на источники, кроме одних фамилий авторов. Известно, что часто цитаты вызывают желание ознакомиться со всем текстом и, конечно, нельзя рассчитывать на то, что все читатели умеют самостоятельно ориентироваться в богатейшем поэтическом наследстве. Упущением редакции следует считать и отсутствие указателя. Найти интересующую иллюстрацию в альбоме чрезвычайно трудно, так как они расположены в хронологическом порядке и так же повторены в перечне.

В целом же альбом заполняет весьма заметный пробел в советских литературоведения и искусствоведения. Оттого с таким волнением перелистываешь страницы альбома, посвященного отражению в литературе и искусстве мятежной и трагической жизни великого народного русского поэта.

И. Заревский.

ПОРАБОЩЕННАЯ РУМЫНИЯ*

Когда фашистские полчища обрушились на маленькую Голландию, их встретила на границе немногочисленная, но храбрая армия. Голландцы открыли шлюзы своих каналов. Они пытались затопить поля, чтоб преградить путь порабощителям. И свободолюбивые народы Греции, Бельгии тоже сопротивлялись темным силам фашизма.

Как же могло случиться, что коричневая чума проникла в Румынию без единого выстрела, что румынский народ, познавший в прошлой войне всю тяжесть немецкой оккупации, не встретил Гитлера с оружием в руках?

Объяснение этому факту можно найти в рецензируемой нами брошюре.

Автор ее располагает обширным фактическим материалом и хорошо владеет пером публициста. В этом смысле надо особо выделить главы «Поезда с заколоченными окнами», «Бухарест — столица Румынии».

В темные сентябрьские ночи 1940 года в Бухарест прибывали поезда с германскими солдатами, штурмовиками и вооружением. Население сразу почувствовало прабительскую руку Гитлера. Бухарестские рынки и магазины опустели. В стране не стало хлеба и мяса. Эшелоны нефти покатали в Германию. Румынская интеллигенция, рабочие и крестьяне, выразившие недовольство «новым порядком», заполнили камеры смертников. Полилась кровь ограбленного народа. Румынский министр «иностранных дел» Михаил Манолеску — владелец копей Шорекани, — расстреливавший бастующих рабочих, министр пропаганды Никифор Крайник и журналист Памфил Шейкару, — владельцы до-

мов тервимости — и другие, во главе с врагом румынского народа вероломным Антонеску, помогли «фюреру» воровски переправить в Румынию полчища фашистских дикарей, поработить и ограбить застигнутый врасплох румынский народ.

Чтобы успокоить румын, Антонеску выступил по радио: «Немецкие войска появились в нашей дорогой стране исключительно для обучения румынской армии».

Антонеску «кашлял» и «лепетал» у микрофона, а тем временем гитлеровцы грабили черноземные плодородные поля Румынии, богатейшие залежи нефти в долине реки Праховы, огромные запасы угля в долине реки Жиу.

В сентябре 1940 года цепь предательства была завершена. Генерал Антонеску впустил фашистские полчища в страну. Румыния перестала существовать как независимое государство.

Румынский народ был отдан на растерзание Гитлеру. Румынские бояре и министры, почуяв в берлинском фюрере опытного бандита и афериста, ограбили с его помощью Румынию и превратили в рабов румынский народ. Вот почему, когда Гитлер шел на Румынию, не прозвучали выстрелы на ее границах.

Автор книги рассказывает, до какого предельного нищенства довел Гитлер Румынию. Положение страны лучше всего рисует народная песня:

Наши горы несут золото,
А мы попрошайничаем у всех ворот.

Румынский народ, голодный и нищий, не хочет воевать за Гитлера. В памяти большинства румынских солдат живы традиции отечественных партизан и революционеров.

* Конст. Вилкова н. «Гитлер в Румынии». Гослитиздат. М. 1941. Стр. 80.

В главах «Весть о свободе» и «Восстание» Вылкован развертывает перед читателем картину Татарбунарского восстания, вспыхнувшего в 1924 году. «Татарбунар — символ героизма крестьянских масс в борьбе с захватчиками. Татарбунар — символ дикой расправы современных варваров с трудящимися».

«Смерть германским палачам!» — этой мыслью живет румынский народ. То, что происходит на его глазах, не может не вызвать презрения, отвращения и ненависти к Гитлеру.

Фашистские изверги издеваются над румынами.

«...В жаркий летний день к воротам бухарестского госпиталя Брынковяну подкатил автомобиль. Из него вышло восемь человек в фашистской форме со свастикой на рукавах. Все они были вооружены револьверами. Шофер машины, высокий, грузный, похожий на мясника, сошел со своими пассажирами, таща за собой топор. Налетчики отстранили испуганного швейцара и ворвались в госпиталь. Угрожая револьверами встречным медицинским сестрам и врачам, фашисты ворвались в палату № 213. Здесь лежал, дожидаясь операции, тяжело больной адвокат Стелеску. При виде налетчиков адвокат, прикованный к постели, успел только накрыть лицо простыней. Бандиты разместились полукругом у больничной койки и начали в упор стрелять в лежащего. Женщина-врач, прибежавшая на выстрелы, пыталась прорваться в комнату казни. Но шофер, сопровождавший убийц, хладнокровно ударил ее топором по голове и отшвырнул от дверей...»

Гитлеровцы и сподручные Антонеску цинично запугивают румынский народ и в печати. «Мы, фашисты, — привидения, пришедшие из мира прошлого для того, чтобы вселить ужас и страх в современный мир».

Один из таких борзописцев-мракобесов — террорист-гитлеровец Константинуеску, — воспитанный по рецептам Геббельса и Гимmlера, выработал свой план вселения «ужаса» и «страха». План этот, вполне достойный упоминания в учебниках психопатологии, сводился к следующему: фашистские головорезы пробираются в университеты, получают по ножи и сажаются рядом со своими коллегами евреями и венграми. На лекции, когда будет подан сигнал, все они встанут и вонзают свои ножи в бока соседей — «инородцев».

Однако зверства и грабеж вселяют не только ужас и страх, а разжигают ненависть к банде Гитлера, поднимают румынский народ на борьбу за свое национальное освобождение.

«...В лесных тропинках Бугежь, там, где раньше разгуливали туристы с рюкзаками, ходят теперь партизанские отряды. Они налетают на нефтепромыслы, поджигают нефтесклады. Большинство партизан — рабочие-нефтяники. Они прекрасно знают, что долина Праховы — это жизненный центр не Румынии, а Германии. Без румынской нефти Германия задохнется.»

В многострадальной Румынии живы демократические традиции. Под угрозой смертной казни профессор К. из Кишинева организовал комитет против войны и фашизма. Бухарестские рабочие совместно с писателями, адвокатами и работниками искусств выпустили антифашистские воззвания.

Война против СССР, в которую брошена фашистами Румыния, станет войной румынского народа против поработителей, против немецких фашистов и предательской клики генерала Антонеску, войной за мир, за демократическую свободную Румынию.

Л. Львов

★

КНИГА О БДИТЕЛЬНОСТИ*

Брошюра Б. Яглинга вышла во втоом, исправленном и дополненном, издании. Несомненно, это интересная и нужная книга.

Не болтай! Язык на замок! Сохранение военной тайны обязательно для каждого честного патриота.

«Помни, что враг будет стремиться выведать государственные и военные секреты, и твоя болтливость может оказаться лучшим ему помощником.

Ты можешь встретить человека, который попросит указать ему дорогу к вокзалу, электростанции, к воинской части.

Ты можешь встретить человека, который «по-дружески» поинтересуется, в каком городе и в какой части служит твой брат, сын или товарищ.

Ты можешь встретить человека, который с невинным видом будет расспрашивать тебя, что ты видел на железной дороге, какие поезда, с каким грузом на платформах проезжали мимо тебя.

Кое-кто может поинтересоваться и тем, чем занят ты сейчас на заводе, что делает твой колхоз для Красной Армии.

Помни, что все эти сведения, как и многие другие, перечислить которые нет никакой возможности, представляют собой интерес для шпионов. По отдельным отрывочным сведениям, «мелочам», как тебе может показаться, шпионы составляют одно целое, выведывая важные военные государственные секреты.

Язык на замок, товарищи! Объясните беспощадную борьбу болтливости. Умейте молчать сами и учите умению молчать других.

В Советском Союзе, где каждый гражданин трудится на благо Родины, своего народа,

* Б. Яглинг. «Храни военную тайну». Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1941. Стр. 31.

каждый, в той или иной степени, является и хранителем военной государственной тайны. Поэтому сохранение военной тайны у нас в стране является делом всего советского народа.

Знай, что такое военная тайна и как ее хранить.»

В брошюре в общих чертах изложено, какие сведения нужно считать секретными. Каждый советский патриот должен знать наш официальный перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной. Такой перечень был утвержден Советом Народных Комиссаров СССР 27 апреля 1926 года и за подписью товарища Куйбышева опубликован в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» 13 мая 1926 года.

К секретным сведениям военного характера в этом перечне относятся:

Дислокация (расположение) частей, заведений и учреждений Рабоче-Крестьянской Красной Армии и объектов военной охраны, за исключением указанных в особой инструкции.

Организация, численность, подготовка, техническое и военно-инженерное оборудование, финансирование, снабжение — вообще состояние вооруженных сил Союза ССР.

Мобилизационные и оперативные планы (как общие, так и частичные), расчеты, проекты и мероприятия, а также мобилизационная готовность Рабоче-Крестьянской Красной Армии, промышленности, транспорта, связи и страны в целом.

Дислокация, оборудование, состояние, финансово-производственные планы, производительность всей военной промышленности, а также остальной промышленности, в части выполняемых последней военных заказов.

Изобретение новых технических и иных средств военной обороны.

Объявленные секретными или не подлежащими оглашению издания и документы, имеющие отношение к обороне Союза ССР, а равно данные, основанные на указанных изданиях и документах.

Во втором разделе перечня определены не подлежащие оглашению сведения экономического характера. К ним относятся:

Состояние казначейских валютных фондов, сведения о текущем расчетном балансе и оперативно-валютных планах Союза ССР.

Открытия, изобретения, технические усовершенствования, в случае признания таковых имеющими особо важное для страны значение и подлежащими сохранению в тайне.

Детальные сведения о планах и плановых предположениях, касающихся ввоза и вывоза отдельных товаров, а равно о состоянии экспортных фондов отдельных товаров.

Третий раздел перечня — «Сведения иного рода».

Это сведения, касающиеся переговоров и соглашений Союза ССР с иностранными государствами, а равно всяких мероприятий и выступлений Союза ССР в области внешней по-

литики и внешней торговли, поскольку указанные сведения не основаны на официально опубликованных данных.

Сведения о методах и мерах борьбы со шпионажем и контрреволюцией.

Государственные шифры и содержание шифровальной переписки.

Но всего в коротком перечне, конечно, предусмотреть нельзя. Пользуясь этим перечнем и материалами нашей брошюры, каждый советский гражданин, каждый боец Красной Армии или Военно-Морского Флота, каждый патриот нашей Родины должен сам осознать, что следует ему хранить в тайне.

Автор книги приводит примеры того, как болтуны и ротозей вольно или невольно оказывались помощниками врагов. Например, летчик Б. отличался словоохотливостью и неразборчивостью в знакомствах. Однажды Б. познакомился в парке с двумя неизвестными. В тот же вечер он пригласил их к себе и, разговорившись за ужином, рассказал своим гостям о типах самолетов и других военных секретах. Знакомство закрепилось. При следующих встречах Б. снова выболтал новым приятелям различные секретные сведения. Впоследствии знакомые Б. были разоблачены как агенты разведки одного из иностранных государств. При аресте у них обнаружили подробные данные. Все эти данные были разглашены болтуном Б.

Находкой для разведывательных органов иностранных государств служат и разгильдяи.

Один начальник военного склада во время разгрузки автомашин положил на кузов сумку с секретными документами. Разгрузка закончилась, машина ушла, документы исчезли. Их удалось разыскать только через два месяца у колхозников дальнего села.

На одном из заводов инженер С., вместо того чтобы отправить в наркомат важные секретные материалы установленным порядком, повез их сам (захотелось «прокатиться в Москву»).

В поездке документы исчезли у ротозея. А через несколько дней с этими материалами был задержан шпион одного из иностранных государств.

У иного директора предприятия в кабинете целый день толкутся посетители. А на столе лежат папки с секретными документами. Что стоит шпиону похитить у такого разини важные материалы?

Некоторые инженеры, хозяйственники или командиры уносят домой чертежи и документы, не подлежащие оглашению, чтобы «поработать в тишине», или таскают по небрежности секретные бумаги в карманах. Многие из таких людей и не догадываются, что совершают преступление.

В кабинетах работников советских учреждений на стенах часто можно видеть таблицы выполнения планов, всевозможные графики, схемы заводов и т. п. Эти «настенные» документы, развешиваемые, главным образом, для

украшения, могут помочь осведомлению шпионов.

Кончается брошюра обращением:

«В наши дни каждый из нас — хранитель военной тайны. Подумай хорошенько, и ты сам поймешь, что именно тебе следует хранить в секрете (даже если тебя не предупреждали об этом) и что на твоём заводе, в твоём учреждении, колхозе или воинской части нужно уберечь от лишних ушей и глаз.

Для того, чтобы уметь хранить советские государственные, военные, партийные тайны,

нужно прежде всего быть преданным сыном своей социалистической Родины.

Нужно найти и зацементировать все щели, все трещины, через которые вражеский разведчик мог бы узнать хоть что-нибудь о нашей обороноспособности.

Быть бдительным — долг каждого гражданина Советской страны.»

Книга Б. Яглинга написана доступно для самого широкого читателя.

Л. Кашир

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

---

*Редакция: Москва 6, Пушкинская площадь, 5.
Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».*

Б25031. Зак. 21. Подписано к печати 11/1 1942 г. 12 печ. листов. Тираж 40.000.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», Москва, Пушкинская пл., 5.